

И. В. ЗАЙЦЕВ

МЕЖДУ МОСКВОЙ И СТАМБУЛОМ

*Джучидские государства, Москва и Османская империя
(нач. XV — пер. пол. XVI вв.)*

ОЧЕРКИ

МОСКВА — 2004

Издание осуществлено при поддержке программы
«Высшее образование» «Института «Открытое Общество» —
Фонд Сороса (Россия)

Ответственный редактор
Д.Д. Васильев

В оформлении обложки использованы
элементы карты Руси начала 1600-х гг. (издана в Амстердаме Г. Герритсом в 1613 г.)
и гравюра Маттеуса Мериана (Matthäus Merian) с видом Стамбула (1635 г.)

ISBN 5-7380-0202-4
© Зайцев И.В., 2004

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора.</i> Золотоордынские государства между Москвой и Стамбулом (XV—XVI вв.): действительность и историографический миф	9
<i>Очерк первый.</i> Историография истории отношений постордынских «юртов» с Османской империей и Московским государством ...	11
<i>Очерк второй.</i> Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II: Османская империя, Золотая Орда и государства Восточной Европы в конце XIV—первой трети XV века	49
<i>Очерк третий.</i> Большая Орда, Крымское ханство и Османская империя в 50—70-х гг. XV в. Источниковедческий обзор	66
<i>Очерк четвертый.</i> Крымское ханство в 50—70-х гг. XV в.	82
<i>Очерк пятый.</i> Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.)	99
<i>Очерк шестой.</i> Мнимый протекторат: Казанское ханство и Османская империя в середине 20-х гг. XVI в.	121
<i>Очерк седьмой.</i> «Позабыв Бога, и наше жалованье, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского)	131
<i>Очерк восьмой.</i> Казанские посольства 1549 года	159
<i>Очерк девятый.</i> Описание Сибирского ханства в космографии дефтердара Сейфи Челеби (вторая половина XVI в.)	174
<i>Очерк десятый.</i> «Дешти Кыпчак» в османской титулатуре: политические претензии и реальное содержание в системе османских представлений о власти	181
<i>Очерк одиннадцатый.</i> Татары и русские друг о друге: sine ira et studio	187
<i>Заключение</i>	205
<i>Указатель имен</i>	207

ОТ РЕДАКТОРА
ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОСУДАРСТВА
МЕЖДУ МОСКВОЙ И СТАМБУЛОМ (XV—XVI вв.):
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

Лизе

Эта книга посвящена драматичной истории отношений государств, образовавшихся в Восточной Европе и части Западной Азии после распада Золотой Орды, с двумя державами Средневековья — Османской империей и Московским государством.

В XV в. некогда единая и мощная Золотая Орда (Улус Джучи) распалась на несколько независимых государств (Астраханское, Крымское, Казанское, Сибирское ханства, Ногайская и Большая Орды), тесно связанных между собой общностью происхождения, религией, этническим составом населения, династическими узам, культурой и проч. Включение джучидских государств в состав Московского великого княжества, а потом и Российской империи, стало ключевым моментом в образовании многонациональной России, единственной державы средневековой Европы, в которой на протяжении веков было возможно в целом продуктивное сосуществование огромной мусульманской общины с христианской государственной властью. Османская империя как гарант единства мировой исламской уммы, защитница мусульман во всем средневековом мире не могла полностью проигнорировать этот процесс. Терпимость ли (вынужденная или искренняя?) московской власти к исламу — религии новых подданных, или же невозможность Стамбула военным способом вмешаться в отдаленный конфликт на севере предопределили относительную (или мнимую?) безучастность османов к происходившим в XV—XVI вв. крупным территориальным перестановкам на карте Восточной Европы?

Эта книга состоит из нескольких очерков. Большая их часть не публиковалась. Первый очерк посвящен анализу отечественной и зарубежной историографии вопроса, в частности, подробно рассматривается популярный доньше миф об особой агрессивности и захватнических планах Османской империи по отношению к Московскому государству в XVI в.; истоки концепции неприятия. Второй и третий очерки являются попыткой очертить круг источников — как реальных историче-

ских свидетельств метаний джучидской аристократии между Москвой, Бахчисараем и Стамбулом, так и мнимых памятников, чаще всего идеологически обусловленных литературных текстов, противопоставляющих Россию и мир ислама. Наконец, в очерках 4—10 дана наиболее адекватная и удовлетворяющая, по мнению автора, условиям научного поиска, основанная на источниковедческом анализе картина действительных событий, происходивших в XV—XVI вв. в сложном политическом многоугольнике между Москвой и Стамбулом.

Последний очерк представляет собой обширное эссе «Татары и русские друг о друге: sine ira et studio», рисующее сложные изменения образов и взаимных представлений русских и татар друг о друге в Средние века и Новое время. Этот очерк отчасти помогает разобраться и некоторых современных аспектах русско-татарского (а, шире, — славянско-тюркского) этнокультурного синтеза.

Публикуемая серия очерков основана на серьезных архивных и библиографических изысканиях автора и демонстрирует высокий источниковедческий уровень работы. Тем не менее, очерки будут любопытны не только профессионалам, но и вызовут интерес как книга для чтения по истории малоизвестного периода существования мусульманских государств на территории России.

Проф. Д.Д. Васильев

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКИХ «ЮРТОВ» С РОССИЕЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

История Золотой Орды (Улуса Джучи) и государств, образовавшихся в результате ее распада, привлекала внимание исследователей давно. В отечественной и зарубежной исторической науке имеется большое количество трудов, посвященных политической, социальной, экономической и культурной истории, источниковедению истории Улуса Джучи. Широкую известность приобрели фундаментальные труды Й. Хаммера-Пургшталля, Б. Шпулера, А.Н. Курата, А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже, В.В. Вельяминова-Зернова, В.Д. Смирнова, В.В. Бартольда, М.Г. Худякова, М.Г. Сафаргалиева, М.А. Усманова, А.П. Григорьева, А.М. Некрасова и др. Историография истории отношений постордынских государств с Россией и Османской империей (как отечественная, так и зарубежная) довольно обширна и важна для изучения данной темы. Однако, работы, целиком посвященные анализу этих отношений в период XV — первой половины XVI в., практически отсутствуют. Если в отечественной исторической науке вопросы внешней политики Московского государства на Востоке (особенно ее военный аспект) разработаны достаточно неплохо, то специальных исследований целей и интересов Османской империи по отношению к Казанскому, Астраханскому, Сибирскому ханствам, Ногайской и так называемой «Большой» ордам не существует¹. Эти цели, хотя и формулировались историками, но почти всегда попутно, нередко голословно, часто с использованием данных только русских источников без привлечения османских материалов и источников, происходящих непосредственно из государств бывшего улуса Джучи. Однако, по справедливому замечанию М.А. Усманова, «Два огромных государства — Джучиев Улус и Османская империя — некоторое время почти соседствовали, но мы еще мало знаем об их дипломатических взаимоотношениях, вероятно, в силу следующих причин: во-первых, архивы джучидских ханов не сохранились, а документы внешних сношений турецко-османских правителей еще не обследованы полностью; во-вторых, интересы набирающих силу османских правителей были обра-

шены прежде всего на Запад (Византию и Балканы), а слабеющие саравские ханы были заняты преимущественно внутренними проблемами и конфликтами на востоке и севере, т.е. говоря о джучидо-османских дипломатических связях, мы должны учитывать как неблагоприятность международных условий для их всестороннего развития, так и малочисленность сохранившихся документов»².

Специальных работ, суммировавших данные отечественной и зарубежной историографии и посвященных анализу происхождения и развития концепций отношений постзолотоордынских юртов с Московским государством и Османской империей, также не существует. Можно указать лишь относительно недавнюю работу С.Х. Алишева, однако в ней рассмотрены лишь отечественные труды (да и то неполно), касающиеся только истории присоединения народов Поволжья к России и их дальнейшего существования в составе Российской империи. Работа С.Ф. Фаизова посвящена анализу турецких трудов по истории русско-османских и русско-крымских отношений в XVI—XVII вв.³ Несколько ценных замечаний о характере советской историографии, касающейся восточной политики Москвы в средние века, внесли А.В. Фишер⁴, а также М. Рывкин⁵. Все это делает изучение историографии истории отношений постзолотоордынских тюркских государств с мощными империями позднего средневековья (Османской и Российской) самостоятельной и весьма актуальной задачей.

В наш обзор сознательно не включены работы, посвященные истории московско-касимовских отношений. Это вызвано тем, что история Касимовского ханства — уникальный пример превращения своего рода контрибуции, наложенной Улуг-Мухаммедом на плененного Василия, в орудие московской политики по отношению к Казани, Крыму и Большой Орде. История Касимова несколько выделяется из общей канвы развития постордынских государств, а именно поэтому нуждается в специальном рассмотрении⁶.

В развитии темы в русской, советской и российской (постсоветской) историографии можно выделить несколько периодов.

Истоки историографических концепций классической российской исторической науки XVIII — нач. XX вв. и историографии советского периода следует искать в XVI—XVII вв. Их (концепций) происхождение тесно связано с результатами осмысления событий современниками, попытками исторического синтеза, предпринятыми российскими интеллектуалами конца XV — XVII вв., часто причастными к осуществлению государственной политики в постордынском пространстве. Именно к концу XV — началу XVI вв. относятся важные изменения

в восприятии общественным сознанием Московского великого княжества взаимоотношений Москвы с «татарами»⁷. Тесная связь первых «исторических» трудов, рисующих отношения Московии с государствами Улуса Джучи и Османской империей, с официальной идеологией Московского великого княжества, естественно, сделала эти труды, если можно так выразиться, «российскоцентричными» и наложила отпечаток на развитие российской историографии XVIII — XX вв., которая долго не могла отойти от заданных в XVI—XVII вв. схем.

Едва ли не первой попыткой российской исторической мысли оценить цели и задачи Османской империи в Восточной Европе стало сочинение под названием «Сказание о брани венециан противу турецкого царя», сохранившееся в составе сборной рукописи бывшего собрания П.И. Савваитова (ОР РНБ Q.IV.412), опубликованное Н.А. Казаковой⁸. Сочинение делится на три части: первая часть — вводная, вторая представляет собой перевод с латыни истории турок. Центральная часть, как предполагает Н.А. Казакова, восходит к латинскому источнику, названному в предисловии «Предсуждением латинским» и созданному, вернее, переработанному в Польше из сочинения, связанного с кругом средиземноморской литературы. «Очевидно, неизвестный прототип был посвящен описанию войны или какого-то крупного сражения между венецианцами и турками, изложение же истории турок входило в Сказание лишь в качестве составной части». Сказание, вероятно, возникло в Венеции и было посвящено сражению у Наварина (12 августа 1499 г.), затем переработано в Польше (или даже переведено там на русский), описание венециано-турецкой войны опущено, после чего осталось только изложение османской истории и заглавие сочинения. В России было добавлено введение и послесловие⁹. Латиноязычный источник русской версии датируется Н.А. Казаковой вторым десятилетием XVI в. (не позже правления султана Селима Грозного).

Третья часть сочинения наиболее важна для нашей темы. Она представляет собой «публицистическое послесловие, в котором, — по мысли Н.А. Казаковой, — составитель русской версии произведения излагает свои мысли о планах турок и, в частности, о планах, касающихся России»¹⁰. «На конце же сего писанного, поне же мне сие во ум прииде, яко не неведомо есть о двоерядном турецком к сему пресловушему царству [т.е. в Россию — И.З.] посольстве, иже, яко мне видится, в ложь, толку подсмотрения для, учинены суть, яко легче и светле от тех послов речем познатися и уразуметися может, и сие тоя ради вины, да италиан и венециан оставльше и сложився с татары, царство сие [т.е. Россию — И.З.] покорят и свободен приступ имеют по Аламани

во Италию. Чаёт бо, съветом иных, сиречь русаков, у него пребывающих, научен, легчае себе Итталию, Францию, Испанию и Аламани. Покорити мощи, аще прежде сие царство, сиречь Руское обдржит. Того ради ни единою, но двояды посла своего, подсмотрения дела, яко же Моисей своих подзорщиков в землю обетования посылал. Мы же о сей вещи сумнение чиним»¹¹. Таким образом, стратегия турок, описанная в русском послесловии, предполагает, по мысли автора, прекращение наступления на Венецию, подготовку к наступлению на Италию, Францию, Испанию и Империю, для чего необходимо, соединясь с татарами, завоевать Россию.

Рукопись датируется концом XVI — нач. XVII в., но сама русская версия, по мнению Н.А. Казаковой, относится к более раннему времени. Ситуация, описанная в произведении, согласно Н.А. Казаковой, отвечает 20-м гг. XVI в. Упомянутое двукратное посольство — возможно, две миссии Скиндера, в котором русские официальные круги подозревали простого шпиона, подосланного «смотреть мест на Дону ставити город»¹², и, добавим, первого проводника (или, даже, возможного автора) идеи турецко-татарского союза, направленного против России. Целью автора послесловия (выходца с Западной Руси, как считает публикатор), возможно, было оказание воздействия на политические круги России для вовлечения страны в антитурецкую лигу¹³. Недавно Н.В. Синицина уточнила датировку текста. По ее мнению, в его русском варианте он был создан летом — осенью 1524 г., первая и вторая части являются переводом латиноязычного источника, заключительная часть, написанная, скорее всего, летом 1524 г. — плод собственного творчества переводчика, развившего положения «бумаги» Николая Булева (показана Максиму Греку между сентябрем 1522 — сентябрем 1523 г.)¹⁴.

Не обошел вниманием возможность участия Османской империи в судьбах постордынских государств (в частности, Казани) и автор «Казанской истории». В 41 главе этого произведения — «О бывшей вести у Турскаго царя о Казани, и о царицы, и о послании его к мурзам нагайским»¹⁵ приводятся выдержки из турецко-ногайской переписки накануне взятия Казани русскими: письмо султана ногайским мурзам и ответ последних султану. Султан призывает ногаев к оказанию помощи Казани и войне за веру с Москвой. Абсолютно «промосковский» ответ мурз султану с отказом помогать Казани наполнен славословиями в адрес русских, московского государя («точен бо есть он тебе во всем: и богатством, и силою») и христианства. Еще Г.З. Кунцевич, один из наиболее вдумчивых исследователей этого источника писал: «Мож-

но видеть, что в главе 41-ой есть несомненная доля исторической правды; в ней передается то, что было известно в свое время о сношениях мусульманских повелителей с главою правоверных, султаном турецким. Разумеется, автор передаёт лишь общий смысл совершавшегося... Откуда почерпнуты эти сведения, от татар или русских, из устных ли источников или письменных? Склоняюсь к мнению, что от татар и притом преимущественно из устных источников. Для Казани вопросом жизни были сношения о помощи. Конечно, и в Москве внимательно следили за сношениями между татарами и султаном, но знали больше об этом деле государеве, кому следовало. Устных сведений из непосредственного сношения с татарами в Москве было, без сомнения, несравненно менее, чем в татарской Казани»¹⁶. По моему мнению, «переписка» султана с Ногайской Ордой, вошедшая в состав «Казанской Истории», принадлежит к тому же жанру псевдоисторической литературы, созданной в кругах, близких к Посольскому приказу, что и «ярлык» Ахмеда Ивану III, легендарная переписка Ивана Грозного с султаном, цикл посланий султана европейским монархам, «Повесть о двух посольствах» и др., относящихся к XVII в. В этом убеждает анализ формальной структуры писем, ничего общего не имеющих с памятниками собственно джучидской канцелярской традиции, а представляющих собой русскую литературную версию переписки, причем ее источником служили не устные татарские предания, а синхронные документы Посольского приказа (при этом не обязательно османо-ногайской переписки). Сама «Казанская история» некоторыми исследователями¹⁷ датируется, в противоположность традиционной точке зрения, не второй половиной XVI в., а более поздним периодом — не ранее середины XVII в.¹⁸, что согласуется с моей точкой зрения на «переписку» султана с ногаями, вошедшую в состав этого памятника. Таким образом, послание султана и ответ на него, — памятник, рисующий представления официальных (или полуофициальных) русских политических кругов сер. XVII в. на события вековой давности, т.е. может служить источником для изучения восприятия русским обществом более позднего времени событий середины XVI в.

В 1692 г. Андрей Лызлов закончил свою «Скифскую историю», значительное место в которой он уделил вопросам отношений России с постордынскими юртами и Турцией. Вслед за созданием антитурецкой Священной лиги, включавшей и Россию, заключением Вечного мира с Польшей и Крымскими походами В. Голицина, интерес к этой теме возрос¹⁹. А. Лызлов, пожалуй, первым после Казанского летописца, касается взаимоотношений Казани с Турцией и Крымом и насчи-

тывает в Казани четыре группировки, борющиеся за власть: московскую, крымскую, ногайскую и турецкую²⁰. «К 20-м гг. XVI в. Лызлов относит вмешательство Крыма во внутренние дела Казанского ханства, что, по его мнению, осложнило борьбу Руси за Казань»²¹. Русско-турецкие отношения конца XV в. видятся А.И. Лызлову мирными: Мехмед II после взятия Константинополя хотел стать повелителем мира, но «с московским же великим государем князем Иоанном Васильевичем дружбу хотяши имети, слышаши о великой славе его, и мужестве, и победах над окрестными супостаты, лет 6990-го посла к нему послов своих о мире и любви с подарками немалыми. Иных же не престаише воевати»²². По А.И. Лызлову турецко-русские отношения обострились лишь после завоевания Казани и Астрахани, причем султан вынашивал агрессивные планы под прикрытием идеи защиты ислама: «Сие же слышав наивышший всех бусурманских народов и нечестивых их махOMETанские прелести защитник Селим султан турецкий, хотяши сих нечестивых царство обранити, паче же рещи, яко ненасытный змий хотяши всех челюстями своими пожрети и сих себе покорити, присылал многия своя воинства под Астрахань, хотяши градом и всею Ордою обладати»²³, «хотяши мститися над московским великим государем царем и великим князем Иоанном Васильевичем всея России самодержцем победы и пленения от прежних великих государей московских на едиnorodных своих Великия татарския Орды жителей и взятии Казанскаго царства»²⁴.

Весьма важной вехой в изучении Турции и, в частности, ее интересов в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и южнорусских степях стал труд Дмитрия Константиновича Кантемира (1673—1723), сына молдавского господаря, избравшего после Прутского похода Петра I местожительством Россию. Его «История Оттоманской империи» была написана в 1714—1716 гг. и около 1721 г. по просьбе Петра переведена на русский, но перевод остался в рукописи и служил источником информации для русских политических и научных кругов. Дм. Кантемир одной из основных причин османской активности в Крыму и на Кавказе и, в частности, османского похода 1484 г. в Черкесию, уничтожившего почти все центры пополнения рядов египетских мамлюков, считал османо-египетское противостояние. Турки в условиях вражды с мамлюками всеми средствами пытались подорвать экономический и военный потенциал Египта. Отсюда стремление контролировать черноморские рынки (центры продажи живого товара) и прилегающие районы Северного Кавказа (источник поступления мамлюков)²⁵. Рассмотрение османской активности в Северном При-

черноморье в связи с османско-египетским противостоянием (начавшимся, примерно, с 60-х гг. XV в.) чрезвычайно плодотворно и практически игнорировалось исследователями.

Российские историографы XVIII в.²⁶ внесли мало нового в осмысление османо-дзучидо-московских отношений, эксплуатируя старую схему их развития и пользуясь в основном русскими источниками (летописями, Казанской историей, сочинениями А. Курбского, А.И. Лызлова и др.). Об интересе русской общественной мысли XVIII в. к войнам Ивана Грозного и отражении этого интереса в историографии и художественной литературе писала Г.Н. Моисеева²⁷. Однако, именно В.Н. Тагищев уделил внимание попыткам Венеции привлечь Большую Орду к союзу против османов и роли в этой акции Москвы²⁸. В 1768 г. был опубликован перевод с немецкого труда Г.З. Байера «Древняя азовские и крымские известия», выполненный И.К. Таубертом. В этом труде определенное место было уделено Астраханскому походу крымских и османских войск 1569 г. Автор считал, что основной целью Селима было овладение удобным стратегическим путем через Прикаспий для нанесения удара по Ирану, «однако, может быть, что он и другое намерение имел». Поскольку затея с Волго-Донским каналом потерпела крах, турки осадили Астрахань²⁹. Тема османо-татарского «реванша» во второй половине XVI столетия в трудах историков XVIII в. звучит еще не столь определенно, как позднее.

Российская историография XIX в. также почти не анализировала отношения постордынских образований с Московским государством и османами, значение присоединения народов Сибири и Поволжья к России. Работы этого периода, в основном, посвящены выяснению конкретной хронологии событий, выявлению и публикации источников. Вместе с тем, в изучении присоединения к России нерусских народов историки основное внимание уделяли последнему моменту борьбы, оставляя в стороне предшествующую историю регионов, народов, государств. Это была не история государств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды и вошедших впоследствии в состав России, а история поглощения их Россией. Значение присоединения народов Поволжья и Сибири к Московскому государству оценивалось как победа цивилизации над дикостью, культуры над варварством. Вопрос о добровольности присоединения, о роли Османской империи в событиях второй половины XV—XVI вв., ее связях с постордынскими ханствами почти не поднимался.

Н.М. Карамзин первый из русских историографов XIX в. связал историю собственно России с теми государствами, которые образова-

лись в результате распада Улуса Джучи — прежде всего с Казанью и Крымом. В «Истории государства Российского» историк остановился и на попытках Сикста IV через московского великого князя привлечь хана Золотой Орды к войне с османами. Н.М. Карамзин упрекал московских политиков XV в. в том, что падение Константинополя не заставило их осознать турецкую опасность: «Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостию, и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: Улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности... все прочее составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания». Именно Н.М. Карамзин впервые подверг анализу внешнюю политику Ивана III и пришел к выводу: «Тут ясно открылась Мудрость Иоанновой Политики, которая неуспешно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздать Ахмата и Литву»³⁰.

С.М. Соловьев, анализируя причины невозможности завоевания Крыма Россией в XVI в. (идея, приверженцами которой были во второй половине 50-х гг. многие приближенные Ивана IV, а какое-то время, видимо, и сам царь), отмечал роль Турции как сдерживающего фактора в движении российского государства на юг, наступлении на Крымское ханство. «Казанские народцы были предоставлены сами себе в восстаниях против Москвы: ногаи не могли доставить им сильной помощи, крымцы еще менее. Но крымского хана в походах его на московские уклады провожали янычары турецкие; турецкое войско должно было защищать его в Крыму, как магометанского владельца и как подручника султана: следовательно, деятельная наступательная война с Крымом влекла необходимо к войне с Турцией, которая была тогда на самой высокой степени могущества, пред которою трепетала Европа; могло ли Московское государство при тогдашних средствах своих бороться с нею, вырвать из рук ее Крым и защитить потом от нее это заступное завоевание? Иоани видел невозможность этого»³¹. По мнению С.М. Соловьева, Крым предпринимал попытки отвлечь Россию от продвижения на восток (т.е. на мусульманские ханства Поволжья), но они не удалась, «дейтельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну без надежды на грабеж не нравилось разбойникам: они умели только раздувать восстания на Волге и не умели их поддерживать, вследствие чего Казань и Астрахань стали московскими городами»³².

В.О. Ключевский вообще обошел тему московско-джучидо-османских отношений, противоречий держав в Причерноморье и Поволжье и русских завоеваний на Востоке в XVI в.

Н. Костомаров, специальное исследование посвятивший личности Ивана IV, остановился на интереснейшем моменте истории Восточной Европы второй половины XVI в. — попыткам (или только задумкам) московского правительства завоевать после Казани и Астрахани Крым и стать такими образом единственным наследником Улуса Джучи в Европе. Н. Костомаров детально разобрал обстоятельства этого начинания и пришел к выводу о том, что только нерешительность лично Ивана помешала успешному завершению дела³³. Историк специально остановился на перспективах развития русско-турецких отношений в случае захвата Москвой Крыма. «Нельзя сказать, чтобы Московское государство, овладевши Крымом, никак уже не могло сойтись дружелюбно с Турцией. Турция была сильна, но Турция была падка на выгоды. Если бы московский государь, сделавшись обладателем Крыма, предложил Турции выгодные условия, даже известный постоянный платеж за тот же Крым ...то едва ли бы Турция не предпочла мирную сделку трудной войне. А если бы и не так, если бы пришлось Руси воевать с Турцией, война эта представляла бы для Турции гораздо более затруднений, чем всякая другая в Европе... Турции нелегко было воевать на Русском материке»³⁴.

В 1877 г. в Москве выходит книга Г. Перетятковича, не свободная от ошибок, но вместе с тем во многом по-новому оценивавшая события XV—XVI вв. в Поволжье. Г. Перетяткович совершенно правильно раскрыл интересы Московского государства и Крыма по отношению к другим постордынским государствам и верно связывал успехи русской политики в Казанском ханстве (до смерти Абд-ал-Латыфа) с тем, что «она отчасти... сходилась с выгодами крымских ханов, которые через Нурсалтан... породнились с претендентами на казанский престол, жившими в России... Между тем со смертью Летифа общность выгод крымских и русских в отношении к Казани рушится и каждая партия начинает преследовать отдельно свои интересы. Крымские Гирейи, начинают стремиться к тому, чтобы соединить в руках своей фамилии Казань и Астрахань. Русские же выгоды, напротив, не могли допускать подобного соединения татарских юртов, лежавших в соседстве с Россией: для России удобнее было, если бы они враждовали между собою и добивались союза с нею на врага, который и для нея мог быть таковым»³⁵. Таким образом, по мысли Г. Перетятковича, смысл московской политики на Востоке сводился к недопущению «соединения соседних царств в руках Гиреев»³⁶. Основные причины падения Казани и Астрахани Г. Перетяткович видел во внутреннем устройстве этих го-

сударств как политических организмов, этнической и религиозной прототипности их населения и слабости центральной власти³⁷.

Е.П. Карнович в труде «Покорение царства Астраханского» (первые опубликован в 1885 г.) писал об активном вмешательстве Османской империи в дела Астраханского и Казанского ханств, а также Ногайской Орды во второй половине 40-х гг. XVI в. Султан будто бы «обещал прислать в Астрахань царя от своей руки. При этом он поручил до времени астраханцам и защиту Казани, но они, охраняя свои торговые выгоды, желали избежать войны с Москвою... Ямгурчей, прельщенный обещаниями турецкого султана, пристал к крымскому хану и к ногайскому князю Юсуфу, считавшими себя под покровительством Турции...»³⁸. Однако, Е.П. Карнович не снабдил эти утверждения ссылками на источники. К 1563 г. автор относил намерение Сулеймана «отнять сперва у Москвы Астрахань, а затем и Казань», подказанное султану князем Ярлыгашем, беглецом из Астрахани. Проект соединения Дона и Волги в 1569 г. также рассматривается Е.П. Карновичем в связи с желанием османов подчинить себе Астрахань, а потом и Казань³⁹.

Наиболее ярким достижением российской исторической науки в разработке интересующей нас темы стала монография В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в.», вышедшая в 1887 г. Значение труда В.Д. Смирнова состоит в том, что он впервые привлек к исследованию османские и крымские исторические сочинения и, что для нас наиболее важно, письмо Мехмеда II хану Ахмеду, абсолютно правильно при этом установив, что письмо адресовано не сыну Хаджи-Гирея, как предполагал Й. Хаммер, а хану Золотой (т.е. Большой) Орды⁴⁰.

Определенное внимание османско-московско-казанским отношениям уделил Ш. Марджани. Рассматривая события 1524 г. (отъезд Сахиб-Гирея в Стамбул, занятие казанского престола Сафа-Гиреем), он писал, что Турция тогда и не думала поддерживать Казанское ханство против России⁴¹. Турция вообще не считалась соперником Москвы в деле развития политических контактов с постордынскими государствами, хотя возможность соперничества допускалась. Например, казанский историк Х. Атласи (Атласов) писал, что султан Сулейман допустил большую ошибку, не предпринимая никаких действий в поддержку Казани в середине 20-х гг. XVI в.⁴² Уделил этому вопросу внимание и Р. Фахретдин⁴³.

В противоположность татарским историкам, российские ученые не подвергали сомнению факт принятия Казанью османского покровительства. Ольга Лебедева считала, что инициатива при этом исходи-

ла от хана Сахиба, а для Сулеймана его предложение было «соблазнительным»⁴⁴. Надежды на султана Сулеймана, способного объединить мусульман под «священным знаменем Мухаммеда» для защиты Казани от Московского государства, возлагались и позже, перед самым падением ханства; «горячо обещал свою помощь» и крымский хан Девлет-Гирей⁴⁵.

М.С. Грушевский в своей «Истории Украины-Руси» сомневался в реальности попыток привлечь Хаджи-Гирея к борьбе против Турции, хотя ставил под сомнение и возможность тесных политических контактов между Турцией и Крымом до его завоевания османами (в частности, реальность османско-татарского договора 1454 г.). «При Хаджи-Гирее отношения с Турцией не были улажены... Магомет уважал Крым землей золотоордынской. При Хаджи-Гирее единственным союзником Крыма была Литва»⁴⁶. По мнению М.С. Грушевского контакты с Турцией в Крыму возникают только со смертью Хаджи.

Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд в работе «Турция, ислам и христианство», впервые опубликованной в 1915 г., также отмечал слабую активность Турции в решении «постордынского вопроса» Россией: «В XVI веке султаны, занятые борьбой с Западной Европой и Персией, не обратили почти никакого внимания на завоевание русскими нескольких мусульманских государств в бассейне Волги и в Сибири; исключение представляет только неудачный поход Селима II под Астрахань (1569 г.)»⁴⁷.

Годом позже в труде «История Турции и ее литературы» А.Е. Крымский уделил внимание попыткам европейских государей и папы в XV в. втянуть Крымское ханство в антиосманский союз, сведения о которых сохранились у Длугоша. По мнению А.Е. Крымского, участие Крыма в этом союзе было вполне реально⁴⁸, а из папского посольства 1466 г. в Крым ничего не вышло, потому что в том же году хан умер, а дети его подняли междоусобие. «Вполне вероятно, что самый факт сношений крымского хана с крестоносцами тогда же не ускользнул от вельможи Мехеммеда II; и, пожалуй, тогда же, в 1466 г., это лишнее раз подчеркнуло ему достаточно неприятную опасность, могущую угрожать османам со стороны Крыма при разгоревшейся морской войне их с Венецией»⁴⁹.

После Октябрьской революции до конца 30-х гг. в исторической науке господствует концепция М.Н. Покровского, согласно которой дореволюционная Россия являлась «тюрьмой народов», присоединение народов Сибири, Поволжья, Средней Азии и Кавказа к Российской империи было явлением реакционным, происходило насильст-

венно, являлось для нерусских народов завоеванием, абсолютным злом. Присоединенные территории являлись колониями. Анализ причин завоевательной политики России на Востоке строится на основе концепции «торгового капитализма». «Захват великого волжского пути — завоевание Казани и Астрахани — отвечал требованиям торгового класса как нельзя лучше, — писал М.Н. Покровский, — Средние землевладельцы с завистью смотрели на черноземное Поволжье, охотно готовые променять на него выпаханный суглинок примосковских уездов... А так как казанцы, кроме того, и беспокоили Русь, то, значит и предлог есть отличный, чтобы с ними расправиться»⁵⁰. Борьба России с поволжскими ханствами, Крымом и Сибирью рассматривается как этап захватнической колониальной политики царизма. «Овладесть вновь путем «из Варяг в Греки», захватить Черное море, а с ним Босфор и Дарданеллы — вот в чем была истинная сущность восточной политики России», — писал А.Е. Мачанов. Препятствием в достижении этих целей было Крымское ханство, следовательно перед Москвой вставала задача завоевания Крыма. Для Османской империи Крым, по А.Е. Мачанову, был «барьером для сдерживания русских и других народов»⁵¹. Турецко-татарский поход 1569 г. рассматривался как операция, направленная, прежде всего, против Ирана⁵². Соответственно дореволюционная историография критиковалась за «тенденциозность» и «патриотический фанатизм, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения». «От подобных тенденций, — писал М.Г. Худяков, — не свободен даже такой авторитетный ученый, как С.М. Соловьев»⁵³. В «Истории гражданской войны в СССР», вышедшей в 1937 г., говорилось: «В XVI—XVIII столетиях русский царизм, отражая интересы господствующих классов, предпринимает широкие военные походы на земли Среднего Поволжья и Нижнего Поволжья, осуществляет покорение Сибири...»⁵⁴.

Имперская идеология СССР нуждалась в ином историческом обосновании, оправдании современной активной внешней политики «здоровым национализмом». По словам К. Симонова «Покровский отвергался, а на его место ставился учебник истории Шестакова не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса. Сила национально-исторических традиций, в особенности военных, была подчеркнута в интересах современной задачи»⁵⁵, под которой в то время, по мысли К. Симонова, понималась угроза нацистской Германии. Вводится тезис о «наимень-

шем зле» для покоренных народов со стороны России по сравнению с угрозой завоевания извне. Еще один вновь введенный термин — «расширение» (применительно к Русскому государству), «нивелировавший и эластично скрывающий вместе с формулой о «наименьшем зле» характер всех и всяких внешнеполитических акций великих князей и царей». Возможность переоценки внешнеполитических ходов государства на протяжении его многовековой истории стала с использованием формул новой схемы практически не ограниченной. Насаждается идея прогрессивности централизации, эта идея «с конца 30-х гг. распространялась на прошлое России, когда, с одной стороны, была развенчана школа Покровского, а с другой — реставрирована история как наука, превращенная, однако, в форму государственного и партийного идеологического оружия»⁵⁶. В 1937—1939 гг. происходит коренной пересмотр русской внешней политики, все войны превращаются в оборонительные, а присоединения народов к Русскому государству в «наименьшее зло» для них. Главной причиной активной политики России на Востоке в трудах историков надолго становится внешняя опасность со стороны осколков Золотой Орды и Турции. Борьба России с ними оценивалась как имеющая международное значение. Появляются работы, призванные продемонстрировать реальность этой угрозы. В 1939 г. в тезисах доклада «Восточная политика Ивана IV», прочитанного на научной сессии, посвященной 120-летию ЛГУ, И.И. Смирнов писал: «Актуальность восточного вопроса во внешней политике Московского государства определяется фактом наличия системы татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к гегемонии в Восточной Европе... Стремясь не допустить разгрома Казанского ханства, Турция активно вмешивается в казанский вопрос и выступает в роли организатора коалиции турецко-татарских ханств (sic!) против Московского государства...Разгром Казанского и Астраханского ханств Московским государством является относительно прогрессивным в двояком отношении: а) он укреплял политическую независимость русского национального государства, устранял угрозу воссоздания турецко-татарской гегемонии на Востоке Европы... б) включение народов Поволжья в состав Московского многонационального государства — меньшее зло, чем существование их в Казанском ханстве «с точки зрения исторических перспектив» (подчеркнуто мной — И.З.)»⁵⁷. Характерна терминология автора: Крым и поволжские ханства считаются им «турецко-татарскими». Возникает тезис о турецкой опасности для Москвы; Турция рассматривается как лидер и организатор широко организованного блока, направленного

в первую очередь против России. Возникновение этого положения, которое многие годы вслед за этим будет старательно доказываться, видимо, связано с международной обстановкой в предвоенное время и началом войны. Турция, связанная с Германией, рисовалась во враждебных тонах (подобно тому, как борьба с фашистской Германией в идеолого-исторической литературе того времени рассматривалась как эпизод извечного противостояния «славянства» и «германства»). Неслучайно, именно Великая Отечественная война послужила мощным толчком к активной идеологической работе над русской средневековой историей и, в частности, образом Грозного и военными успехами Русского государства на Востоке.

Анализируя политическую обстановку в Казанском ханстве, И.И. Смирнов, наряду с группировкой аристократии, делавшей ставку на союз с Россией, крупной политической силой считает партию, «ориентировавшуюся на Крымское ханство и Турцию, как силы, способные оказать мощную поддержку Казани в ее борьбе с Россией и укрепить позиции Казанского ханства, претендовавшего на политическую гегемонию в Поволжье»⁵⁸. Если в работах конца 30-х гг. подчеркивалась, что актуальность восточного вопроса во внешней политике России при Иване IV определялась фактом наличия системы постордынских государств, «стремившихся к гегемонии в Восточной Европе»⁵⁹, то вскоре историки главным претендентом на первенство в регионе считают Турцию, а эти государства послушными орудиями в осуществлении замыслов Османских султанов. Вопрос о золотоордынском наследстве, судьбе тюркских государств, образовавшихся в результате распада улуса Джучи, начинает увязываться с характером русско-турецких отношений⁶⁰. «Присоединение к Русскому государству Казани и Астрахани прежде всего было чрезвычайно болезненно воспринято в Турции, и не только потому, что население этих стран было мусульманским. Держать Русское государство в окружении своих вассалов представлялось крайне заманчивым для султанской Турции в период ее наивысшего военного расцвета в XVI в.»⁶¹. И.И. Смирнов пишет о «коренных противоречиях между Русским государством и Турцией в их отношении к татарским государствам Восточной Европы: Казани, Астрахани и Крыму»⁶². Отношения двух стран с этими государствами трактуются как определяющие для характера русско-турецких отношений. Например, казанские события весны 1524 г. (Сахиб-Гирей «заложился» за султана), по мнению И.И. Смирнова, знаменовали «собой поворот в русско-турецких отношениях от дружественных к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики

Турции, которая провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы. Эта политика Турции неизбежно должна была привести ее к столкновению с Русским государством, одной из важнейших задач которого являлось уничтожение татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и постоянно угрожавших России новыми набегами»⁶³. Начинается поиск турецких шпионов в XVI в. (Максим Грек), продиктованный, видимо, шпиономанией военного и послевоенного времени⁶⁴. Тезис о всемирно-исторической роли Москвы в борьбе с постордынскими государствами и Турцией был немедленно подхвачен историками восточноевропейских стран, втянутых после Второй мировой войны в орбиту советской политики. Так, И. Мацурек писал: «Русская политика XV-го века все больше руководствовалась лозунгом решительной борьбы с турко-татарской сферой. Значение этой деятельности для развития истории, для спасения европейской культуры и для малых средневропейских народов в их борьбе с турками во время безразличного отношения европейского Запада к турецкой опасности является вполне очевидным»⁶⁵. Не стоит подробно говорить о полной зависимости этой концепции от политической ситуации в послевоенной Европе.

В этот период определенное внимание османо-ордынским отношениям в XV в. уделил К.В. Базилевич, впервые в отечественной историографии использовавший в работе тексты переписки турецких султанов с ханами Большой Орды, незадолго до того опубликованные А.Н. Куратом. К.В. Базилевич настаивал на активности и агрессивности внешней политики Порты в восточноевропейском регионе. Причем, по мнению К.В. Базилевича, в Турции поначалу ориентировались на хана Большой Орды Ахмеда, которого считали повелителем всего улуса Джучи⁶⁶. «Между оттоманскими падишахами и Золотой Ордой существовали давние отношения и при дворе Мухаммада недостаточно ясно представляли степень обособленности Крыма от основных частей Джучиева улуса. Поэтому верховным главою Крымского улуса турки считали золотоордынского хана... В Константинополе, очевидно, выжидали и выбирали из претендентов того, кто менее способен был проявить самостоятельность и больше должен был чувствовать власть и покровительство падишаха»⁶⁷.

Н.А. Смирнов, отмечал, что враждебные отношения, «сложившиеся в конце XV в. между Крымом и Большой (Золотой) ордой после того, как Крым стал вассалом Турции, убедительно доказывают, что ни Крым, ни тем более Турция не могут претендовать на наследство Боль-

шой (Золотой) Орды: на территории, примыкавшие к бассейну Волги, и тем более на территорию Северного Кавказа, зависимость которого от Золотой Орды всегда была достаточно прозрачной»⁶⁸. Видимо, следуя логике автора, такие претензии могла предъявлять Россия. По мнению Н.А. Смирнова «уже в начале XVI в. турки планировали вторжение в Юго-Восточную Европу [т.е. на Северный Кавказ и Нижнее Поволжье. — И.З.], «в течение всей первой половины XVI в. шли оживленные переговоры, которые сводились к тому, чтобы сколотить блок Крыма, Казани и Астрахани под покровительством Турции против России и ее союзников — кочевых племен южных степей. Однако Россия опередила Турцию. Она овладела Казанью и Астраханью и установила дружеские связи с народами Кавказа и Ираном раньше, чем Турция и крымский хан сумели преградить ей путь»⁶⁹.

В освободительной войне в Поволжье после присоединения региона начинают разграничивать «два в корне различных по своей природе движения: 1) борьбу татарских феодалов за реставрацию Казанского ханства, носящую реакционный характер» и «2) борьбу народов Поволжья против феодального гнета за независимость, являющуюся прогрессивным движением»⁷⁰. Концепция «наименьшего зла», по мнению С.Х. Алишева, до Великой Отечественной войны господствовала в исторических трудах и учебной литературе⁷¹. В ходе войны на волне политики «русского» патриотизма и нагнетаемого «панславизма» происходит дальнейший отход от идеи насильственного завоевания нерусских земель. Указывается на положительные аспекты присоединения, прогрессивность создания многонационального государства. Политика Ивана Грозного, в том числе и восточная, оценивается положительно.

В 1951 г. М.В. Нечкина в письме «К вопросу о формуле «наименьшее зло», опубликованном в журнале «Вопросы истории», поставила под сомнение ставшую уже расхожей формулу. Согласно ее точке зрения этот термин не адекватен основному положению постановления жюри правительственной комиссии: основным содержанием постановления было указание о прогрессивности присоединения. После статьи М.В. Нечкиной журнал напечатал еще ряд выступлений историков по этому вопросу, большинство которых поддерживало ее мнение. Однако письмо М.В. Нечкиной (и вся дискуссия вокруг него) подверглось и критике, причем с еще более ортодоксальных позиций. Л. Максимов в статье, опубликованной в журнале «Большевик» (1952, № 13), высказал мнение, что письмо М.В. Нечкиной и дискуссия вокруг него внесли лишь путаницу в давно решенные марксистско-ленинской исторической наукой вопросы. Л. Максимов выделил две противополож-

ные тенденции в процессе присоединения других народов к России: «прогрессивную тенденцию хозяйственного сближения народов в рамках общероссийской капиталистической системы» и, с другой стороны, насильственный характер присоединения и «военно-феодалные» методы «национально-колониальной политики царизма».

В том же 1951 г. выходит статья К. Найкшина, построенная как критический отзыв на учебник по истории СССР под редакцией проф. А.М. Панкратовой, вышедший годом ранее и выдержанный, по мнению автора, в духе «так называемой школы Покровского». К. Найкшин процесс централизации в России (т.е. и процесс вхождения в ее состав других народов) рассматривает как реакцию на внешнюю опасность. «Борьба в Поволжье, — пишет автор, — была прежде всего борьбой против султанской Турции и ее крымско-казанских и астраханских холопов. Турецкие башибузуки стремились к мировому господству. Под властью султана они хотели объединить все земли, где жили мусульмане и смешанные с ними народы (sic !) [подчеркнуто мной — И.З.], и отуречить их»⁷². Автор в запале даже смешивает этническую принадлежность с религиозной. К. Найкшин пытался доказать, что перед народами поволжского региона стояла реальная опасность быть завоеванным турками. «Переход Поволжья под власть Турции означал бы полное опустошение и превращение края в такое же «дикое поле», в какое турки и крымцы превратили в XIV — XVII вв. обширнейшие и богатейшие земли по среднему и нижнему течению Дона и Днепра»⁷³. Таким образом, присоединение к России для татар, башкир, мордвы, марийцев было единственным выходом, единственным средством спасения. В 1552 г. России «удалось покончить с разбойничьим гнездом турецкой агентуры, которое долгое время держалось в Казани»⁷⁴. Освободительную борьбу народов Поволжья в 1552 — 1556 гг. К. Найкшин рассматривал не как борьбу с «местным населением», а как войну с «недобитыми остатками казанских феодалов, выходцев из Золотой Орды, т.е. с осколками этой орды»⁷⁵. С. Алишев считал, что тезис о турецкой опасности для народов Поволжья, впервые выдвинул именно К. Найкшин⁷⁶. Однако подобные соображения появились ранее: К. Найкшин просто послушно следовал образцам, выражая некоторые идеи более радикально, чем предшественники. В советской исторической литературе окончательно утвердилась идея о безусловной прогрессивности присоединения и турецкой опасности как определяющем факторе этого процесса. В 1953 г. на расширенном заседании сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР, на котором присутствовали ведущие историки Казани, все выступающие открешивались от формулы «наи-

меньшее зло», но в то же время говорили об опасности турецкого порабощения Средней Волги в XVI в.⁷⁷ В 1954 г. те же мысли высказал С.О. Шмидт в работе «Предпосылки и первые годы «Казанской войны», основанной на материалах кандидатской диссертации. «Борьба Русского государства в середине XVI века с Казанским ханством и стоящими за его спиной султанской Турцией и Крымским ханством является значительным фактором в истории образования и укрепления в России централизованного государства... Дальнейшая централизация государства переплеталась с борьбой против остатков Золотой Орды и новой турецкой опасности... эта борьба была вызвана прежде всего потребностью самообороны от нашествия султанской Турции и ее сателлитов»⁷⁸. По мнению С.О. Шмидта рост «международного престижа Руси совпал по времени с расцветом турецкого могущества и возникновении проблемы взаимоотношений между европейскими государствами и Турцией», и Россия рассматривалась в Европе как потенциальный союзник. С XVI в. Турция стала претендовать на гегемонию в Восточной Европе. «После распада Золотой Орды не прерывалась тесная взаимосвязь между правящими кругами татарских юртов на южных и восточных границах Русского государства. Султанская Турция старалась еще больше скрепить эту связь для того, чтобы казанскому, крымскому, астраханскому ханам и ногайским мурзам под руководством султана «всем заодно Москву воевати». «Широко задуманный план турецко-крымско-казанского наступления на русские земли» вырабатывается в 1520-е гг.⁷⁹

Солидарен с С.О. Шмидтом был и Г.Д. Бурдей, когда писал о войне в Поволжье в 1552—1557 гг.: «...татарские феодалы ...делали ставку на поддержку феодальной знати других народов Поволжья, и главным образом, на поддержку Турции и Крыма. Турция и Крым также стремились восстановить в бывшем Казанском ханстве турецко-крымское влияние, поработить народы Поволжья, не допустить укрепления и утверждения России в Поволжье, вырвать военными и дипломатическими средствами из ее рук Казань и Астрахань». Значение присоединения Казани и Астрахани к России Г.Д. Бурдей видел в том, что «своевременно был предотвращен захват Поволжья Турцией и Крымом и разгромлены их планы использования Поволжья для дальнейшего усиления агрессии против России», а народы Поволжья были освобождены от «окончательного порабощения турецкими ассимиляторами...»⁸⁰. В корне меняется оценка Астраханского похода 1569 г. По мнению Г.Д. Бурдея, «основной его целью был захват русских земель, русского полона, отторжение Астрахани и Казани, воссоздание мусульманских

ханств и включение их в состав Турецкой империи, установление турецкого господства в Поволжье»⁸¹. Еще более обстоятельно эти взгляды были изложены Г.Д. Бурдеем в работе 1956 г.⁸²

С начала 50-х гг. тезис о безусловной прогрессивности присоединения поволжских народов к России и предотвращении тем самым угрозы установления в регионе «крымско-турецкого феодального владычества» канонизируется и уже как непреложный факт переносится в официальную, идеологически выверенную учебную и справочную литературу⁸³, соответствующие пассажи появляются и в переизданиях уже выпущенных работ, если при первых изданиях эта тема была трактована иначе или обходилась (второе издание «Истории ТАССР» 1955 г., переиздание монографии Н.Ф. Калинина «Казань» в том же году и др.⁸⁴). Пожалуй, только М.Г. Сафаргалиев в статье «Присоединение мордвы к русскому централизованному государству» подверг сомнению тезис о турецкой опасности в регионе в период присоединения⁸⁵. Последующие труды⁸⁶ мало интересны с точки зрения развития концепции.

В отечественной историографии 60-х — 80-х гг. (вплоть до начала 90-х гг. XX в.) положение об агрессивных планах Турции в отношении Поволжья и угрозе прямого завоевания Османской империей этого региона звучит уже не столь определенно, хотя ее стремление к вмешательству в дела постордынских государств, а в результате к гегемонии в Восточной Европе утверждается постоянно. Например, в монографии И.Б. Грекова отмечается: «...поставив на крымский престол одного из сыновей Хаджи-Гирея, Мехмед II не забывал о существовании и других татарских улусов, прежде всего Астрахани и Большой Орды. Для политики султанской Турции этих лет были характерны, видимо, какие-то колебания и поиски. В эти годы турецкая дипломатия стремилась нащупать наиболее надежные способы проникновения на территорию Восточной Европы, старалась всемерно расширить круг своих союзников и вассалов. Именно в этой связи и находится попытка Мехмеда II установить сотрудничество с Астраханью еще в 1466 г., а также попытки посадить на крымский престол хана из правящего рода Большой Орды»⁸⁷. В коллективной монографии «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв.: главные тенденции взаимоотношений», вышедшей в свет в 1984 г., о политике Мехмеда после захвата стратегических пунктов Крыма в 1475 г., говорится так: «Стремясь расширить и укрепить свое влияние в Восточной Европе, он не довольствовался подчинением Крыма. Теперь перед ним стояла задача установить контроль

и над другими улусами бывшей Ордынской державы, в частности над одним из главных улусов на нижней Волге — Большой ордой. Чтобы превратить этот улус в своего вассала, султан в 1476 г. санкционировал политическое сращивание Волжского юрта с Крымским»⁸⁸.

Довольно много внимания османско-ордынским отношениям уделил А.П. Григорьев. По его мнению, со взятием 29 мая 1453 г. Константинополя «турецко-ордынские связи, возникшие еще в XIV в., получили теперь новое развитие. Султан Мехмед II сделал ставку на крымского хана Хаджи-Гирея, рассчитывая на его содействие в деле завоевания причерноморских государств и имея в перспективе планы дальнейшего продвижения на запад, север и восток»⁸⁹.

Д.С. Кидырниязов, определяя роль ногайцев в русско-турецких отношениях в XVI в., писал: «Это был период, когда Турция и Крымское ханство стремились подчинить своему влиянию ногайцев и вовлечь их в антирусскую коалицию», но «Турция не могла удовлетворить экономические нужды Ногайской Орды; она могла только закабалить ее, превратить в объект жестокой эксплуатации. Поэтому экономическое тяготение ногайцев к России, активная деятельность русской дипломатии и успехи его (sic!) восточной политики в середине XVI в. предопределили провал попытки Турции создать антирусскую коалицию с Ногайской Ордой»⁹⁰.

Л.Н. Гумилев, отмечая наличие в Казани накануне ее присоединения к России двух «партий» — «прорусской, капитулянтской» и «антирусской, ориентированной на турецкого султана», считал, что «антирусскую партию правильнее было бы назвать фантазерской, потому что турецкий султан, владения которого в Восточной Европе ограничивались бассейном Черного моря, оказать военную помощь не мог никак: его войско до Казани просто не в состоянии было дойти. Тем не менее, сторонники Турции одержали верх»⁹¹. Следуя в целом классической схеме, Л.Н. Гумилев, однако, отходит от нее в вопросе реальности турецкой угрозы для России в Поволжье (симптом разложения идеи).

В настоящее время наблюдается явный отход от предвзятой схемы османско-московско-ордынских отношений. Высокая степень заинтересованности и участия Турции в судьбе постордынских государств (за исключением Крыма), агрессивная политика Османской империи по отношению к народам Поволжья и России подвергаются сомнению. Оценки действий турецкой дипломатии в восточноевропейском регионе становятся более сдержанными, хотя интересы Порты в регионе не отрицаются. «При всей противоречивости политики отдельных ханств,

в их взаимоотношениях с Русью были определенные общие моменты. Отчасти они вытекали из схожего кочевого и полукочевого быта большинства ханских подданных, но в не меньшей степени были связаны с их конфессиональной принадлежностью. По существу, против усиления Русского государства выступала мусульманская периферия Восточной Европы.

Последнее обстоятельство и должно было придавать большое значение деятельности ханств в глазах османских султанов»⁹².

По мнению Д.С. Кидырниязова «ни одно из мусульманских государств Восточной Европы не могло остаться равнодушным к падению Казанского ханства: Турция, Крым, Ногайская Орда, Астраханское ханство — все были опечалены гибелью мусульманского государства в Среднем Поволжье и старались оказать ту или иную поддержку единовременным и единоплеменным собратьям»⁹³.

Центр тяжести антирусской политики на Востоке смещается в работах историков из Стамбула в Бахчисарай⁹⁴. «Крымское ханство с момента своего возникновения и по начало XVIII в. стремилось к положению своего рода великой державы. В этом ключе и можно рассматривать его попытки в XVI в. собрать под своей эгидой другие «осколки Золотой Орды»: прежде всего Казань и Астрахань... Политика же Османской империи на Востоке подчинялась одной главной задаче — одолеть Иран. Так было до середины XVII в., поэтому на завоевание Северного Кавказа турки не могли отвлекать силы»⁹⁵. «С начала XVI в. Крымское ханство, а следовательно и его сюзерен — Османская империя, начинают выказывать свои претензии на права наследника Золотой Орды и тем самым на верховенство над русскими землями... Крымский хан такими претензиями на верховенство в Восточной Европе выдавал желаемое за действительное... претензии крымского хана на наследие Золотой Орды, по сути дела, были лишь дипломатическим зондажем, проверкой татарскими набегами прочности Московского княжества, а не реальными политическими целями Османской империи»⁹⁶. Астраханский поход также рассматривается как эпизод войны османов с Сефевидами⁹⁷.

Мягче звучат оценки территориальных приобретений двух стран (России и Турции) в зоне общих геополитических интересов⁹⁸. Наряду с традиционной констатацией идеологической подоплеки агрессивности московской политики XVI в. по отношению к постордынским государствам, главной причиной завоевания Казани и Астрахани Московским государством некоторые исследователи считают глубокий

социально-экологический кризис, который начал ощущаться в русских землях, начиная с середины XVI в.⁹⁹

Справедливо критикуются работы 50—60-х гг., часто жертвовавшие фактами ради абстрактной схемы. Например, С.Х. Алишев, имея в виду роль Османской Турции в событиях середины 20-х гг. XVI в. в Казани, пишет: «Турция тогда была занята завоеваниями на Средиземном море и на Балканах... Сахиб-Гирей сам действительно был вассалом турецкого султана, но это не имело никакого отношения к Казанскому ханству. Ясно, что словесное объявление не означало установления турецкого протектората, но в русской историографии возникла теория о турецкой опасности и протекторате Турции над Казанским ханством. В том же 1524 году хан Сафа-Гирей дал шертную грамоту Василию III, признав свою зависимость от Москвы... Думается, что вообще не было никакого протектората»¹⁰⁰.

Еще более определенно высказался по этому поводу М.А. Усманов в беседе с В.В. Трепавловым, опубликованной на страницах журнала «Родина»: «...что касается «прокрымской», «протурецкой» партий... Если бы они реально существовали, то отношения между Москвой и Казанью развивались бы иначе. Я не вижу особой активности со стороны Крыма. «Турецкая партия» в Казани вообще была придумана в 50-х годах XX века, когда в истории стали искать так называемое «наименьшее зло». Будь «турецкая партия» или турецкие интересы реальными, османский султан повернул бы свои войска с Балкан и из Африки на север»¹⁰¹. Движение России на восток оценивается как завоевательное¹⁰².

Вместе с тем наблюдаются попытки реанимации традиционной схемы анализа русской политики на Востоке. Так, В.Н. Ковин следующим образом характеризует внешнеполитические задачи России после 1480 г.: 1) воссоединение с землями, находящимися в составе Великого княжества Литовского, ранее входившими в пределы Киевской Руси; 2) надежная защита южных и восточных рубежей страны от набегов; 3) укрепление статуса на международной арене. Поскольку на западе государства были сильны и организованы, «Русскому государству был открыт путь только на восток, где соседи находились на более низком уровне общественной организации»¹⁰³. По мнению автора до 20-х гг. XVI в. «интересы Русского государства и Османской империи не соприкасались. Не доходя до противоречий, они пересекались в вопросах об автокефалии русской церкви, связях Руси со славянскими народами, интересах внешней торговли и отношениях с Крымским ханством. Столкновение интересов произошло, когда Казанское ханство объявило себя в вассальной зависимости от Османской империи: теперь все, что происходило

между Москвой и Казанью, касалось султана. Этим был заложен конфликт, растянувшийся на длительное время. Османская империя не могла сразу оценить изменившуюся ситуацию, и только к 1530 году была выработана новая стратегия по отношению к Русскому государству: произошел отход от благожелательной позиции к враждебной»¹⁰⁴. Неспokoйной в отношениях Османской империи и России была и вторая половина XVI в. Военные действия то прекращались, то вспыхивали с новой силой. Крайним выражением обострившегося конфликта были войны 1569—1572 гг. и 1598 г. По мнению В.Н. Ковина, целью Османской империи в них являлось «возвращение (выделено мной. — И.З.) поволжских степей и ослабление Руси. Реализовать свои притязания противникам Русского государства не удалось»¹⁰⁵. Автор выдвигает своеобразную концепцию «оправдания империи», согласно которой захватническая политика России, колонизация новых земель и насильственное присоединение территорий диктовались невозможностью мирного сосуществования русского государства с осколками Золотой Орды — постоянным очагом напряженности. «К завоеванию Казани подталкивали внешние политические интересы (невозможность мирного, спокойного существования), а не насущные хозяйственные потребности в новых землях...». Только военная нейтрализация и, в конечном счете, аннексия, по мысли автора, были неизбежны в развитии отношений России с постордынскими юртами.

Подобной точке зрения близок и взгляд А.Б. Кузнецова на восточную политику России в 30-х гг. XVI в.¹⁰⁶ Несколько односторонне трактуются события 70-х гг. XV в. Ю.Г. Алексеевым. По его мнению, гибель Джучиева Улуса (к которой привели политический союз Москвы с Крымом и «нейтрализация» Казани), «открывшая путь для включения необозримых малолюдных пространств Северной Азии в систему европейской христианской цивилизации, — одно из крупнейших событий не только русской, но и всемирной истории, определивших перспективы развития человеческого общества»¹⁰⁷. Любопытно выглядит мнение И.А. Ермакова. Согласно его точке зрения, «Русь в те времена (в 16 в. — И.З.) не представляла для Османской империи почти никакой опасности. Астраханское и Казанское ханства мусульман на Волге, покоренные Иваном Грозным, были всего лишь вассалами султана, и их падение ничего не значило для огромной сверхдержавы»¹⁰⁸.

В развитии зарубежной историографии темы разброс во мнениях был не столь велик. Турецкие авторы, прежде всего, обращали внимание на агрессивность внешней политики Москвы. Это сочеталось с убеждением в том, что Московское государство до первой четверти

XVI в. не рассматривалось в Османской империи как серьезная политическая сила на юго-востоке Европы. В коллективном труде Турецкого исторического общества «Tarih. Yeni ve yakın zamanları» («История. Новое и новейшее время»), изданном в Стамбуле в 1933 г., утверждалось, что в период правления Сулеймана «не было оказано сопротивление подъему Московского государства, ставшего позже основным виновником падения Османского государства»¹⁰⁹. По мнению С. Айверди, султан Мехмед Фатих «первым почувствовал опасность, которая должна была придти из пустых и необжитых степей». Опасность заключалась в возможности русских нашествий, «не совместимых ни с государственным правом, ни с человеческим сознанием». Завоевав Кафу, «великий правитель поставил преграду притязаниям Москвы, хотя в то время никто не считался с маленьким и слабым Московским княжеством»¹¹⁰. Х. Иналджик писал: «Османь не обращали внимание на огромное расширение Московии, которая до 1530-х гг. была второразрядной силой (second-rate power) в Восточной Европе, как на опасность с севера и даже поддерживали союз между Московией и Крымским ханством против Ягеллонов, которые угрожали османскому суверенитету в Крыму. В 1497 они даровали москвитам свободу торговли в Османской империи. Но когда в 1530-е московский великий князь и крымский хан начали войну за обладание бывшими территориями Золотой Орды в бассейне Волги, хан стремился, чтобы османь осознали эту опасность. Но только в середине XVI столетия Османь пришли к пониманию того, что продвижение русских угрожает их позициям в бассейне Черного моря и на Кавказе. После того как Иван IV принял титул царя в 1547 г., он завоевал и присоединил мусульманские ханства бассейна Волги — Казань в 1552 и Астрахань в 1554—1556 гг. — продвинувшись до Терека на Северном Кавказе и положив основание Российской империи. В этом регионе царь нашел союзников среди черкесов и ногайцев; на западе в 1543 г. Петру Рареш, молдавский воевода, стремился к защите со стороны Москвы; и, наконец, в 1559 г. казачий вожак Димитраш предпринял попытку захватить крепость Азов, северный аванпост Османской империи (имеется, вероятно, в виду поход Дмитрия Вишневецкого на Азов, под которым он разбил 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область»¹¹¹ — И.З.). Вследствие этих успехов московское царство стало наследником ханства Золотой Орды как первоклассная сила в Восточной Европе, распространившим свое влияние на османские владения на Кавказе и в регионе Черного моря»¹¹². Очень похоже писал об этом Х. Иналджик и несколько ранее¹¹³.

Сходным образом завоевание Казани, Астрахани и попытки России утвердиться на Северном Кавказе оцениваются в «Истории России» А.Н. Курата¹¹⁴.

Установление дипломатических контактов между Турцией и Россией объясняется С. Фишером как попытка османской внешней политики обезопасить свои северные рубежи. «Этот эпизод османских внешних связей — еще одна иллюстрация осторожности Баязида и его готовности мириться с наглостью до той поры, пока был жив Джем. Конечно, вероятность того, что Иван III смог бы достичь владений Джема или напрямую помочь ему в его стремлениях вытеснить Баязида с трона, но очевидно, что нужна была расчетливая политическая мудрость, чтобы принять дипломатический выпад от царя в то время, когда государство могло подвергнуться нападению со стороны Египта, Италии или Балкан»¹¹⁵. Действительно, в это время фигура Джема как возможного ставленника антитурецкой европейской коалиции в Константинополе в случае успеха крестового похода активно используется папами и европейскими монархами¹¹⁶.

Специально следует остановиться на точке зрения французских исследователей А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже. В ряде специальных статей, посвященных международным отношениям на юге Восточной Европы в XVI в., и публикаций новых архивных документов по истории Крымского и Казанского ханств, Турции и России авторы выступили с оригинальной концепцией развития межгосударственных связей в регионе. По мнению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже в XV в. история Крымского ханства определялась прежде всего взаимоотношениями Гиреев с ханами Золотой, а после 1480 г. — Большой Орды, которые вторгались на полуостров. Для того чтобы избежать этого конфликта, крымские ханы вынуждены были искать союзников. «Они не могли опираться на Османскую империю, далекую и безразличную. Поэтому они искали помощи соседних христианских государств. Сначала, при Хаджи-Гирее, помощи Польско-Литовского государства, а затем, между 1480—1515 гг., — помощи Москвы». Проблема суверенитета волжских чингизидов над Крымом отпала окончательно после 1502 г., когда Менгли-Гирей в союзе с Иваном III разгромил Сарай. «Начиная с Гиреев главы рода их кузенов начинают править над другими государствами, разделяя старый улус Бату, — Казань, Касимов, Астрахань и Тюмень в Сибири, но альянс между Крымом и Московией, который позволил разрушить Большую Орду длился еще 10 лет, т.е. столько же, сколько жил Менгли-Гирей... В 1515 г. между Крымом и Московией начинается продолжительный конфликт за обладание старым улусом Бату, козы-

рями которого были Казанское и Астраханское ханства, и который закончился в 1593 г. победой Московии». Авторы полемизируют с российскими историками, затрагивавшими эту тему: «Вопреки тому, что утверждало большинство русских дореволюционных и советских историков, Османская империя не принимала никакого участия в этой борьбе». Высокую Порту оставляло равнодушным «собрание» (авторы употребляют русское слово — И.З.) «монгольского наследства в Восточной Европе» ее вассалом (Крымским ханством). «Ни один из основных конфликтов не противопоставлял ее далекой Московии, источником драгоценного меха, основным потребителем которого была Порта». До конца XVI в., по мнению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, османская стратегия в Восточной Европе определялась единственным интересом — поддержать свободу сообщения на протяжении огромного торгового и военного пути Восток-Запад, соединявшего ее дунайские владения с Дагестаном и Центральной Азией, которая, с одной стороны, позволяла повернуть север иранского фронта на Кавказ, а с другой, — обеспечить обмен с Туркестаном¹¹⁷.

Польский исследователь Л. Подгородецкий также отмечает, что Османская империя не принимала участия в борьбе за собрание золотоордынского наследства, потому что была занята завоеваниями других территорий, однако поддерживала Крым в его стремлении к господству над татарскими «юртами» Восточной Европы. Участниками этой борьбы были наряду с Крымским ханством Московское великое княжество, а также Казань, Астрахань, Литва и Польша¹¹⁸. Эдвард Кинан прямо писал: «Нет доказательств какого-либо эффективного османского контроля над московско-татарскими отношениями в этот период; идея пан-мусульманского союза смешна». Завоевание Казани (тоже можно сказать и про Астрахань), — замечает ученый, — никогда бы не произошло без потворства (по весьма прозаическим причинам собственных интересов) тех же мусульман-татар¹¹⁹. При общем скептическом отношении к возможности установления турецкого протектората над Казанским ханством некоторые исследователи все же утверждали, что сам факт предложения со стороны Сахиба имел место¹²⁰. Многие зарубежные авторы специально останавливались на идеологических аспектах русского завоевания Казани¹²¹.

С.М. Кортпитер в монографии, посвященной османскому «империализму» утверждал, что в начале XVI в. османские султаны, вынужденные иметь дело с противниками на западе, юге и востоке, предоставили решение проблемы причерноморских степей крымским ханам. Последние активно стремились к собиранию золотоордынского на-

следства. Османские же султаны обращали на Москву мало внимания, имея ее в виду в качестве потенциального союзника, которого можно использовать для того, чтобы «подрезать крылья» своим крымским вассалам¹²². Лишь падение Казани, Астрахани, а особенно северокавказские события 50-х гг. XVI в. всерьез встревожили Порту. По мнению Кортпитера, основой государственных отношений в восточноевропейских степях в это время была экономика: московские купцы могли предложить степнякам гораздо больше, нежели крымские. «Только османские торговцы могли заполнить эту экономическую брешь», но крымские татары, «продолжая фикцию золотоордынских прерогатив» и чиня препятствия на пути ровных отношений с османами, должны были, таким образом, отвратить от себя степной рынок, а также османских торговцев¹²³.

Ричард Пайнс, автор краткой истории русского политического устройства («Russia under the Old Regime»), так характеризовал внешнюю политику Москвы: будучи вассалом Джучидов московские князья расширяли свою территорию в основном за счет покупок земель или взятия их за долги. «С тех пор Москва росла за счет захватов. Освободившись от ордынского господства, Москва стала вести себя в духе усвоенных у Орды понятий о поведении суверенной державы»¹²⁴. «Есть кое-какие указания на то, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов. Хотя под церковным влиянием они иногда ссылались на византийский образец, они не называли себя преемниками византийских императоров... Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван называл их своей вотчиной; это утверждение могло значить лишь одно — что он смотрел на себя как на наследника хана Золотой Орды... По московским понятиям, настоящий суверен должен был отвечать трем условиям: происходить из древнего рода, занимать трон по праву наследования и не зависеть ни от какой другой власти, внешней или внутренней... В конечном итоге, предъявляемым Москвой высоким требованиям отвечали лишь два властителя: турецкий султан и ее собственный великий князь»¹²⁵.

Примерно с тех же позиций рассматривает расширение Московского государства и А. Каппелер. Говоря о борьбе «наследников» Золотой Орды, он пишет: «Важнейшими соперниками были Большая Орда как формальный наследник владений на Нижней Волге, Крымское и Казанское ханства, а также Ногайская Орда и более слабые и меньшие Астраханское и Сибирское ханства. В этих раздорах участвовали также Великое Московское княжество, бывшее, собственно, одной из

частей Золотой Орды, Польско-Литовское государство и (скорее за кулисами и на заднем плане) Османская империя»¹²⁶.

О схожести статуса царя и султана, в целом политической структуры и идеологий двух стран писал в работе, посвященной московско-османским отношениям в XVI—XVII вв., А.В. Фишер. Это обстоятельство долгое время было одной из причин сохранения мирных отношений между Москвой и Стамбулом. По мнению историка, степные земли к северу от Черного моря были естественным объектом соперничества двух «экспансионистских» империй, окружавших их. Однако, «турецкие военные предприятия осторожно избегали лобовых атак на север. Только в 1569 г. планировался поход на территорию, занятую царями, против Астрахани, но в этом случае Московия не была врагом, а всего лишь препятствием на пути к достижению Сулейманом цели соединить Каспийское море с его собственным Черным». Тенденциозность русских летописей и османских хроник А.В. Фишер объясняет тем, что в обоих случаях «историки представляли свои сочинения внутри общепринятой идеологической рамки. Взаимная злоба и неприятие историографических концепций уживалась с мирным сосуществованием и отсутствием ярко выраженных конфликтов»¹²⁷.

Поход турецких и крымских войск на Астрахань в 1569 г. вызывал особое внимание в зарубежной историографии. Еще Й. Хаммер уделил этому событию определенное место в своем труде¹²⁸. Согласно точке зрения П. Коулза, его причиной было недовольство некоторых османских государственных деятелей и стратегов плачевным состоянием северопричерноморских степей в результате грабительских набегов крымских татар, превративших край в пустыню¹²⁹.

По мнению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, «борьба крымских ханов за отвоевание Казани и Астрахани не закончилась в 1556 году. В течение более 30 лет Гирей пытались вытеснить московитов с татарских земель средней и нижней Волги». Апогей этой деятельности приходится на 1568 — 1574 гг.¹³⁰. Традиционно астраханскую экспедицию, анализируя степень заинтересованности в ней Османской империи, связывают с ирано-турецкой войной. Правда, в труде И.Х. Узунчаршылы поход 1569 г. оценивается как военная операция по овладению стратегически важным путем в Среднюю Азию и рассматривается автором, не только в контексте османско-сефевидских отношений, но и с точки зрения защиты традиционного пути для среднеазиатских паломников в Мекку, а также в связи с торговыми выгодами¹³¹. Специальную работу посвятил этому событию А. Беннигсен. Автор считает астраханскую военную экспедицию направленной прежде все-

го на овладение путем через Нижнюю Волгу и отрицает ее антироссийский характер. По мнению А. Беннигсена, интересы Турции в Восточной Европе были второстепенными, Турция была в то время заинтересована в сохранении мира с Россией, в котором нуждалась тогда и Россия. Если в событиях астраханского похода и присутствовало стремление нанести удар именно по России, то стремление это исходило от Крымского ханства, но не от Турции¹³². Сходная точка зрения была высказана А. Беннигсеном и в статье, написанной в соавторстве с Ш. Лемерсье-Келькеже. Авторы отрицают какое-либо официальное участие Османской империи и в походе Девлет-Гирея на Москву, закончившемся разрушением столицы: «В противовес утверждениям русских и советских историков, особенно А.А. Новосельского¹³³, которые считали, что «Девлет-Гирей подтолкнули к войне против России турецкое правительство и татарские феодалы», этот крупный поход ни в коей мере не входил в военную стратегию Османской Порты, интересовавшейся в то время конфликтом с Сефевидским Ираном. Этот поход был исключительно татарским предприятием»¹³⁴. Г. Хаттенбах, напротив, усматривал в экспедиции 1569 г. цель султана «переутвердиться, по крайней мере, на Нижней Волге»¹³⁵.

А.Н. Курат посвятил походу 1569 г. специальную статью. Историк считал, что Османская империя до середины XVI в. не вмешивалась в русско-казанские и русско-крымские отношения и не препятствовала военному усилению Москвы. Фактором сдерживания роста могущества Московского великого княжества с точки зрения османских султанов выступало, по мнению А.Н. Курата, Крымское ханство. Однако к середине XVI в. ситуация изменилась: усиление русских позиций в Причерноморье, Прикаспии и на Северном Кавказе вызвало беспокойство османов. События 1569 г. стали следствием возникших между Москвой и Стамбулом противоречий в вопросе о судьбе этих областей. Тем не менее, для Османской империи, в отличие от Московского государства, это предприятие большого значения не представляло и не шло ни в какое сравнение с военными кампаниями турок в других регионах мира¹³⁶.

В монографии А.Н. Курата, посвященной истории России, автор выделяет причины астраханского похода: важность района в стратегическом отношении, угроза Северному Кавказу и пути через Нижнюю Волгу со стороны Ирана, нападения донских казаков, от которых последние астраханские ханы бежали в Азак¹³⁷.

В статье Х. Иналджика «Истоки османско-русского соперничества и строительство канала Дон-Волга», опубликованной в 1948 г., видный турецкий историк доказывал, что до середины XVI в. интересы Осман-

ской империи в Восточной Европе, которые проявились еще в середине XV в., ограничивались, в основном, поддержанием баланса сил между Крымским ханством и Московским великим княжеством. Изменение равновесия в сторону Москвы и продвижение русских на юг создавало угрозу империи. Таким образом, поход 1569 г. и попытка строительства канала Волга-Дон, были реакцией Турции на угрозу с севера, хотя и несколько запоздалой¹³⁸.

Вопреки мнению некоторых отечественных историков, я не вижу большого противоречия между точками зрения А.Н. Курата и Х. Иналджика и полемики в этом вопросе: оба историка подчеркивают вынужденный характер похода с турецкой стороны (как ответ на усиление Москвы в Прикаспии и на Черном море), оба фактически утверждают, что Турция до середины XVI в. не принимала активного участия в отношениях Московского государства с Джучидами. Декларативное утверждение Х. Иналджика об активности позиции Османской империи на севере с середины XV в. фактически опровергается его же тезисом, что вся эта активность сводилась лишь к поддержанию паритета сил между Москвой и Бахчисараем.

В целом, в трудах зарубежных исследователей истории османомосковско-ордынских отношений проводится мысль о том, что Османская империя до 60-х гг. не принимала непосредственного участия в делах государств Улуса Джучи, ее интересы сосредотачивались в основном в сфере обеспечения безопасности Черноморской навигации, поддержания баланса сил в Восточной Европе, где проводником ее политики было Крымское ханство. Несколько разнятся взгляды историков по вопросу об Астраханском походе 1569 г. Эта военная инициатива видится либо как запоздалый ответ Османской империи на продвижение Москвы на юго-восток (Х. Иналджик, А.Н. Курат), либо как «чисто татарское предприятие», в котором османы не были сильно заинтересованы (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Кельеже), либо как эпизод осmano-сефевидского противостояния (И.Х. Узунчаршылы). Все зарубежные авторы отрицают агрессивность Турции по отношению к Московскому великому княжеству и ее стремление к завоеванию Северного Причерноморья, Прикаспия и южнорусских степей.

¹ Несколько особняком стоит Крымское ханство, где турецкое присутствие было очевидным и поэтому нашло подробное отражение в трудах историков (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887).

² Усманов М.А. К истории Джучидо-Османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С.127

³ Фаизов С.Ф. Современная турецкая историография о русско-турецких и русско-крымских отношениях XVI—XVII вв. // Историографический сборник. Вып.14. Проблемы политической истории России и зарубежных стран. Саратов, 1989.

⁴ Fisher A.W. The Russian annexation of the Crimea. 1772—1783. Cambridge, 1970. P.XI—XII.

⁵ Rywkin M. Preface // Russian Colonial Expansion. L. — N-Y., 1988. P.XII.

⁶ См. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч.1—IV. СПб., 1863—1887; Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891, Зотов О.В. Московская Русь: геополитика в «Сердце земли» (о ранней микромодели империи) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. М., 1893.

⁷ Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI вв. (по материалам агнографических сказаний и памятников фольклора). АКД. М., 1992.

⁸ Казакова Н.А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975.

⁹ Там же. С.65—66.

¹⁰ Там же. С.64.

¹¹ Там же. С.70.

¹² Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. С.77.

¹³ Казакова Н.А. Указ. соч. С.66. Датировка Н.А. Казаковой русской версии Сказания серединой 20-х гг. мне представляется не до конца убедительной, хотя и вероятной. Политическая ситуация, описанная в произведении, в равной степени может отражать события и конца 60-х — 90-х гг. XVI в.: астраханский поход 1569 г., впервые продемонстрировавший реальную возможность соединения сил османов и Крыма, направленного против России; поход 1588 г. и два турецких посольства в Москву (1589 и 1594 гг.). Кроме того, именно к концу XVI — началу XVII в. относится распространение так называемой «псевдоисторической» или «легендарной» темы в русской литературе, связанной с Турцией (легендарные — переписка Ивана IV с турецким султаном, цикл грамот турецкого султана к европейским государям, «Повесть о двух посольствах», переписка запорожских казаков с султаном. См.: Каган М.Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. // ТОДРЛ. Т.ХI. М.-Л., 1955; Она же. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т.ХV. М.-Л., 1958). Произведения этого жанра были очень тесно связаны с документами Посольского приказа и, скорее всего, создавались его сотрудниками. «На всем протяжении XVII в. там не прекращаются поиски типа нового официального произведения, формулирующего государ-

ственную теорию», но, по мысли М.Д. Каган, одновременно в Посольском приказе создаются и сочинения указанного жанра, демонстрирующие то, «как воспринимались вопросы внешней политики рядовыми служащими Посольского приказа» (Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. Т. XIII. М.—Л., 1957. С.262). Именно в конце XVI — начале XVII в. в этой литературе четко формулируется тезис о враждебности Турции России, агрессивности ее устремлений в регионе Восточной Европы, возможности совместного наступления Османской Империи и государственных образований, распавшегося улуса Джучи, против России. «Примерно с конца XV в. — со времени свержения татарского ига, — пишет М.Д. Каган, — антитурецкая тема звучит как тема защиты суверенитета национального государства» (Там же. С.261). «Сказание о брани венециан противу турецкого царя» очень близко по духу произведениям литературы Посольского приказа (особенно циклу грамот турецкого султана к европейским государям). Однако, даже если русская версия сочинения относиться к самому концу XVI в. или даже к началу XVII в., то, все равно следует согласиться с мнением Н.А. Казаковой о том, что Сказание, наряду с Повестью о взятии Царьграда и несохранившимся произведением «некоего немчина», о котором писал Максим Грек в 1523 г., — один из самых ранних памятников турецкой темы в русской литературе XVI в. (Казакова Н.А. Указ. соч. С.66).

¹⁴ Симицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С.180—181.

¹⁵ Памятники литературы Древней Руси. М., 1985. С.422, 424.

¹⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском ханстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С.385—387.

¹⁷ Keenan E.L. The Paradoxes of the Kazanskaya Istorya // The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US. Vol. XXXI—XXXII. N-Y, 1967; Keenan E.L. Coming to Grips with the Kazanskaya Istorya // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Science in the US. Vol. XI, №1—2. N-Y, 1968.

¹⁸ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С.180.

¹⁹ Подробнее см. Богданов А.П. «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003. С.78—90.

²⁰ Чистякова Е.В. А.И. Лызлов и его «Скифская история» // Лызлов А.И. Скифская История. М., 1990. С.366.

²¹ Там же. С.371.

²² Лызлов А.И. Скифская История. М., 1990. С.227.

²³ Там же. С. 108, 112.

²⁴ Там же. С.250. С 1475 г. Турция начинает строительство в Причерноморье и под Азовом крепостей, что, по мнению Е.В. Чистяковой, комментировавшей рассуждения А.И. Лызлова по этому поводу, «повлекло за собой наступление Турции на «Московския православныя монархии» (Чистякова Е.В. А.И. Лызлов и его «Скифская история». С.370). Однако, у самого А.И. Лызлова смысл высказывания

прямо противоположен: «А вся сия крепости содела поганый, имеющи великое опасение от Московския православныя монархии» (Лызлов А.И. Скифская История. С.130).

²⁵ *Cantemir Demetrius* Histoire de l'empire othoman on se voyent causes de son aggrandissement et de sa decadence. Traduite en françois par M. de Jonquieres. T. II. Paris, 1743. P.95.

²⁶ Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767; Татищев В.Н. История Российская. Т. VI. М.—Л., 1966 и др.

²⁷ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С.216—217.

²⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. VI. С.37—38, 45.

²⁹ [Байер Г.З.] Древняя Азовская и Крымская известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую 1768. С.90—92.

³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1998. С.38—46, 87.

³¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III, Т.5—6. М., 1960. С.496.

³² Там же. С.490.

³³ Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Кн. I. М., 1989. С.9—14.

³⁴ Там же. С.13—14.

³⁵ Перетяжкович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С.159.

³⁶ Там же. С.159.

³⁷ Там же. С. 206, 217.

³⁸ Карнович Е.П. Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. I. Астрахань, 1896. С.4.

³⁹ Там же. С.11.

⁴⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.270—273.

⁴¹ Марджани Ш. Мустафад аль-ахбар фи эхвали Казан ва Булгар. Казан, 1885 (араб. шрифт).

⁴² Атласи Х. Казан ханлыгы. Казан, 1920. С.130.

⁴³ Фахретдин Р. Казан ханнары. Казан, 1995. С.90—91.

⁴⁴ Lebedeff O. de Abrege de l'Histoire de Kazan offert aux membres du XIIme congres des orientalistes. Roma, 1899. P.43.

⁴⁵ Ibid. P.66.

⁴⁶ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. IV. Київ, 1993. С.310—311 (репринтное воспроизведение издания — Київ-Львів, 1907).

⁴⁷ Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С.429.

⁴⁸ «Не совсем понятно, — пишет А.Е. Крымский о соответствующем месте у М.С. Грушевского, — почему М.С. Грушевский сопровождает слова Длугоша недоверчивым восклицательным знаком» (См. *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. М., 1916. С.177, прим.)

⁴⁹ Там же. С.177.

⁵⁰ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Т.1. М.-П., 1923. С.246—247.

⁵¹ *Мачанов А.Е.* Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. [Симферополь], 1929. С.10, 20.

⁵² *Акчокракли О.* Про перший проект споруди Волго-Донського каналу у XVI сторіччі // Східний Світ. Харків, 1928, № 2. С.190—192.

⁵³ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства (воспроизведение текста первого издания 1923 года). М., 1991. С.14.

⁵⁴ Цит. по: *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI — начало XIX века. М., 1990. С.12.

⁵⁵ Цит. по: *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991, № 1. С.107.

⁵⁶ *Хорошкевич А.Л.* Причины и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // История СССР. 1991, № 6. С.88.

⁵⁷ *Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана IV // 120 лет Ленинградскому государственному университету. Научная сессия. Тезисы докладов. Л., 1939. С.92—93.

⁵⁸ *Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана III // Исторические записки. Т. 27. М.-Л., 1948.

⁵⁹ *Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана IV. С.92.

⁶⁰ *Смирнов И.И.* К вопросу о суде над Максимом Греком // Вопросы Истории. 1946, № 2—3. С.120.

⁶¹ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т.1. (Ученые записки МГУ, вып. 94). М., 1946. С.103.

⁶² *Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана III. С.44—45.

⁶³ *Смирнов И.И.* К вопросу о суде над Максимом Греком. С.120.

⁶⁴ Там же. С.119—125.

⁶⁵ *Мацурек И.* Турецкая опасность и средняя Европа накануне и во время падения Константинополя // *Byzantinoslavica*. XIV. Prague, 1953. С.157.

⁶⁶ *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С.114—115.

⁶⁷ *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета 1948 № 1. С.37, 41.

⁶⁸ *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVII вв. Нальчик, 1948. С.5.

⁶⁹ Там же. С.11.

⁷⁰ *Смирнов И.И.* Восточная политика Ивана IV. С.93.

⁷¹ *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С.13.

⁷² *Наякшин К.К.* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951, № 9. С.109.

⁷³ Там же. С.110.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С.15.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549) // Труды МГИАИ. Т.6. М., 1954. С.187—188.

⁷⁹ Там же. С.191—193, 199. См. также: *Шмидт С.О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX века. М., 1964. С.540.

⁸⁰ *Бурдей Г.Д.* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI веке // Преподавание истории в школе, 1954. №5. С.34—36; см. также *Бурдей Г.Д.* Борьба России против султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50—70-е гг.). АКД. Б.м., 1953. С.3, 6, 11, 13.

⁸¹ *Бурдей Г.Д.* Борьба России против султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. С.16; см. также: *Алекберли М.А.* Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII веков. Саратов, 1961. С.60.

⁸² *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI в. // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. XLVII. Харьков, 1956. С.183—205.

⁸³ См. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С.64—65.

⁸⁴ См. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С.16.

⁸⁵ *Сафаргалиев М.Г.* Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству // Труды Мордовского НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР. Вып. 71. Саранск, 1964. С.19—20.

⁸⁶ См., напр.: *Верейн Л.Е.* Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.

⁸⁷ *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963. С.152.

⁸⁸ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С.75.

⁸⁹ *Григорьев А.Л.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.10. Л., 1987. С.52.

⁹⁰ *Кидырниязов Д.С.* Ногайцы в русско-турецких отношениях в XVI веке // Восток: прошлое и будущее народов. IV всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Т. II. М., 1991. С.124—126; ср.: *Кидырниязов Д.С.* Из истории русско-ногайских отношений в XV—XVI вв. // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С.64; *Кидырниязов Д.С.* Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татара-

ми в XVI в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. Т. III. М., 1997.

⁹¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С.295.

⁹² Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С.70—71. См. также: Мейер М.С. Дешт-и Кипчак» в истории русско-турецких отношений // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С.16—25.

⁹³ Кидырниязов Д.С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татарами в XVI в. С.52.

⁹⁴ Ермушев А.М. К вопросу об активизации политики России в отношении Казанского (1545 — 1546 гг.) // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997. С.131.

⁹⁵ Краснов А.В. Проникновение Османской Порты и ее вассалов на Северо-Западный Кавказ в XVI — нач. XVII вв. // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С.102—104.

⁹⁶ Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С.13—14.

⁹⁷ Там же. С.15.

⁹⁸ Орешкова С.[Ф]. Османская империя и Россия. К вопросу о формировании культуры межгосударственных отношений в евразийском пространстве. // Евразия: Народы. Культуры. Религии. 1996, № 1 (4). С.41—42.

⁹⁹ Пантин В.И. Русь и тюркские государства Поволжья: взаимоотношения природы и общества // Генезис кризисов природы и общества в России. Вып.2. Материалы 2 научной конференции «Человек и природа — проблемы социоестественной истории». М., 1994. С.120. Ср. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т.1. М.-П., 1923. С.247.

¹⁰⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV — XVI вв. Казань, 1995. С.64—65.

¹⁰¹ Беседа В. Трепавлова с М.А. Усмановым «Соседи называли их «татарами». См.: Родина, 1997 №3—4. С.43—44.

¹⁰² Алишев С.Х. Продвижение России на Восток в XVI веке // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995. С.30—33.

¹⁰³ Ковин В.Н. Истоки развития России по имперскому пути: восточный вопрос во внешней политике русского государства в конце XV — XVI веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. Челябинск, 1995. С.40.

¹⁰⁴ Там же. С.41.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Кузнецов А.Б. Россия и Ногайская Орда в 30-х гг. XVI в. // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997.

¹⁰⁷ Алексеев Ю.Г. Падение Джучиева Улуса // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С.78.

¹⁰⁸ Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С.151.

¹⁰⁹ Цит. по: Фаизов С.Ф. Современная турецкая историография. С.136.

¹¹⁰ Цит. по: Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений. С.69—70.

¹¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III, Т.5—6. С.495.

¹¹² Inalcik H. The Ottoman Empire. The classical Age 1300—1600. London, 1973. P.39. Интересно, что представление о Российском государстве как наследнике улуса Джучи, или, даже более глобально, монгольских имперских традиций, было характерно для представителей русского «евразийства» (напр. для Савицкого). Кажется, именно «евразийцы» впервые сформулировали этот тезис, который потом (вероятно, вполне независимо от них) получил распространение в западной историографии.

¹¹³ Inalcik H. The Turkish Impact on the Development of Modern Europe // The Ottoman State and its Place in World History. Ed. by Kemal H. Karpat. Leiden, 1974. P.53. («Also, it should be pointed out that the Ottomans contributed to the rise of Muscovy by supporting, as a great power in the politics of Eastern Europe, the Muscovy-Crimean alliance against the Jagellons and the Golden Horde, which then tried to establish or restore their hegemony in the region. When the Ottomans saw the danger for their Black Sea and Caucasian interests in the Muscovite supremacy and expansion in the middle of the sixteenth century it was too late»).

¹¹⁴ Kurat A.N. Rusya Tarihi. Ankara, 1993. S.157.

¹¹⁵ Fisher S.N. The Foreign Relations of Turkey 1481—1512. Urbana, 1948. P.35.

¹¹⁶ Mowat R.B. A History of European Diplomacy. 1451—1789. L., 1928. P.10—11.

¹¹⁷ Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. Le khatat de Crimée au début du XVI siecle. De la tradition Mongole a la suzeraineté ottomane // Cahiers du monde Russe et Soviétique, 1972, vol. XIII. № 3. P.323—324.

¹¹⁸ Podhorodecki L. Chanał Krymski i jego stosunki z Polska w XV—XVIII w. Warszawa, 1987. S.83.

¹¹⁹ Keenan E.L.(Jr.) Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic review. V.XXVI. № 4. Dec.1967. P.549.

¹²⁰ Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague-Paris, 1974. P.36.

¹²¹ Ibid; Sevchenko I. Muscovy's conquest of Kazan: two views reconciled // Slavic review. Vol. XXVI. № 4, dec. 1967; Huttenbach H.R. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552—1556. The Conquest of the Wolga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion. L. — N-Y., 1988.

¹²² Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and Caucasus. N-Y -L., 1972. P.17.

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.111

**ПИСЬМО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ХАНА УЛУГ-МУХАММЕДА
ОСМАНСКОМУ СУЛТАНУ МУРАДУ II: ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ,
ЗОЛОТАЯ ОРДА И ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В КОНЦЕ XIV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.**

¹²⁵ Там же. С.105—108.

¹²⁶ *Kanneler A.* Собрание земель Золотой Орды в 16—18 веках // *Tatarica*. Звездный час татарской истории. № 1, зима 1997/1998. Казань, 1997. С.27.

¹²⁷ *Fisher A.W.* *Muscovite-Ottoman relations in the sixteenth and seventeenth centuries* // *Humaniora Islamica. An annual publication of Islamic Studies and the Humanities*. Vol. I (1973). Mouton-The Hague-Paris, 1973. P.208—212.

¹²⁸ *Hammer J. von* *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd.3. Pest, 1828. S.531.

¹²⁹ *Coles P.* *The Ottoman impact on Europe*. L., 1968. P.165.

¹³⁰ *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch.* *Le Khanat de Crimée au Début du XVI Siècle. De la Tradition Mongole a la Suzeraineté Ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes* // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, vol. XIII, № 3. Paris, 1972. P.324.

¹³¹ *Uzunçarşılı İ.H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 3, Kısım II. Ankara, 1988. S.150.

¹³² *Bennigsen A.* *L'expédition turque contre Astrakhan en 1569* // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. 1967, vol. VIII, № 3. P.441—442.

¹³³ Со ссылкой на: *Новосельский А.А.* *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* М.—Л., 1948. С.26.

¹³⁴ *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch.* *Op. Cit.* P.324. См. также статью Т. Гёкбилгына в публикации им письма бейлербея Кафы Касим-паши падишаху 1569 г. (*Gökbilgin T.* *L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569* // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. Vol. XI, № 1. Paris-La Haye, 1970) и работу Ж. Вайнштейна (*Veinstein G.* *Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569* // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. 82. Wien, 1992).

¹³⁵ *Huttenbach H.R.* *Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552—1556. The Conquest of the Wolga: Prelude to Empire* // *Russian Colonial Expansion*. L — N-Y., 1988. P.67.

¹³⁶ *Kurat A.N.* *The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don — Volga canal* // *The Slavonic and East European Review*, 1961, Vol. 40, № 94. P.10—23.

¹³⁷ *Kurat A.N.* *Rusya Tarihi*. Ankara, 1993. S.160.

¹³⁸ *Inalcık H.* *Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569)* // *Belleten. Türk Tarih Kurumu*. Cilt 12, Sayı 46. Ankara, 1948. S.352—363.

Единственным дошедшим до нас текстом золотоордынско-османской переписки первой половины XV в. является подлинник письма хана Улуг-Мухаммеда султану Мураду II (Топкапы № 10202), датированного 14 марта 1428 г. Документ написан на чагатайском языке на листе плотной лошенной бумаги из шелка размером 200, 3 x 28 см, склеенном из шести отдельных кусков. Бумага, скорее всего, среднеазиатского производства. К верхней части письма приклеен кусок сафьяна темно-вишневого цвета размером 23 x 28 см; когда лист свернут в трубочку, он полностью закатывается в сафьян, который служит предохранительным футляром. В документе 19 строк, написанных арабскими буквами, почерком *дивани кърма*. Первые две строки, а также отдельные слова и выражения в последующих строках (3, 4, 5, 6, 8, 10, 13) вписаны золотом. Три строки (3—5), следующие после упоминания имени адресата, смещены влево. Последняя (19-ая) строка (дата составления письма) расположена на левой половине листа. Все строки, кроме первых двух, доведены до конца листа, а справа оставлены поля. Расстояние между строками примерно равное, только 19-я строка (дата) написана почти вплотную к предыдущей. В пяти местах на лицевой стороне листа (слева, между 6-й и 7-й строками; слева, между 9-й и 10-й строками; справа, между 12-й и 13-й строками; слева, покрывая предпоследние слова 18-й и начальные слова 19-й строк) приложена четырехугольная печать размером 6 x 6 см, составленная из трех, вписанных друг в друга квадратов, с текстом на арабском, написанном золотом куфическим почерком. Во внутреннем квадрате — изображение тамги в виде трезубца; во втором — надпись: «Султан правосудный Мухаммед-хан»; во внешнем — надпись: «Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Кто справедлив, тот царствует, кто притесняет, тот гибнет»¹. Как заметил А.Н. Курат, такое же количество печатей, удостоверяющих подлинность документов дипломатической переписки, характерно для мамлюкского Египта (для посланий египетских султанов к «кыпчакским» правителям)².

Оборотная сторона листа занята текстом, на первый взгляд не имеющим отношения к письму Улуг-Мухаммеда. Это копия *фетх-наме* Мурада II о завоевании крепости Гюверджинлик (كوكرجينليك — «Голубятня»)⁴, написанного на арабском в 831 г.х. и направленного в Египет некоему беку Акбуге (أقبوغا بك)⁵. 831 г.х. соответствует периоду времени с 22 октября 1427 г. по 10 октября 1428 г. Название *Gügercinlik* — турецкая калька сербского названия Голубац — крепости на правом берегу Дунае к востоку от Белграда⁶. Османские войска дважды овладевали этой крепостью: первый раз в ноябре 1427 г., когда Голубац, который по договору сербского деспота с королем Сигизмундом⁷ должен был быть передан венграм, вместо этого был добровольно сдан туркам комендантом города Иеремией⁸. Второй раз согласно *Тарих-и Абу-л Фатх* Турсун Бега город был взят войсками Махмуда-паши в июле 1458 г.⁹. Окончательное завоевание Голубца сделало город стратегически важной пограничной крепостью, жители которой охраняли османские суда на реке, а также обеспечивали охрану самого города от набегов венгров и гайдуков¹⁰. С начала 1428 г. по июнь этого же года крепость была осаждена войсками Сигизмунда, вокруг города велись ожесточенные бои, видинский санджак-бей Синан-бей неожиданной вылазкой существенно потрепал венгерские войска¹¹. Ясно, что оригинал *фетх-наме* относится к первому взятию османами Голубца, т.е. написан после ноября 1427 г., когда турки овладели городом.

В Египте в это время — с 1422 по 1438 г. — правил Ашраф Сейфад-Дин Барсбай¹². Мурад II обменивался с ним посольствами и письмами. Сохранилось письмо Мурада Барсбаю от 10 зуль-хиджа 831 г.х. и ответ мамлюкского султана¹³. Падение Гюверджинлика и поражение венгров в 1428 г., естественно, послужили поводом для продолжения османо-мамлюкских контактов, и в 1430 г. османский посланец доставил в Египет сообщение о взятии турками Салоник¹⁴. Видимо, Акбуга, которому было направлено *фетх-наме* Мурада II, — это эмир Барсбая, «инспектор» Верхнего Египта, полное имя которого, — Акбуга Джамали¹⁵. В тексте *фетх-наме* он назван «эмиром правоверных» и «опорой государства и веры». В любом случае, текст *фетх-наме* оказался на оборотной стороне письма Улуг-Мухаммеда, видимо, уже после его получения в Стамбуле, т.е. оригинал послания хана был переиспользован в султанской канцелярии. Зачем понадобилось создавать копию *фетх-наме* на обороте письма Улуг-Мухаммеда не совсем ясно. Трудно предположить, что сделано это было из-за нехватки писчего материала. Между тем, прямой связи, кроме года написания (1428), между этими документами как будто бы нет¹⁶.

Текст письма Улуг-Мухаммеда сохранился не полностью: отдельные места пострадали от сырости и не поддаются прочтению. В письме Мураду II хан коснулся истории османско-ордынских отношений: «Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум и старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамышхан и ваш великий дед гази Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней»¹⁷. Этот документ свидетельствует «не только об обмене посольствами между сараевскими ханами и турецкими султанами в 20—30-х гг. XIV в., но и сообщает, что подобные контакты имели место во времена султана Баязида и хана Тохтамыша, накануне известных походов Тимура в Поволжье и Малую Азию, т.е. еще в ту пору, когда и сарайские ханы, и турецкие султаны были заинтересованы в создании анти-тимуровского союза. Из письма также ясно, что переписка Джучидов с турецкими султанами имеет еще более раннюю традицию»¹⁸. Действительно, слова Улуг-Мухаммеда о древности османо-ордынских связей, скорее всего, «имеют не просто декларативный, а документальный характер»¹⁹. Импульсом для продолжения официальных контактов послужили общие внешнеполитические интересы двух государств в конце XIV века. М.Г. Сафаргалиев предположил, что сближение Тохтамыша с Баязидом могло произойти в 1394 г., когда Тохтамыш активно искал союзников против Тимура. «На этот счет нет прямого указания, но косвенные данные говорят о возможности такого союза»²⁰. Представляется возможным уточнить это предположение. В 1394 г. в Дамаске египетский султан аз-Захир Баркук принимал послов Тохтамыша, Баязида и Бурхан ад-Дина Ахмада, правителя Сиваса. Рассказ об этом сохранился у мамлюкского историографа Тагри Бирди: «Туда прибыли к султану послы Тохтамыш хана, правителя земли Кыпчак (Кыфджак), предлагая союз против Тимурленка, предложение которых султан принял. За ними прибыли послы османского султана Йылдырыма Баязида, правителя Малой Азии, сообщая, что он послал 200000 дирхемов в помощь аз-Захиру и что он будет ждать ответа султана, чтобы поступить соответственно...»²¹. Баркук с благодарностью воспринял эти предложения. Возможно, что первые официальные контакты представителей Тохтамыша и Баязида произошли именно в августе 1394 г. в Дамаске, где представители четырех стран обсуждали перспективы войны с Тимуром²².

Поражение Тохтамыша в 1395 г. и катастрофа 28 июля 1402 г. (битва при Анкаре), на какое-то время приостановили развитие отношений двух государств. И Османская империя, и Золотая Орда испытывали тяжелейшие внутренние потрясения, временно снявшие актуальность контактов друг с другом. Однако, у двух придворных летописцев Тимура Шараф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, а также византийского историка Лаоника Халкокондила сохранились известия, что часть Орды, разгромленной Тимуром на Ворскле, под предводительством эмира Актава в 1397 г. бежала в низовья Днепра, откуда, двинувшись далее на запад, вероятно, в 1398 г. попала в османские владения на Дунае. Актав вынужден был волей или неволей вступить в переговоры с Баязидом, результатом которых стало поселение беженцев на юге Дуная и Балканах. Возможно, именно эта группа разграбила в феврале 1399 г. Варну. Однако, вскоре Баязид изменил решение и устроил кровавую бойню татарских вождей, которая не могла не вызвать сопротивления татар. Оставшиеся в живых были поселены вокруг Эдирне²³.

К сожалению, мы не имеем сведений о развитии османо-ордынских дипломатических отношений в самом начале XV в. Т. Халашкин в одной из своих ранних статей относил посольство Улуг-Мухаммеда к Мураду в Адрианополь к 1424 г.²⁴ Видимо, это ошибка. В феврале 1424 г. Мурад после поездки по малоазийским городам принимал в Эфесе послов сопредельных держав²⁵. Сведений о посольстве Улуг-Мухаммеда к Мураду в 1424 г. в известных мне источниках нет. Письмо Улуг-Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дипломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва следует, видимо, искать в возобновлении союза Тохтамыша с Тимуром в самом начале XV в.

Из письма Улуг-Мухаммеда становится ясным, что существовало два пути, по которым осуществлялся посольский обмен между двумя странами. Один — сухопутный — проходил через Причерноморские степи и Валахию, второй шел через Черное море: «Мы не снарядили к вам человека, полагая, что, если мы его пошлем, Афлак его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл?»²⁶.

В это время в европейской дипломатии зреет идея антиосманской коалиции с участием азиатских государств. Одно из первых мест в этом возможном союзе отводится ханам Джучиева улуса. Мысль о привлечении «кипчакских» ханов к антиосманскому союзу к началу XV в. уже имела свою историю, т.к. еще в 80—90-х XIV в. европейские государст-

ва и, в частности, Византия²⁷ и Венеция предпринимали подобные попытки²⁸.

Осенью 1411 г. до встречи между Сигизмундом (1387—1437 гг.) и королем Польши, польская делегация в Риме просила папу Иоанна XXII объявить крестовый поход против татар. Послы Сигизмунда к папскому престолу, однако, убеждали папу, что организация такого похода будет смертельной ошибкой. Сигизмунд считал, что татары — естественные союзники европейских государств против Османской империи. Владислав был готов разделить взгляды Сигизмунда: в 1412 г., когда в Буду прибыли послы татарского хана и предложили польскому королю заключить союз против всех его врагов, он, как и Сигизмунд, принял это предложение. В начале 1412 г. Сигизмунд посылал послов (Николауса де Геретца) через генуэзскую Кафу к хану Джалал-ад-Дину (сыну Тохтамыша), правившему в 1411—1412 гг., с предложением присоединиться к антиосманской лиге вместе с Византией, на что был получен положительный ответ²⁹.

В списке даров (*litterae donationis*) — пожаловании, выданном Сигизмундом в г. Надьсомбат 6 февраля 1428 г., описана миссия двух венгерских послов (получателей пожалования) к азиатским правителям с целью заключения союза против Турции. Этот документ хранится в Венгерском Национальном Архиве (*Magyar Országos Levéltár, Diplomataikai Levéltár: 100.445*). Имена послов — Miklos Szerecsen (*Nicolaus Sarachenus*) и Josza Török (*Josa Turcus*). Миклош Герети — *Nicolaus de Geretz* (один из послов Сигизмунда) попал в плен к туркам при Никополе и 12 лет провел в неволе. После того, как он обрел свободу в 1408 г., он поступает на службу к Сигизмунду. «Сараценусом» он назван, возможно, потому, что был в плену у мусульман. При его возвращении в Венгрию из плена, на обратном пути к нему присоединяется турок, впоследствии крестившийся (*Josza Török*), также поступивший на службу к Сигизмунду и выполнявший с Миклошем Сараценусом дипломатические поручения монарха³⁰.

Помимо прочего в списке сказано: «...Йоза Тёрёк был послан в качестве нашего посла принцу Магомету, господину Татар Орды; принц тоже намеревается против гнусных турок со всей своей мощью, так что, таким образом, он (т.е. посол) привез от этого Магомета ответ, желаемый нами.»³¹. Магомет, «господин (правитель) Татар Орды», к которому ездили послы Сигизмунда, по предположению Л. Тарди, — Улуг-Мухаммед³². Однако Л. Тарди исходил из датировки упомянутых в списке посольств тем же 1428 г. (т.е. датой написания самого списка). Не так давно Д. Агостон, обратившись к архивному подлиннику доку-

мента, показал, что список упоминает миссию Миклоша Гереша не в Караманию в 1428 г.³³, а посольство Сигизмунда к Кара-Юлюку Ак-Коюнлу в 1419 г.³⁴. Таким образом, посольство Сигизмунда к «Магомету, Господину Татар Орды» (т.е. к Улуг-Мухаммеду) имело место между 1419 и 1428 гг. Штромер фон Райхенбах относил посольства Тёрёка к Улуг-Мухаммеду к 1419—1423 гг.³⁵. Поскольку воцарение Мухаммеда относится согласно вычислениям М.Г. Сафаргалиева к концу 1421 г., следовательно, время совершения посольства можно сузить. Йоза Тёрёк был у Улуг-Мухаммеда и получил удовлетворительный ответ на предложение Сигизмунда до 1423 г. В связи с вышеизложенным становится более понятным, почему в султанской канцелярии связывали переписку Улуг-Мухаммеда с документами о ведении боевых действий против Сигизмунда, почему на обороте письма хана султану Мураду II появилась копия *фетх-наме* 831 г.х. (кон. 1427—1428 гг.) с сообщением о взятии сербской крепости Голубац (Güvercinlik).

Согласно договору в Тати в мае 1426 г., сербского деспота Стефана с Сигизмундом, наследником сербского трона был утвержден Георгий Бранкович, племянник Стефана (сын Вука I, внук Лазаря по материнской линии). Договор предполагал, что, в случае смерти Лазаревича без мужского потомства (что, учитывая состояние его здоровья, было совершенно очевидно), Белград и Голубац должны были отойти Сигизмунду. Если бы и Георгий умер без наследников, сербские земли также бы перешли Сигизмунду. Фактически договор означал принятие сербами венгерского диктата в обмен на помощь в обороне от турок. Сербия, которая считалась вассалом султана, как бы вошла в антиосманскую коалицию³⁶.

19 июля 1427 г. после соколиной охоты деспот Стефан Лазаревич скончался. На царство, как и предполагалось, был помазан Георгий Бранкович. Он взшел на престол без уведомления султана Мурада II. Бранкович едет в Голубац, и именно воевода Голубаца Иеремия возлагает на помазанного руку и оружие в знак признания прав Георгия.

Между тем османы, недовольные выходом вассала из-под контроля, посылают на Сербию мощный экспедиционный корпус: османская армия под командованием Иса-бея 3 сентября осадила Ново Брдо. На помощь корпусу Исы двигался сам Мурад. Вскоре был взят Крушевац. В этой критической ситуации Бранкович начал осуществлять обещания Татинского договора, надеясь на венгерскую помощь против турок. Вероятно, уже в сентябре или даже конце октября 1427 г. Сигизмунду был передан Белград. Очередь была за Голубацем. Однако, в дело вмешался воевода крепости Иеремия, который потребовал

12 000 дукатов за передачу ее венграм. Скорее всего, именно эту сумму он выплачивал ранее деспоту за право управлять городом³⁷. В доказательство Иеремия приводил документ, однако король оспаривал подлинность печати и сумму выплаты. Оказавшись между двух огней (турками и королем Сигизмундом) и видя бесперспективность переговоров с последним, Иеремия обращается с аналогичным предложением к султану и находит у него понимание. Едва наступила зима, Голубац был сдан Иеремией туркам без боя (вероятно, требуемая сумма была выплачена сполна). До мая 1428 г. события вокруг крепости почти не развиваются: Георгий поддерживает мир с султаном и исправно платит харадж. Однако, ситуация сильно осложнилась вмешательством Сигизмунда, который с 30 000-ным венгерским войском в конце апреля 1428 г. осадил турецкий гарнизон крепости. До июня 1428 г., когда противоборствующие стороны заключили при посредстве Синан-бея перемирие сроком на 3 года, турецкий гарнизон Голубца был осажден венгерскими войсками Сигизмунда со стороны Дуная и с поля и активно подвергался бомбардировкам³⁸.

В Стамбуле, возможно, опасались участия Улуг-Мухаммеда в сербско-венгерских событиях, или же, наоборот, раздумывали о возможности привлечения хана, зимовавшего, как это следует из его письма Мураду, на Днепре (Озю), к военным действиям на Дунае. К сожалению, определенного ответа на этот вопрос пока дать нельзя.

В европейские планы привлечения исламских государств к антиосманской коалиции входил и мамлюкский Египет. Чтобы предотвратить возобновление дружественных отношений между ним и османами, Венеция посылает египетскому султану двух послов. Улуг-Мухаммед сам вел весьма активную внешнюю политику. По сообщению аль-Айни 21 апреля 1429 г. (т.е. через год после написания письма Мураду II), его послы прибыли в Египет, имея при себе подарок и два письма (на арабском языке и монгольском уйгурским алфавитом)³⁹. Возможно, в составе именно этого посольства к султану ал-Малику ал-Ашрафу Барсбаю находился И. Шильтбергер, который упоминает посольство Улуг-Мухаммеда к мамлюкскому султану по случаю свадьбы дочери последнего⁴⁰. К сожалению, результаты и действительные цели этих посольств неизвестны. Неясно, насколько реальна была «антиосманская» позиция Улуг-Мухаммеда. Скудость источников не позволяет ответить на этот вопрос с определенностью. Документы сношений Улуг-Мухаммеда с турецкими султанами в более поздний период неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что с основанием Казанского ханства круг внешнеполитических интересов Улуг-Мухаммеда не-

сколько изменился, Османская империя не играла главную роль в его внешней политике. Это место занимало сначала Великое княжество Литовское, а затем и Московское княжество.

Улуг-Мухаммед еще в первой половине 1420-х гг. активно сносился с великим князем литовским Витовтом. В 1424 г. к Витовту приезжало посольство Улуг-Мухаммеда. 1 января 1425 г. Витовт писал к великому магистру: «...Мы Вам сообщаем, что татарское государство раздвоено и разделено, так что теперь там 6 государей, которые и борются за власть. Один из них Махмет, находится при нас, а другие живут в разных местах, так как их земли велики и обширны»⁴¹.

В последних числах января 1429 г. в Луцке собрались великий князь литовский и русский Витовт, король польский Владислав (Ягелло), король римский и германский Сигизмунд, представители папы, византийского императора, датского короля, великого магистра Тевтонского Ордена в Пруссии и Ливонии, господаря Молдавии, мелкие русские и литовские князья, герцоги Мазовецкие и т.д. Заседания конгресса длились около двух недель. Основным вопросом съезда была общеевропейская борьба с турками⁴². По некоторым, впрочем, маловероятным, данным на съезде присутствовал перекопский хан⁴³. А.Е. Крымский считал, что это был Хаджи-Гирей — «недавно поставленный вассал Витовта и враг Турции»⁴⁴. Присутствие на конгрессе Хаджи-Гирей в качестве крымского хана маловероятно. Ханом Крыма и джучидских земель на западе был тогда Улуг-Мухаммед. Витовт в письме Ливонскому ордену от 9 сентября 1429 г. (незадолго до съезда) писал: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз»⁴⁵. Вряд ли хан лично присутствовал на конгрессе, но его представители там быть могли⁴⁶. Особенно остро на конгрессе обсуждался молдавский вопрос. Сигизмунд, до которого дошли слухи, что господарь Александр сносится с турками, требует от Ягайло приступить к разделу Молдавии или приказать Александру (как своему леннику) отстать от турок и помогать императору в борьбе с ними. Сигизмунд ведет переговоры с послами Ордена об учреждении особой его ветви на Дунае в качестве постоянной военной колонии для борьбы с турками. Этот замысел не осуществился⁴⁷. Император просил Ягайло и Витовта оказать ему помощь против турок. Ягайло собрал отряд (в основном из выходцев с русских земель, что вызвало там большое неудовольствие), но отряд, соединившись с господарем, не дождался сил Сигизмунда и вернулся в Литву⁴⁸. В августе 1430 г. перекопский хан лично был в Вильне на несостоявшейся коронации Витовта⁴⁹.

Важным источником по истории восточноевропейской политики Улуг-Мухаммеда являются документы переписки хана с Ливонским орденом. Судьба этих материалов, собранных Геннигом и хранившихся в Кенигсбергском архиве, не известна. Скорее всего, они не сохранились (подобно материалам из этого собрания, которые использовал в своей работе над *Историей Государства Российского* Н.М. Карамзин)⁵⁰. Среди копий документов Кенигсбергского архива в РГАДА (Ф.147) их нет. Единственным источником служит пересказы писем Свидригайло и Улуг-Мухаммеда (напр., очень темного немецкого перевода письма Улуг-Мухаммеда гроссмейстеру Ливонского ордена, датированный 1433 г. (Секретный Архив № LXXVII), в монографии А. Коцебу⁵¹ и труде Н.М. Карамзина. А. Коцебу, работавший в Кенигсбергском архиве в 1813 г., имел этот документ, как и письма Свидригайло гроссмейстеру ордена, в которых содержится уникальная информация об участии Улуг-Мухаммеда в литовских междоусобицах, в своем распоряжении. Н.М. Карамзин пользовался копиями, присланными ему и министру внутренних дел О.П. Козодавлеву Экспедицией прибалтийского дворянства⁵².

Улуг-Мухаммед вступает в союз со Свидригайло, который вместе с Орденом борется против Ягайло за престол ВКЛ, и, видимо, в начале 1431 г. дает ему шертъ⁵³. 9 мая 1431 г. Свидригайло пишет из Смоленска ливонскому магистру Павлу, что его посол, «Строгий рыцарь Петр, воевода Новгородский, возвратился от Татарского хана с уверением, что сей последний желает пребыть с ним в истинной любви и дружбе, как и с предместниками его, и готов вспомоществовать ему не токмо всем войском, но и личным даже присутствием своим, где и когда нужда того потребует; в чем и дал ему от себя письменное обязательство в такой силе, как прежние ханы давали предместникам Свидригайловым; для вящего же подтверждения дружбы своей, прислал к нему четырех знатнейших князей, в том числе и своего тестя, и даровал свободу Григорию Протасию, воеводе Мчаскому, вместе с многими другими взятыми в плен»⁵⁴. Текст письма (видимо, более точный) Свидригайло, по Н.М. Карамзину, следующий: «...послали есмо Боярина нашего, на имя Михаила Арбанасса, ко Царю Магметю к Орде, а после опять перед Великою ночью послали есмо к Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, шtbody нам такожь от себя по-могл. Тот жо Михайло Арбанас приехал к нам к Смоленску того жь дни, как Кунтуров слуга Климок: приказал с тым Михайлом к нам Царь Магметь Ордыский, молвя, как еси взял братство за-одно стояти с тобою, с своим братом с Великим Князем Швитригайлом, то так держу

полно свое слово, свое dokonчанье. А послал был есмь сее зимы к тебе брату на помочь своих людей дванадцать тысяч, а с ними многих в головах Уланов Князей, и дошодшо до Киева вернулись опять: за снегом не могли далее пойти: снега были велики; а нынечи шлю к своему брату, к тебе к Великому Князю Швитригайлу, на помочь сына своего большого Мамутяка Царевича⁵⁵, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Елбердея, со многими людьми.....и на ярлыце псал на своем: будеть тых людей моих мало, а будет самого мене надобе со всеми моими людьми, готов есим к тебе...»⁵⁶.

13 декабря 1432 г. Магистр Лифляндский сообщал орденскому гроссмейстеру со слов комнатного (приближенного слуги) Свидригайло Юшки, что хан татарский прислал в помощь Свидригайло «зятя своего с 20000 войска, присоединив к тому 50 000 «волохов» и другие 50 000 под началом воеводы Кивенского (Киевского?). Силы сии должны совокупно действовать против поляков»⁵⁷. Численность войск, присланных Улуг-Мухаммедом Свидригайло явно завышена, но сообщение о присылке какого-то количества «волохов»⁵⁸ само по себе интересно. Валахия и Молдавия играли важную роль в антиосманских планах европейских монархов. Валахский господарь Мирча (1386—1418) впервые заплатил туркам харадж в 1394 г., а затем в 1415 г., но сохранил независимость. Однако, Александру Альдеа (1431—1436) в 1431 г. (т.е. за год до предполагаемой посылки войск ханом) вынужден был начать посылку заложников и ежегодные выплаты дани в Османскую империю, что означало начало валахского вассалитета⁵⁹. Свидригайло через своего посланника С. Рота предлагал римскому императору, чтобы он, Свидригайло, женился на дочери молдавского воеводы, дабы отвлечь его от союза с турками и поляками. Император согласился и выразил благодарность за намерение князя оказать ему помощь против турок⁶⁰. Естественно, участие валахов в военных операциях Улуг-Мухаммеда, если таковое имело место, не могло пройти незамеченным османами. Насколько согласованы были действия хана по отношению к вассалу Турции с самой Османской империей неясно. Письмо Улуг-Мухаммеда Мураду II от 1428 г. свидетельствует о явно дружественных связях двух государств. Из письма следует, что отношения Улуг-Мухаммеда с Валахией были достаточно напряженными: «Вот уже в течение одного — двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю⁶¹. Мы не снарядили к вам человека, полагая, что если мы его пошлем, Афлак его не пропустит ....Сообщите, как лучше удалит ту часть подвластных Афлаку неверных, которые находятся между нами»⁶². Возможно, что имела место совместная военная операция осма-

нов и Улуг-Мухаммеда против Валахии, в результате чего страна стала вассалом империи, а в 1432 г. хан мог направить Свидригайло какое-то количество валахского войска (вассалов султана, а, значит, союзников хана) в виде помощи.

6 января 1433 г. командор Людвик Ланце (посол гроссмейстера к Свидригайло) из Вейтвиска препроводил гроссмейстеру немецкий перевод письма хана Свидригайлу. По словам А. Коцебу, письмо это, «вероятно, по неведению переводчика, совершенно непонятно. Можно только догадываться из онаго, что хан Махмет намерен сам придти на помощь к Свитригайлу, или же прислать к нему многих своих военачальников и союзников. Да благоволит только Великий князь, не медля, объявить ему, какая нужна ему помощь, и Махмет готов со всем войском своим «сесть на коней». И что он Хан повелел также Князю Кивенскому (Киевскому?) Михаилу явиться к нему»⁶³. Тот же Ланце в письме гроссмейстеру от 11 февраля из Лукелина пишет, что «хан татарский прислал пятерых князей [Ulaen⁶⁴], ближайших родственников своих, с 10 000 войска [Bogen]», с которыми Свидригайло в ту же зиму собирался идти на Литву⁶⁵. 11 апреля 1434 г. Свидригайло сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл посол хана с известием, что хан двинулся со всем своим войском в Киевскую область⁶⁶. В 1436 г. (24 февраля) Свидригайло пишет Гроссмейстеру из Киева, что сам хан татарский прибыл к нему на помощь и стоит лагерем у Киева⁶⁷, но уже 29 ноября того же года в письме из Луцка (Секретный архив № СХVI) он говорит, что дела идут хорошо, что татарский хан Седахмет, его друг и союзник, победив хана Махмета, покорил оружие своему Орду и обещал ему скорую помощь⁶⁸. Разгром Улуг-Мухаммеда Сейид-Ахмедом в 1436 г. и Кючюк-Мухаммедом в 1437 г. привел к тому, что он был вынужден бежать в пределы Руси — к Белеву. Последующие события (Белевская битва, основание Казанского ханства, сражение у Спасо-Евфимьева монастыря, пленение Василия II и основание Касимовского ханства) выходят за рамки нашей темы (они подробно описаны в русской историографии, что избавляет от их пересказа)⁶⁹.

¹ Письмо было найдено А.Н. Куратом в архиве дворца-музея Топкапы и опубликовано им в 1937 г. (*Kurat A.N. Kazan Hanlığı: Kuran Uluğ Muhammet Hanın Yarlığı // Edirne ve Yöresi Eski Eserleri Sevenler Kurumu Yayınlarından. Cilt 2. İstanbul, 1937*). Эта публикация, как отмечал сам издатель, представляла собой «выполненную в течение короткого, едва ли не трехнедельного срока», работу и содержала ошибки. Поправки к этому изданию с указанием разночтений

и конъектур см.: *Halasi Kun T.* Monumentes de la langue tatare de Kazan // *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata* (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). Vol.I. Budapestini, 1942. P.144—145. Более надежные издания: *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S.6—36; *Halasi Kun T.* Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yادigarları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi VII. 4. 1949. S.609—626; *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улут-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С.53—61, приложение; поправки к тексту и переводу, а также описание внешнего вида документа см. *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С.237—239. Конъектуры к изданию А.Н. Курата см. *Малов С.Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953. С.188. Русский перевод публикации письма А.Н. Куратом 1940 г. см.: (Письмо Улут-Мухаммеда (1428) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. Казань, 1996, № 1/2. С.28—34). Практически полное повторение издания 1940 г. (правда, без воспроизведения текста и комментариев) предприняла в 1996 г. А. Мелек Озъетгин, но по сравнению с изданием А.Н. Курата эта публикация ценна гораздо менее (*Özvetgin Melek A.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslup İncelemesi. Ankara, 1996). О внешнем виде и особенностях документа см. также: *Zajaczkowski A.* Dyplomatyka Złotej Hordy i Krymu z XV w. // *Przegląd Historyczny*. Т. XXXVII. Warszawa, 1948. S.214—215.

² *Kurat A.N.* Topkapı. S.15. Я. Пеленский относил документ к числу казанских текстов. По его справедливому замечанию, поскольку это послание было написано, когда Улут-Мухаммед был все еще на троне Золотой Орды, то есть до того, как он стал первым правителем нового Казанского ханства, то могут возникнуть возражения против включения письма в число казанских документов. Однако, тот факт, что «Казанское ханство было основано «отколовшимися» (dissident) элементами из Золотой Орды, и Улут-Мухаммед стал первым ханом нового татарского государства, позволяет рассматривать этот ярлык по меньшей мере в качестве пограничного случая» (*Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague-Paris, 1974. P.14). Употребление Я. Пеленским термина «ярлык» по отношению к письму Улут-Мухаммеда представляется неверным и является результатом непоследовательности в классификации документов Золотой Орды и постордынского времени А.Н. Куратом. «Когда речь идет о ярлыках, то здесь имеются в виду приказного характера письма (namelet) золотоордынских, крымских, казанских ханов, адресованные ими правителям иноземных государств; также [ярлыками] называются жалованные грамоты (yazılar), выданные ханами своим подданным или какому-либо лицу вообще» (*Kurat A.N.* Topkapı. S.3; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979). С другой стороны А.Н. Курат совершенно правильно называл письмами или посланиями (bitikler) ханские документы, адресованные, например, турецким султанам (*Kurat A.N.* Topkapı. S.4; *Усманов М.А.* Жалованные акты.). При использовании

в дальнейшем терминов «ярлык», «послание», «письмо» и др. я полностью слеую определениям, данным М.А. Усмановым, кроме случаев цитирования других авторов.

³ Об османских *фетх-наме* см. *Lewis G.L.* The Utility of Ottoman Fethnāmes // *Historians of the Middle East*. Oxford, 1962. P.192—196.

⁴ Такое же название этой крепости (كوكرجينك حصارى) упомянуто и в османском *таквиме* (календаре-летописи), т.н. списка А (см. *Turan O.* İstanbul'un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler: 2. Baskı. Ankara, 1984. S.24), а также в одном османском документе 1487 г. См. *Hazai G.* Un document Ottoman de la fin du 15ème siècle: un rapport du commandant Süleyman à la Porte // *Archiv Orientalní*. Vol.69. #2. May 2001. P.180 (Ve bir dahi Güğercinlik karşısında Varadın adlı hisarlık vardur). Несколько иное написание (كوكرجنيك — Güğercinlik) в османском дефтере 1549/1550 гг. см.: *Ottoman Garrisons on the Middle Danube*. Based on Austrian National Library MS MXT 562 of 956/1549—1550. Transcribed into regular Arabic script and translated by A. Velkov and E. Radushev. Budapest, 1996. P.13г. О трансформации *кеф-и фарси* в живом произношении в звук в см. *Самойлович А.Н.* Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Репринтное издание 1925 г. с дополнением и исправлениями. М., 2002. С.34.

⁵ *Kurat A.N.* Topkapı. S.7; сокращенный текст этого документа см. *Feridun Bey Ahmed Münşaat-us Selatin*. Cilt I. İstanbul, 1275/1858. S. 201—202 (араб. шрифт). Там же и ответ Мураду.

⁶ *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th-18th Century). Leiden-Boston-Köln, 2000. P.106. О средневековом городе см. *Тиркович С.* Голубац у средьем веку. Пожаревац, 1968.

⁷ Сигизмунд (15. II. 1368 г. — 9. XII.1437 г.) — сын Карла IV, король венгерский (1387—1437), немецкий (1410—1437), богемский (1419—1436), германский кайзер (1433—1437). См. о нем *Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas*. Bd.IV. München, 1981. S.122.

⁸ *Hammer J. von Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd.1. Pest, 1827. S.430; *Jireček K.* Geschichte der Serben. Zweiter Band, Erste Hälfte (1371—1537). Gotha, 1918. S.163—164; *Историја Српског народа*. Кн. II. Београд, 1982. С.220—221; *Торовић В.* *Историја Срба*. Београд, 1993. С.300—301.

⁹ *The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg* (Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey). Minneapolis-Chicago, 1978. P.81a. У Хюсейна завоевание «Кёкюрджинлика» и поражение сербов и венгров под крепостью относится к 831—832 гг.х. (1427/29 гг.). См. *Хюсейн Беда'и'* ул-Века'и'. Ч.1. М., 1961. Л.169а, 171а. Этим же годом историк датирует и завоевание Джан-овасы. У Хюсейна упоминается и еще какой-то «Кёкюрджинлик», возможно, в Иране (Там же. Л.143а), хотя, скорее, это город в санджаке Худавендигяр (см., напр.: *Das osmanische «Registerbuch der Beschwerden» (Şikayet Defteri) vom Jahre 1675*. Band I. Wien, 1984. 90 b.6).

¹⁰ *Зирович О.* Охрана Дуная. К вопросу об использовании османскими властями местного населения для пограничной службы // *Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура*. М., 1990. С.159.

В XVII в. Голубац (كوكرجيلك) — рядовой судебно-административный округ (*каза*) в санджаке Семендре Будинского эялета (см. *Stojkov R. La division administrative de l'eyalet de Roumélie pendant les années soixante du XVIIe siècle selon un registre turc-ottoman de 1668—1669 // Recherches de Géographie Historique. I. Sofia, 1970 (Studia Balcanica 1). P.227.*

¹¹ *Öztuna T.Y. Türkiye Tarihi. Cilt 3. [İstanbul, 1964]. S.151—152.*

¹² Именно его имя упомянуто в заголовке *фетх-наме*. Заголовок письма называет его (письмо) *наме-и хумаюн* (т.е. августейшее послание).

¹³ *Feridun Bey. Op. cit. P.195—198; Darrag Ahmad L'Égypte sous le Règne de Barsbay. 825—841/1422—1438. Damas, 1961. P.389. Дата соответствует 21 сентября 1428 г.*

¹⁴ *Darrag. Op. cit. P.389. Салоники были взяты османскими войсками 13 марта 1430 г. (см. Öztuna T.Y. Op. cit. S.152).*

¹⁵ *Darrag. Op. cit. P.46—47, 149.*

¹⁶ В принципе, случаи написания на оборотной стороне документа еще одного текста встречаются в дипломатической практике. Так, например, письмо азовского дыздара в Москву в 1521 г. было написано на обороте грамоты кафинского санджак-бея Мухаммеда (РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.146). Однако, здесь оба текста — подлинники. В нашем случае, на оборот подлинника нанесли копию другого текста.

¹⁷ *Kurat A.N. Торкарı. S.8—9, 161—165; Султанов Т.И. Письмо. С.54, текст в приложении.*

¹⁸ *Усманов М.А. К истории Джучидо-Османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С.128.*

¹⁹ Там же. С.132, прим.

²⁰ *Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций ...Из опыта образования и распада империй X — XVI вв. М., 1996. С.418.*

²¹ [*Taghri Birdi*] History of Egypt 1382—1469. Part I. 1382—1399 A.D. Translated from the Arabic Annals of Abu l-Mahasin ibn Taghri Birdi by William Popper. Berkley-Los Angeles, 1954 (University of California Publications in Semitic Philology, Vol. 13). P.148; *Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966. С.95—96. Посольство Тохтамыша, согласно сочинениям Ибн ал-Фората, ал-Макризи и Ибн Шохба ал-Асади, прибыло в Дамаск 26 марта 1394 г. (23 джумада I 796 г.х., в четверг) или, по аль-Аскалани и ал-Айни, 20 джумада I того же года (т.е. 23 марта). См. *Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С.356 (363), 428 (442), 445 (448), 450 (453), 531; Следовательно, переговоры состоялись там до 28 августа, когда султан переехал в Алеппо.**

²² Этому событию был посвящен специальный доклад Эзхера Мухаммеда на 13 конгрессе Турецкого исторического общества. Правда, исследователь называл этот союз «тройственным», т.к. не учитывал правителя Сиваса. См.

*Muhammedi E. Altın Ordu, Osmanlı İmparatorluğu ve Mısır Arasındaki Üçlü İttifak // XIII. Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri. Ankara, 1999. S.136. Между прочим, в диване Кали Бурханеддина (1345—1398 гг.) сохранились такие строки: İki âlemde Hak'a sığınmışız // Tohtamış ne ola ya ahsah Temur. (См.: *Yücel Y. XVII. Yüzyıl Edebi Metinlere Göre Osmanlı Devlet Yapısı ve Toplum Düzenine Ait Göbrüş ve Bilgiler. A., 1986. S.5).* Т.е. «в двух мирах (т.е. на том и на этом свете), уповаем на Истину (т.е. Бога), что (нам) Тохтамыш или Аксак Тимур». Эти строки поэта в свое время вызвали интерес А.Е. Крымского (см. *Галенко А.И. Амир Темур в украинской историографии // Сходознавство. № 5. Київ, 1998. С.73).**

²³ Такова реконструкция событий, предложенная на основании сведений Халкокондила, Бадр ал-Дина Айни и хроник Шами и Йезди. См.: *Decei A. Etablissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Toğan'a Armağan. Symbolae in Honorem Z.V. Togan. Istanbul, 1950—1955. P. 77—92. См. также Ахмедова А.О., Муртузалиев С.И. Миграции тюркских племен и демографические процессы в Болгарских землях (середина XIII — начало XVII века) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С.155; *Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. Berlin, 1968. S.13—14.**

²⁴ *Halasi Kun T. Monumentes. P.143.*

²⁵ *Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С.73.*

²⁶ *Kurat A.N. Торкарı. S.8—9, 161—166; Султанов Т.И. Письмо. С.54; Он же. Письмо. С.239. Эфляк/Афлак — Валахия.*

²⁷ Особенно активно Византия пытается найти противовес туркам в лице Тимура.

²⁸ *Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajazid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua and zum Reiche von Kiptschak (1391—1400). Leipzig-Berlin, 1923.*

²⁹ *Stromer von Reichenbach W.F. König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel. Zum 70 Geburtstag. Zweiter Band. Göttingen, 1972. S.591.*

³⁰ *Agoston G. Karamania, the Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-Existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XLVIII. fasc.3. Budapest, 1995. P.273.*

³¹ *Katona S. Historia critica regum Hungariae. Tomulus V, Ordine XII. Buda, 1790. P.503—507; Tardy L. Beyond the Ottoman Empire. 14th-16th century Hungarian Diplomacy in the East. (Studia Uralo-Altaica Vol.13). Szeged, 1978. P.10—13.*

³² *Tardy L. Op. cit. P.18—19.*

³³ Как считал Н. Йорпа (*Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd.2 (bis 1538). Gotha, 1909. S.406.*), а за ним и Л. Тарди.

³⁴ *Agoston G. Op. cit. P.273—274.*

³⁵ *Stromer von Reichenbach Op. cit. S.596.*

³⁶ Подробнее о договоре см. *Prlender I. Sporazum u Tati 1426. godine i Zigmundovi obrambeni sustavi // Historijski zbornik. Godina 44 (1). 1991. Zagreb, 1992.*

³⁷ Турецкий историк И.Х. Узунчаршылы природу этих 12 тысяч дукатов объяснял схожим образом (как долг наместника города, или что-то вроде откупной суммы). Сигизмунд даже как будто бы заплатил эти деньги, но крепость досталась османам (см. *Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. 5 Baskı. Ankara, 1988. S.407*, ср. досадную опечатку — 831 г.х. — 1425 г. !! там же).

³⁸ *Jireček* Op. cit. S.163—164; *Радонић Ј.* Западна Европа и Балкански народи према турцима у првој половини XV века. Нови Сад, 1905. С.54—55; *Историја Српског.* С.220—221; *Ђоровић В.* *Историја.* С.300—301; *Динић М.* Српске земље у средњем веку: историјско-географске студије. Београд, 1978. С.338, 106, 108; *Спремић М.* Деспот Тураћ Бранковић и његово доба. Београд, 1994. С.71, 90—92, 96, 99, 101.

³⁹ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С.502; *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502). Leipzig, 1943. S.158.

⁴⁰ *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. С.36, 46.

⁴¹ *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410—1430). СПб., 1891. С.189—190.

⁴² *Таубе М.А.* Международный конгресс на Волыни в XV столетии // *Русский Вестник.* Т.255. 1898, май. С.139.

⁴³ *Чешихин Е.В.* История Ливонии с древнейших времен. Т. III. Рига, 1887. С.60.

⁴⁴ *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. М., 1916. С.43, 177.

⁴⁵ *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С.486.

⁴⁶ В донесении прусских командиров со съезда в Луцке (15 января 1429) сказано, что на съезде у Витовта искал покровительства бургомистр города Kassaп. А. Барбашев считал, что речь идет не о Казани, а о кашинском князе (*Барбашев А.* Указ. соч. С.201, прим. 23).

⁴⁷ *Таубе М.А.* Указ. соч. С.145.

⁴⁸ *Барбашев А.* Указ. соч. С.233.

⁴⁹ *Таубе М.А.* Указ. соч. С.151.

⁵⁰ О бумагах Кенигсбергского архива, которыми пользовался Н.М. Карамзин, см. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.VI. М., 1998. С.357—358.

⁵¹ *Коцебу А.* Свитригайло, Великий князь Литовский. СПб., 1835. С.168—169.

⁵² *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С.357.

⁵³ От араб. شرط. Как показал В.В. Трепавлов, шерть в XV—XVIII вв. не являлась межгосударственным соглашением, а была персональным договором между правителями (см. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда и Московское царство: подданство или протекторат? // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997. С.153). С восшествием на престол но-

вого монарха ее нужно было продлевать. Нарушение условий шерти могло рассматриваться как личная измена одной стороны.

⁵⁴ *Коцебу А.* Указ. соч. С.94, Секретный архив № XXI. Мценский воевода Г. Протасьев был обманом схвачен зятем Улут-Мухаммеда Айдаром под Мценском в октябре 1430 г. (*Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С.43, 44, 227).

⁵⁵ Махмудек, преемник Улут-Мухаммеда в Казани.

⁵⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.V. М., 1993. С.334.

⁵⁷ *Коцебу А.* Указ. соч. С.153; Секретный архив №LXXI.

⁵⁸ Об этимологии и соотношении форм *валах-влах-волох* см. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и Средние века. М., 1979. С.61—85. См. также: *Королюк В.Д.* Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Там же. С.5—17.

⁵⁹ *Hitchins K.* Ottoman Domination of Moldavia and Wallachia in the Sixteenth Century // *Asian Studies.* Vol. I. N-Y., 1967. P.124. См также: *Matei I.* Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains (concernant particulièrement la Valachie) // *Revue des Études Sud-Est Européennes.* Tome X. 1972. № 1. P.65—81 (tirage à part); *Matei I.* Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains. II // *Revue des Études Sud-Est Européennes.* Tome XI. 1973. № 1. P.81—95 (tirage à part).

⁶⁰ *Коцебу А.* Указ. соч. С.203.

⁶¹ Днепр.

⁶² *Kurat A.N.* Торкарл. S.8—9; *Султанов Т.И.* Письмо. С.54—55; *Он же.* Письма. С.239.

⁶³ *Коцебу А.* Указ. соч. С.168—169; Секретный архив № LXXVII.

⁶⁴ Т.е. уланов.

⁶⁵ *Коцебу А.* Указ. соч. С.169; Секретный архив № LXXVIII.

⁶⁶ Там же. С.192.

⁶⁷ Там же. С.220.

⁶⁸ Там же. С.223—224.

⁶⁹ *Зимин А.А.* Указ. соч. С.1991:81—83, 101—108. Взаимоотношениям Орды с государствами Восточной Европы в это время посвящена также статья: *Флорья Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430—1460) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ
БОЛЬШАЯ ОРДА, КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 50—70-х гг. XV в.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Охарактеризуем кратко источники, могущие помочь в работе над темой.

— **письмо ордынского хана Махмуда османскому султану Мехмеду II**, датируемое 10 апреля 1466 г. Документ найден Тибором Халаши Куном (Т. Halasi Kun) в архиве дворца музея Топкапы в 1938 г.¹ Шифр оригинала Е.102022. Письмо написано на не очень хорошей бумаге³, она склеена из четырех частей и прекрасно сохранилась, размеры листа — 143 х 26, 9 см (Halasi Kun 1942:146) или 141 х 27 см (Султанов 1978:239). В письме 21 строка. Почерк, по наблюдению Т. Халаши Куна, идентичен почерку письма Улуг-Мухаммеда. Все слова написаны черными чернилами. Три строки (7—9), следующие после упоминания имени адресата, смещены влево и составляют в длину 12 см, тогда как остальные строки — по 20 см. Все строки, кроме первых шести, доведены до конца листа, а справа оставлены поля. Первые пять строк написаны близко друг к другу; между шестой и седьмой строками оставлено чистое место. Расстояние между последующими строками равное (Султанов 1978:239).

В трех местах — на правой стороне документа, в начале девятой, а затем 15—16-й строк и слева в конце текста (Т. Халаши Кун отмечает наличие печатей в конце 7-й строки, между строками 13 и 14 и в самом начале 19-й строки (Halasi Kun 1942:146), приложена четырехугольная печать размером 6 х 6 см, составленная из двух квадратов, с текстом на арабском языке почерком *куфи*. Во внутреннем квадрате: «Султан Махмуд хан ибн Мухаммад хан ибн Тимур хан, да сделает Аллаха вечным его царство и да не погубит его благо». Во внешнем квадрате: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Да будет благоприятным исход!» Надпись на печати документа нанесена черными чернилами (в отличие от письма Улуг-Мухаммеда), которые со временем приобрели зеленоватый оттенок (Султанов 1978:239—240).

Текст письма хана Махмуда написан арабской графикой «на литературном тюркском языке, употреблявшемся в канцелярии золотоордынского государства», однако по сравнению с письмом Улуг-Мухам-

меда «число арабизмов и фарсизмов здесь довольно значительно» (Султанов 1978:240).

Т. Халаши Кун, обнаруживший письмо, ошибочно считал Махмуда сыном Улуг-Мухаммеда, т.е. идентифицировал его с Махмутеком русских источников (Halasi Kun 1942:145—147), тогда как Махмуд был в действительности сыном Кичи-Мухаммеда (Ключок-Мухаммеда).

Документ датирован 10 апреля 1466 г. («Год курицы, по летоисчислению [хиджры] восемьсот семидесятого года, благословенного месяца берата, пятого [дня] по-старому (т.е. 10 апреля 1466 г.), когда Великая Орда была на берегу Азуглы Узен, во Вторник написано»). М.Г. Сафаргалиев ошибочно датировал письмо 10 марта 1466 г.⁴

Издания: впервые письмо Махмуда было введено в научный оборот А.Н. Куратом, опубликовавшим в 1940 г. фотокопию, транскрипцию, тест и перевод письма на современный турецкий язык с комментариями⁵. Вскоре после этого текст письма Махмуда был опубликован (с описанием внешнего вида документа и переводом на французский и турецкий языки) Т. Халаши Куном (Halasi Kun 1942:145—151)⁶. Русский перевод письма, выполненный академиком А.Н. Кононовым, издан Т.И. Султановым и снабжен вступлением и комментариями (Султанов 1978:239—242). С.Е. Малов отметил некоторые особенности орфографии ярлыка Махмуда⁷. Перевод письма Махмуда на русский с турецкого текста с комментариями А.Н. Курата по его монографии 1940 г. осуществлен в 1996 г. журналом Гасырлар Авазы/Эхо Веков⁸. Новое турецкое издание письма в книге А. Мелек Озьетгин⁹ целиком зависит от публикации А.Н. Курата.

— **письмо хана Большой Орды Ахмеда Мехмеду II Фатиху**. Документ был открыт в 1938 г. в хранилище Топкапы (Nazine/5513), однако до настоящего времени никак не использовался для реконструкции истории осmano-ордынских отношений во второй половине XV в., и был почти не известен специалистам. Строгая научная публикация текста письма отсутствует, что затрудняет его использование. Автор единственного известного мне печатного описания документа Т. Халаши Кун не имел возможности подробно ознакомиться с ним, поэтому его передача текста, видимо, будет уточняться, при условии, что документ будет найден вновь. Письмо Ахмеда хранилось в Топкапы, будучи, по старой османской традиции, подвешенным на стене. Ученый, основываясь на сходстве почерка этого письма с посланием Ахмеда Мехмеду от 1477 г., опубликованным Февзи Куртоглу, предполагал, что документ написан той же рукой. Размер документа 50 х 20 см. Как и письмо Улуг-Мухаммеда, послание Ахмеда имело предохранитель-

ный кожаный чехол из черного сафьяна. Бумага достаточно качественная, гладкая, без повреждений, состоит всего лишь из одного куска. Текст содержит двенадцать строк, расстояние между строками — 2 см. Чернила черные; отдельные слова написаны золотом. Почерк — разновидность *талика*. В самом начале строк 10 и 11 имеется квадратная печать (7, 5 x 5, 5 см), надпись которой (две кувических строки на арабском) нанесена синими чернилами. Во внутреннем квадрате: «Султан Ахмед хан бин Мухаммад хан бин Тимур хан». Во внешнем — «Во имя Аллаха милостивого, милосердного; нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммад его пророк». По краю текста письма золотыми чернилами выведена надпись: Tahiyet Ahmad bin Muhammad bin Timur han. Т. Халаши Кун называет ее нишаном (хотя, строго говоря, это не нишан, а род удостоверительной надписи). В письме Ахмеда, написанном в конце мая — начале апреля 1477 г. (Шифр в Топкапы Е. 6464) с правой стороны напротив строк 17 и 18 имеется почти такая же удостоверительная формула, также написанная золотом: Tahiyet-ul-muhabbet Ahmad ibn-i Muhammad ibn-i T(i)mur han, т.е. «Дружеский привет Ахмеда сына Мухаммеда сына Тимура хана», или «С дружеским приветом...» (Kurat 1940: 50, 172; Halasi Kun 1949: 637).

Под этой надписью той же рукой черными чернилами проставлена дата. Т. Халаши Кун считал, что письмо написано в 870 г.х. (т.е. 1465/1466)¹⁰. Однако в тексте явственно читается «год 881», т.е. 1476/77 г. (Halasi Kun 1942:152; 1949:633). Не ясно, к сожалению, какая из дат является верной: или в опубликованный текст письма вкралась опечатка, или ученый ошибался в датировке (что, учитывая блестящую квалификацию Т. Халаши Куна, довольно трудно допустить)¹¹. Можно лишь предположить, что вторая дата вероятнее (имея в виду подмеченное публикатором сходство почерка этого послания с почерком письма Ахмеда от мая — июня 1477 г.). Мною в дальнейшем все-таки принимается именно эта дата (1476/1477). В послании Ахмеда констатируется существование длительных османско-ордынских связей в прошлом: «исстари с вашими, брата султана Мехмеда, отцами и дедами и нашими отцами и дедами длилась дружба, до этого года посол не переставал, их тяжелые приветы и легкие поминки много раз, отправляясь, прибывали. Согласно тому обычаю в этом году к нам пришел Сайид Мухаммед — да будет с ним благословение Господа. Мы также нашему брату султану Мехмеду послали нашего посла с тяжелым приветом и легким поминком, и при этом Вам я сам лично моего мольщика, по имени Исхак, моего мольщика, с тяжелым приветом и легким поминком послал».

Издания: Halasi Kun 1942:151—154; Halasi Kun 1949:633—637.

— **письмо Мехмеда II хану Большой Орды Ахмеду.** Письмо находилось в коллекции султанских грамот, собранных государственным секретарем (nişancı) Ахмедом Феридун-беем, принадлежавшем Й. фон Хаммеру, и было впервые опубликовано в Стамбуле в 1858 г.¹² (см. также о собрании Феридун-бея¹³). Письмо написано на персидском языке не ранее июля 1475 г. (в нем говорится о завоевании Кафы — «мемлекет-и Кефе» и походе на Молдавию) и не позднее мая 1477 г., когда было написано письмо Ахмеда Мехмеду Фатиху (см. ниже). Как полагает А.Н. Курат, этот документ мог быть написан по личной просьбе Менгли-Гирея для того, чтобы предупредить возможные враждебные действия Ахмеда против Менгли, который незадолго до этого принял покровительство султана (Kurat 1940:57). Это предположение строится на основе анализа содержания письма Мехмеда II, написанного, видимо, специально для того, чтобы оповестить Ахмеда об изменениях, произошедших в расстановке сил в Причерноморье (взятии Кафы, подавлении мятежа молдавского господаря и принятии Менгли-Гиреем турецкого протектората). По словам В.Д. Смирнова «вступительные слова обращения в грамоте содержат указание на какую-то старинную наследственную любовь и дружбу, существовавшую между «обеими сторонами»... т.е. между державой Османской и страной, над которой властвовал Ахмед хан» (Смирнов 1887:270). В письме содержится упоминание некоего Девлетьяра Мубаразетдина Девлет-хана. По мнению Х. Иналджыка Мубаразетдин Девлет-хан — это прозвище Нурдевлета¹⁴, однако, из контекста следует, что упомянутое в письме лицо — посол Мехмеда II Ахмеду, что было отмечено А.П. Григорьевым (*Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // ИИИСАА. Вып. 10. Л., 1987. С.72. Далее при цитировании: Григорьев 1987).

Издания: *Feridun Bey Ahmed Münşaat-us Selatin.* Cilt I. Istanbul, 1275/1858 (араб. шрифт). S.289; Kurat 1940. См. также Султанов 1978:244; Григорьев 1987:72.

— **письмо хана Ахмеда султану Мехмеду II,** датированное 25 мая — 3 июня 1477 г. Вероятно, ответ Ахмеда на письмо Мехмеда (июль 1475 — апрель 1477 г.; см. выше). Документ хранится в архиве Топкапы в Стамбуле под шифром Е. 6464. Письмо написано на листе бумаги размером 69 x 21 см. К верхней части документа (подобно письму Улуг-Мухаммеда) приклеен кусок сафьяна темно-вишневого цвета размером 14 x 21 см.; свернутый в трубочку лист закатывается в сафьян, который служит футляром. Всего в письме 24 строки; длина каждой — 16 см. Первая строка, имена адресата и адресанта вписаны золотом. Десятая и одиннадцатая строки, следующие после имени адресата, титу-

лов и богословия, смещены влево. Строки не доведены до краев листа: справа и слева оставлены поля. Между 1-й и 2-й, а также 2-й и 3-й строками оставлено чистое место шириной в несколько строк. Расстояние между остальными строками равно. На правом поле, напротив 17—18-й строк, золотыми буквами вписано: «с дружеским приветом Ахмед ибн Мухаммад ибн Тимур хан» (Kurat 1940: 50, 172). В публикациях отмечено отсутствие печати или какие-либо особых знаков (Султанов 1978:242).

Письмо написано арабской графикой почерком *дивани* без строгого соблюдения диакритических знаков. Текст составлен на литературном тюркском языке, употреблявшемся в канцелярии золотоордынского государства, хотя процент арабизмов и фарсизмов в нем очень высок, текст 3—10 строк составлен на арабском и персидском языке (Султанов 1978:242).

Издания: письмо Ахмеда с приложением фотокопии текста было впервые опубликовано Февзи Куртоглу в 1938 г.¹⁵ Текст и фотокопия письма вошли также в число архивных документов по истории взаимоотношений Турции с Золотой Ордой и постордынскими государствами, опубликованных Акдесом Ниметом Куратом (Kurat 1940: 46—60). Русский перевод письма, выполненный академиком А.Н. Кононовым, опубликован с введением и комментариями Т.И. Султановым (Султанов 1978: 242—245). Русский перевод публикации письма, предпринятой А.Н. Куратом в 1940 г., напечатан в журнале Гасырлар Авазы/Эхо Веков в 1997 г.¹⁶ Новое турецкое издание письма в книге А. Мелек Озьетгин (Melek Özyetgin 1996) целиком зависит от публикации А.Н. Курата.

Все три письма (два послания Ахмеда Мехмеду II 881 г.х. (1476/77), 882 г.х. (в половине сафара, т.е. от мая—июня 1477 г.) и недатированный в оригинале текст Мехмеда — между июлем 1475 и апрелем 1477 г.; (впрочем, как и послание Махмуда Мехмеду от 10 апреля 1466 г.) — видимо, осколок более обширного комплекса документов, посвященных отношениям Османской империи с ханами Большой Орды. Вероятно, три сохранившихся документа переписки Ахмеда с Мехмедом не составляют строгой последовательности: письмо Ахмеда от мая—июня 1477 г., в котором упомянут посол Карадж Бахадур, привезший Ахмеду сведения о городах, завоеванных Мехмедом, быть может, является ответом на послание Мехмеда, в котором сказано об этих военных успехах турецкого султана. Но послание Ахмеда от 881 г.х. видимо, вообще, — первое в переписке хана с султаном и непосредственно не предшествовало посланию Мехмеда. Об этом свидетельствует то, что в нем

упомянут османский посол в Орду Сайид Мухаммед, привезший послание султана, ответом на которое явилось письмо Ахмеда от 881 г.х., и ордынский посол в Османскую империю, который должен был доставить это письмо султану. Исходя из этих данных, можно частично реконструировать последовательность осmano-ордынских посольств во второй половине 70-х гг. XV в. В 881 г.х. Мехмед посылает Ахмеду посла Сайид Мухаммеда. В ответ на это в том же 881 г.х. Ахмед посылает в Стамбул своего «слугу, прозванного Исаком» с письмом (текст которого сохранился в Топкапы под № 5513). В письме содержалась просьба отпустить Исака назад, что, вероятно, и было сделано. По мнению А.П. Григорьева, в самом начале 1477 г. Ахмед отправляет Мехмеду своего посла Карадж Бахадур, который был благосклонно принят султаном и незамедлительно возвращен обратно с турецким послом Девлетьяром Мубаразетдином Девлет-ханом (Григорьев 1987:72—73). Послы везли Ахмеду ответ (сохранившееся послание Мехмеда на персидском). После переговоров в орде турецкий посол был отпущен в сопровождении ордынского дипломата Азиза Ходжи. Текст ответного письма Ахмеда сохранился (Топкапы Е.6464).

Имеющихся материалов явно не достаточно для того, чтобы заполнить имеющиеся лакуны в истории осmano-ордынских связей в указанный период. Остается надеяться на возможность появления новых источников, вновь открытых документов по данной теме.

Несмотря на хорошую сохранность документов, изданных А.Н. Куратом, их чтение, предложенное им же, по мнению М.Г. Сафаргалиева, «нельзя считать удовлетворительным, не говоря уже о комментариях, составленных крайне небрежно» (Сафаргалиев 1996: 287).

ПИСЬМА КРЫМСКОГО ХАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ

— послание султану Мехмеду II Фатиху (Топкапы Е. 11.776/1) от 25 октября 1469 г., 21 строка. Письмо без подписи, написано Менгли-Гиреем предположительно. Язык документа тюркский («кипчакский»). В конце 20 и 21 строк проставлена квадратная печать (куфическая надпись плохой сохранности почти не читается). *Издания:* Kurat 1940:81—86, 185—187; Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı. Paris, 1978. P. 42—43 (текст), 41, 44 (перевод), 44 (комментарий). Далее при цитировании: Le Khanat...1978: номер страницы.

— письмо хана Менгли-Гирея некоему знатному османскому сановнику, имя которого не упоминается (5—15 июля 1475 г.), написан-

ное через 5 — 6 недель после взятия Кафы (Топкапы Е.11.776/2). По мнению А.Н. Курата, письмо было адресовано великому визирю (1474—1477 гг.) Гедик Ахмед-паше — завоевателю Кафы (Kurat 1940: 87). Издатели документов по истории Крымского ханства из архива Топкапы не разделяли этой точки зрения и считали более правдоподобным видеть в адресате третье лицо, возможно, тестя Ахмед Гедик-паши — Исхак-пашу, бывшего великим визирем в 1470—1472 гг. (Le Khanat...1978: 57). Документ содержит 19 строк, первая строка не читается, в конце 18 и последней строк — квадратная печать. *Издания:* Kurat 1940: 87—90, 188; Le Khanat...1978: 56 (текст), 57 (перевод), 57—58 (комментарий).

— письмо Менгли-Гирея Мехмеду II или Баязиду II (Топкапы, № 14/12001 по А.Н. Курату или Е.6691/4 по французскому изданию 1978 г.). Неуверенность в определении адресата письма происходит оттого, что послание хана не датировано. Содержит двадцать строк, написанных на староосманском с элементами «татаризмов». В конце последних трех — оттиск квадратной печати с куфической надписью зеленовато-голубыми чернилами. По внешней стороне: Bismillah-ir-Rahman-ir-Rahim / La ilahe illallah Muhammed-ur- / Resulullah Allahu innallaha la [...] Во внутренней стороне квадрата: Менгли-Гирей хан бин / Хаджи-Гирей хан. В центре печати — тамга Гиреев в виде трехзубчатой гребенки (*тарак тамга*)¹⁷.

По мнению А.Н. Курата, это письмо могло быть написано в промежуток между взятием османами Кафы (июнь 1475 г.) и июлем 1476 г. (кампанией против Кара Богдана) (Kurat 1940: 96). Согласно румынскому исследователю М. Мехмеду документ написан в первой половине (prima jumătate) 1476 г.¹⁸ Как предполагают французские издатели текста, он мог быть составлен между июнем 1465 и июлем 1476, или скорее в 1483—1484 гг., или даже в более позднее время — между 1484 — 1490 гг. (Le Khanat...1978:80). В 1987 г. А.П. Григорьев убедительно датировал письмо 1486 г. (июнь—июль)¹⁹.

Издания: Kurtoglu Fevzi İlk Kırım hanlarının mektupları // Belleten Mecmuası. Cilt I. (Ankara, 1937). Sayı 3/4. S. 645—647. Levha X; Kurat 1940: 91—100, 189; письмо Менгли упомянуто в публикации К.В. Базилевича с не совсем точным переводом части текста Магомедом С. Саидовым²¹; Le Khanat...1978: 82 (текст), 80—81 (перевод), 81, 83 (комментарий); Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ № 419, Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987. С.128—129 (перевод), 130—140 (датировка, комментарий)²⁰.

— послание Менгли-Гирея шахзаде Сулейману (будущему султану Сулейману Кануни) (Е. 4085). Письмо не датировано (по предположению издателей составлено в 1504 — 1505 гг. или в 1512—1513 гг.). В 910 г.х. (т.е. в 1504—1505 гг.) году умер Мехмед, сын Баязида II и наместник Кафы. На его место был назначен Сулейман (бывший до этого губернатором Болу). В письме 16 строк: строки 2—8 на персидском языке, строки 8—16 на тюркском. С краю, возле начала строк 3 и 4, между ними — неразборчивый оттиск круглой печати (?) *Издания:* Le Khanat...1978: 84(текст), 83, 85 (пересказ и комментарии)²².

— письмо Менгли-Гирея великому визирю. Послание (14 строк на староосманском; Топкапы Е. 4414) не датировано, но вероятно относится к периоду 1479—1515 гг. (после окончательного утверждения Менгли-Гирея на троне). Внизу документа квадратная печать хана *Издания:* Le Khanat...1978: 86 (текст), 85(комментарий, пересказ содержания); Kurat 1940:87 (упоминание).

— послание Менгли-Гирея дивану (Топкапы Е.6398). Не датировано (после окончательного утверждения Менгли-Гирея на престоле и безусловно до 1512 г.). Содержит 19 строк на староосманском. У начала строк 12 и 13 на полях документа проставлена круглая печать Менгли-Гирея. *Издания:* Le Khanat...1978:87 (текст), 88 (комментарий и пересказ содержания).

— послание Менгли-Гирея падишаху (Е.6691/2). Документ не датирован (вероятно, несколько раньше документа Е.7159, см. ниже, т.е. относится к зиме 1510—1511 гг.). Письмо содержит 19 строк на «кипчакизированном» староосманском. Чтение документа затруднено (центральная часть повреждена). *Издания:* Le Khanat... 1978: 88 (пересказ содержания), 89 (комментарий)²³.

— недатированное (возможно, конец 1510 — начало 1511 гг.) послание Менгли-Гирея великому визирю Хадым Али-паше (во время его правления в 1506 — 1511 гг., первый раз занимал он эту должность в 1501—1503 гг.). Содержит 23 строки на староосманском. На поле документа напротив строки 6 — круглая печать Менгли-Гирея. *Издания:* Le Khanat...1978: 90 (текст), 89, 91, 93 (перевод и комментарий).

— недатированное письмо Менгли-Гирея (возможно, написанное в конце января — начале февраля 1512 г.) Баязиду II. Содержит 16 строк на староосманском (Топкапы Е. 6691/3). С краю документа печать Менгли-Гирея. *Издания:* Kurtoglu 1937: 652 (факсимиле и перевод на современный турецкий); Le Khanat... 1978: 92 (текст), 93—95 (перевод, комментарий).

— неподписанное письмо (Топкапы Е. 1308(1301)/1) сыну Менгли-Гирея (возможно, калге Мухаммед-Гирею) от падишаха (видимо, Селима I). Письмо не подписано, и его атрибуция представляет трудности²⁴.

Еще три послания Менгли-Гирея Мехмеду II относятся ко времени пребывания Менгли-Гирея в Турции. Письма носят личный характер и мало интересны с точки зрения политической истории. Одно послание (8 строк) на «кипчакизированном» староосманском датировано 4—13 мая 1478 г.²⁵ (Топкапы Е.6691/9), второе не имеет даты (но, скорее всего, оно могло быть составлено не позднее конца того же года). *Издания:* Le Khanat...1978: 69, 78 (тексты), 67, 77 (переводы).

ПИСЬМА КРЫМСКОГО БЕГЛЕРБЕКА И ГЛАВЫ РОДА ШИРИН ЭМИНЕКА СУЛТАНУ МЕХМЕДУ ФАТИХУ

— первое послание (6—15 мая 1476 г., Топкапы Е.3179). Документ написан на арабском языке (42 строки) и является ответом на письмо султана с предложением присоединиться в качестве вспомогательной силы к османской армии, готовой к походу на Молдавию. Фразы, упоминающие падишаха, выписаны золотом. *Издания:* Le Khanat...1978: 60—61(текст), 59, 62—63 (перевод, комментарий)²⁶.

— второе послание (10—20 октября 1476 г.). Ответ на новое послание султана с призывом к священной войне. Шифр хранения в Топкапы №14/7366 (по публикации А.Н. Курата) или Е.6495 (по изданию Le Khanat...1978). Письмо состоит из 32 (34) строки, хорошо поддающиеся прочтению. Инвокация на арабском. Язык основной части письма тюркский. Документ длиной 43 см., шириной 18 см. Сверху листа приклеен лоскут сафьяна кофейного цвета, в который обертывается письмо. Сафьян служит, таким образом, как бы чехлом для документа. *Издания:* Kurtoğlu 1937: 644—645 (пер. на совр. турецкий), levha IX; Kurat 1940: 101—106 (текст, перевод), 190 (фотокопия); Le Khanat...1978: 66 (текст), 64—65 (перевод)²⁷.

— третье письмо (8—17 октября 1478 г.; Топкапы № Е.6691/1) — ответ Эминика на послание Мехмеда II, в котором султан обвинял беглербека в антитурецких настроениях и участии в заговоре против султана. Письмо содержит 54 (63 с дополнительными) строки. В конце документа справа снизу вверх — помета. Напротив строки 47 сверху вниз — надпись: Менгли-Гирей. *Издания:* Kurat 1940: 107—115 (текст, перевод, примечания), 191—194 (фотокопия); Le Khanat...1978: 72—73 (текст), 70, 71, 74 (перевод).

— письмо хана Нурдевлета султану Мехмеду II Фатиху от 15—24 мая 1477 г. (Топкапы № Е.6691/8)²⁸. Послание содержит 11 строк на сильно «кипчакизированном», по выражению издателей, староосманском. Начало двух первых строк читается плохо (документ испорчен). Внизу послания — подпись Нурдевлета. *Издания:* Kurtoğlu 1937: 647—648 (факсимиле и перевод на современный турецкий); Le Khanat...1978: 67 (комментарий и пересказ содержания на французском), 68 (текст).

— письмо крымского хана Мухаммед-Гирея Сулейману Кануни, составленное в марте или апреле 1521 года²⁹. Письмо хранится в архиве дворца-музея Топкапы под номером Е.1301. В послании 34 строки.

Издания: воспроизведение текста, перевод на французский язык и введение — Lemerçier-Quellejeau 1971: 480—490. Поправки к чтению: Исин А. Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской ордой в XVI в. (АКД). Алма-Ата, 1988. С.18.

***

К источникам данной группы можно было бы отнести и турецко-ногайскую переписку накануне взятия Казани русскими, выдержки из которой приводятся в 41 главе «Казанской истории»: «О бывшей вести у Турскаго царя о Казани, и о царицы, и о послании его к мурзам нагайским»³⁰. Однако, такой вывод был бы основан на некритическом подходе к источнику. В «Истории» содержится письмо султана ногайским мурзам и ответ последних султану. Султан призывает ногаев к оказанию помощи Казани и войне за веру с Москвой. Абсолютно «промосковский» ответ мурз султану с отказом помогать Казани наполнен славословиями в адрес русских, московского государя («точен бо есть он тебе во всем: и богатством, и силою») и христианства. Г.З. Кунцевич, один из исследователей этого источника писал: «Можно видеть, что в главе 41-ой есть несомненная доля исторической правды; в ней передается то, что было известно в свое время о сношениях мусульманских повелителей с главою правоверных, султаном турецким. Разумеется, автор передаёт лишь общий смысл совершавшегося....Откуда почерпнуты эти сведения, от татар или русских, из устных ли источников или письменных? Склоняюсь к мнению, что от татар и притом преимущественно из устных источников. Для Казани вопросом жизни были сношения о помощи. Конечно, и в Москве внимательно следили за сношениями между татарами и султаном, но знали больше об этом деле государеве, кому следовало. Устных сведений из непосредственного

сношения с татарами в Москве было, без сомнения, несравненно менее, чем в татарской Казани»³¹. «Переписка» султана с Ногайской Ордой, вошедшая в состав «Казанской Истории» скорее всего принадлежит к тому же жанру псевдоисторической литературы, созданной в кругах, близких к Посольскому приказу, что и «ярлык» Ахмеда Ивана III, легендарная переписка Ивана Грозного с султаном, цикл посланий султана европейским монархам, «Повесть о двух посольствах» и др., относящиеся к XVII в. В этом убеждает анализ формальной структуры писем, ничего общего не имеющих ни с памятниками османской, ни собственно джучидской канцелярской традиций, а представляющих собой русскую литературную версию переписки, причем ее источником служили не устные татарские предания, а синхронные документы Посольского приказа (при этом не обязательно османско-ногайской переписки, несомненно, имевшей место в действительности). Сама «Казанская история» некоторыми исследователями³² датируется, в противоположность традиционной точке зрения, не второй половиной XVI в, а более поздним периодом — не ранее середины XVII в.³³, что согласуется с моей точкой зрения на «переписку» султана с ногаями, вошедшую в состав этого памятника. Таким образом, послание султана и ответ на него, — памятник, рисующий представления официальных (или полуофициальных) русских политических кругов середины XVII в. на события вековой давности, т.е. может служить источником для изучения восприятия русским обществом более позднего времени событий середины XVI в. Более того, «Казанская история», испытавшая сильное влияние «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» (фактически, построенная по ее образцу) обнаруживает и в этом фрагменте связь с «Повестью»: ногаи «Казанской истории» соответствуют фрягам «Повести», к которым цезарь посылает за помощью. И ногаи, и фряги считают гибель тех, кто взывает к ним, неизбежной и отказывают в помощи.³⁴ Таким образом, включение ногайской переписки в «Казанскую историю» и сама ее тональность может быть объяснено построением данного памятника по образцу «Повести».

В этой же связи следует остановиться на так называемом «ярлыке Ахмед-хана Ивану III», хотя он и не имеет прямого отношения к нашей теме. Ярлык сохранился как минимум в четырех списках XVI—XVII вв.³⁵ Первый публикатор ярлыка архимандрит Леонид считал его «свободным русским переводом» оригинала, отосланного в 1476 г.³⁶ По мысли К.В. Базилиевича, документы сборника XVII в. из Синодального собрания (ОПИ ГИМ № 272, рукопись до недавне-

го времени, считавшаяся единственной, сохранившей текст ярлыка) были переписаны из какого-то сборника ханских ярлыков, составленного в XVI в. в связи с тем интересом, который московское правительство в 50—70-х гг. этого столетия проявляло в отношении татарских ханств. К.В. Базилиевич настаивал на безусловной подлинности ярлыка и датировал его 1480 г.³⁷ В чрезвычайно убедительной статье Э. Кинана, посвященной анализу этого документа, автор сравнивает терминологию послания с терминологией синхронных документов Посольского приказа (русскими переводами посланий джучидских правителей), а также оригиналами исходящих ярлыков джучидской канцелярии и аргументированно доказывает, что «ярлык Ахмеда» не может рассматриваться в качестве подлинного документа хана Большой Орды Ахмеда, а принадлежит кругу псевдоисторической литературы начала XVII в.³⁸

Точка зрения А.П. Григорьева, предложившего «реконструкцию» текста, несмотря на то, что она имеет своих приверженцев, критикующих Э. Кинана³⁹, вряд ли приемлема. А.П. Григорьев рассматривает текст ярлыка не как целое, любое нарушение последовательности и единства которого нужно обосновывать, а как испорченную версию оригинала, который с помощью препарирования можно восстановить. В результате, все, что не отвечает построениям автора, оказывается безжалостно выброшенным⁴⁰. Такая методика работы с текстом оставляет широкий простор для домыслов и целиком зависит от эрудиции и профессионализма автора «реконструкции». Если отдельные фрагменты не удается правдоподобно объяснить и интерпретировать, то это не означает их неаутентичность, а всего лишь оставляет простор для дальнейшей работы. Текст следует рассматривать как некое единство, которое можно либо принимать целиком, либо целиком же отбрасывать. Некоторые точные и аргументированные наблюдения А.П. Григорьева объективно работают против его «реконструкции» и лишь подтверждают общий вывод Э. Кинана о подложности «ярлыка Ахмеда».

Псевдоисторическая эпистолярная литература на турецкую тему создавалась и на западе. К. Гёллнер в своем обзоре европейских изданий XVI в., посвященных этому, упоминает труд Лаудивини Вещанензе «*Epistolarum Turci magni per Laudinū libellus sententiarū grauitate reffer-tissimus, additis noñulis lectu dignis epistolis Laertio, Gellio, & nostrae tēpestatis Callëtio....*», увидевший свет впервые в 1512 г. (первое издание вышло в Вене, второе в 1513 г. в Кракове)⁴¹. Книга многожды переиздавалась и переводилась на европейские языки⁴².

В составе сборника оказалась переписка правителей разных стран с турецким султаном. Среди реальных исторических персонажей встречаются, в том числе, и мифические. Есть в сборнике и письмо Турка татарам и ответ на него. Цитирую по франкфуртскому изданию 1598 г.⁴³ Turcv̄s Tartaris. Qvod multis faepvfu venit: vt vel metu aliquo, aut necessitate in alios plerumque deteriores siant: vobis quippe natura loci tribuit omnium sore pessimos: qui veluti incondita vulgi barbaries nullis legibus tenemini. Cum famen ad nos pecunias, nec in tempore legatos miseritis: illas quidem exhibere nobis per vim debere offenditis. Ответ следующий: Tartari Tvrc̄o. Stultum est perfecto te a nobis quicquam exigere, qui aliorum spolijs acraptu viuamus. Atque ab hic legationem frustra expectas: qui non orandi studium, sed belli gerendi curam foris fuscipiunt. Mores praeteria nostros iam admirari nequaquam debes: cum parum absint a ritu ferarum. Na qui maiorum instituto ias ipsum marinis habent caedibus: praedra acrapinis pro legibus vrantur.

¹ Halasi Kun T. Monumentes de la langue tatar de Kazan // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). Vol. I. Budapestini, 1942. P.145. Далее ссылки в тексте: Halasi Kun 1942: номер страницы.

² В публикации А.Н. Курата (а затем и Т.И. Султанова, следовавшего А.Н. Курату) под № 10202 в Топкапы указано два документа — и письмо Улуг-Мухаммеда, и письмо Махмуда. Неясно, опечатка ли это, или, действительно, под одним шифром хранится два письма разных ханов.

³ Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С.239. Далее ссылки в тексте: Султанов 1978: номер страницы.

⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X — XVI вв. М., 1996. С.512. Далее ссылки в тексте: Сафаргалиев 1996: номер страницы.

⁵ Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S.37—45. Далее ссылки в тексте: Kurat 1940: номер страницы.

⁶ Halasi Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait dil yadigarları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi VII. 4. 1949. S.627—633. Далее сноски в тексте: Halasi Kun 1949: номер страницы.

⁷ Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953. С.189.

⁸ Письмо Махмуд хана (1466) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. Казань, 1996, №3/4. С.18—24.

⁹ Özyetgin Melek A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. Ankara, 1996. Далее цитируется в тексте: Melek Özyetgin 1996: номер страницы. Имеется ее же обзорная статья: Özyetgin M.A. Altınordu Hanlığı'nın Resmî Yazışma Geleneği // Türkler. Cilt 8. Ankara, 2002. S.819—830.

¹⁰ Следом за ним эту же дату принимал и И. Вацари. См. Vásáry I. Az Arany Horda Kancelláriája. Budapest, 1987. С.13.

¹¹ А. Мелек Озъеттин принимает дату 1465/66 гт., но, по всей видимости, путает это письмо с письмом Ахмеда, опубликованным А.Н. Куратом. См. Özyetgin A.M. Altınordu Diploması Geleneğine Bir Bakış // KÖK Araştırmalar. KÖK Sosyal ve Stratejik Araştırmalar Dergisi. Cilt I, Sayı 2 (Güz 1999). Ankara, 1999, S.100—101; Özyetgin M.A. Altınordu Hanlığı'nın Resmî Yazışma Geleneği // Türkler. Cilt 8. Ankara, 2002. S.821. Турецкой исследовательницей остались неиспользованными документы, опубликованные А. Беннигсенем, П.Н. Борогавом и Ш. Лемерсье-Келькеже, а также работы А.П. Григорьева, что существенно снижает ценность ее труда.

¹² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С.97—98; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.269—272. Текст: Feridun Bey Ahmed. Münşaat-us Selatin. Cilt I. İstanbul, 1275/1858 (араб. шрифт). S.289.

¹³ [Haji Khalfa] Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Tomus secundus. Leipzig, 1837. P.488—489, № 11760; Hammer J. von Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. Pest, 1828. S.140—142; Flügel G. Die arabischen, persischen und türkischen handschriften der Kaiserlich-Königlich Hofbibliothek zu Wien. Erster Band. Wien, 1865. S.282—283, № 312; Rieu Ch. Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum. L., 1888. P.80—82

¹⁴ İnalçık H. Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi ve ahidname meselesi // Turk Tarih Kurumu. Belleten, 1944, C.VIII, № 30. S.214—215

¹⁵ Kurtoğlu F. Son Altın Ordu hükümdarlarının Osmanlı hukumdarı Mehmed II.'ye bir mektubu // Turk Tarih Kurumu. Belleten. C.II. № 5—6, Ankara, 1938. S.247—250.

¹⁶ Письмо золотоордынского хана Ахмеда турецкому султану Фатих Мехмеду (1477) // Гасырлар Авазы/Эхо Веков — Казань, 1997, №3/4. С.34—45.

¹⁷ Дополнительные сведения о внешнем виде документа см. также: Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d'études turques 19 (1987). P.266—267.

¹⁸ Documente Turcești Privind Istoria României. Vol. I. 1455—1774. Întocmit de M.A. Mehmed. București, 1976. P.3.

¹⁹ Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ № 419, Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987. С.128—140. См. также: Özkaya T. Sovyetler Birliği'nde Altın Ordu İle İlgili Yeni Araştırmalar Belleten. Cilt LIV, Sa.209. Ankara, 1990. S.516—517.

- ²⁰ См. также: *Gemil T.* Două documente tătărești referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova // Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A.D. Xenopol». T.V. Iași, 1968. P.191—192; а также Documente Turcești Privind Istoria României. Vol.1. 1455—1774. Întocmit de M.A. Mehmed. București, 1976. P.3—4, 353 (фотокопия, перевод на румынский язык по публикации Т. Джемиля).
- ²¹ *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948. № 1. С.38.
- ²² *Ostapchuk V.* Ibid. P.267.
- ²³ Ibid. P.267.
- ²⁴ *Ostapchuk V.* Ibid. P.268.
- ²⁵ А. Мелек Озьеттин со ссылкой на Ф. Куртоглу (С.650—651) упоминает, вероятно, именно это письмо Менгли-Гирея Мехмеду Фатиху, но с датой 3 мая 1478 г. (Altinordu Diplomasi... S.101). См. также *Ostapchuk V.* Ibid. P.262.
- ²⁶ Существенные поправки к чтению см. *Ostapchuk V.* Ibid. P.261—262, 266.
- ²⁷ *Gemil T.* Două documente tătărești referitoare la campania din 1476 P. 192—193; Documente Turcești Privind Istoria României. P. 4—5, 354 (фотокопия, перевод на румынский язык по публикации Т.Джемиля).
- ²⁸ *Ostapchuk V.* Ibid. P.262.
- ²⁹ *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521 // CMRS. 1971, vol. XII, № 4. P.485.
- ³⁰ Памятники литературы Древней Руси М., 1985. С.422, 424.
- ³¹ *Кунцевич Г.З.* История о Казанском ханстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С.385—387.
- ³² *Keenan E.L.* The Paradoxes of the Kazanskaya Istorya // The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US. Vol.XXXI—XXXII. N-Y, 1967; *Keenan E.L.* Coming to Grips with the Kazanskaya Istorya. // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Science in the US. Vol. XI, № 1—2. N-Y, 1968.
- ³³ *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С.180.
- ³⁴ Там же. С.183.
- ³⁵ См.: *Зайцев И.В.* «Вольная грамота» турецкого султана некоему русину // Тюркологический сборник 2002. М., 2003. С.229—244.
- ³⁶ *Арх. Леонид (Л.А. Кавелин)* Два акта XV века с объяснительными примечаниями // Известия Императорского русского археологического общества. Т.Х, Вып. 3—6. СПб., 1884.
- ³⁷ *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948. № 1. С.30—41.
- ³⁸ *Keenan E.L.* The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III: A new reading. A study in Literal Diplomata and Literary Turcica // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XII. Mouton-The Hague, 1969. P.35—44, см., например: *Каган М.Д.* «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. // ТОДРЛ. Т.ХI. М.-Л., 1955; *Каган М.Д.* Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII вв. // ТОДРЛ. Т.ХIII. М.-Л., 1957; *Каган М.Д.* Легендарный цикл грамот

турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т.ХV. М.-Л., 1958.

³⁹ *Горский А.А.* О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // Вопросы истории. 1997. № 5. С.22.

⁴⁰ *Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.10. Л., 1987.

⁴¹ *Göllner K.* Turcica. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts. I Band: MDI—MDL. București — Berlin, 1961. S.45—46, № 53.

⁴² См., например: [*Starowolski Sz.*] Muhammad II. Wielkiego Turka listy. Przez Szymona Starowolskiego... z łacińskiego języka na polski przelożone. Krakow, 1618; см. также: *Baranowski B.* Znajomość Wschodu w Dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950. S.41.

⁴³ Epistolarum Turcicarum variorum et diversorum authorum Libri V in quibus epistolae de rebus Turcicis summorum Pontificum, Imperatorum, Regum, Principum, aliorumque mundi Procerum, iam inde à primordio regni Saracenicis & Turcici usque ad haec nostra tempora leguntur. Francoforti ad Moenum, 1598 (Ex recensione Nicolai Reusneri Leorini). P.61.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В 50—70-х гг. XV в.

Летом 1454 г. турецкий флот из 56 кораблей под командованием адмирала Демир-Кяхьи совершил рейд вдоль берегов Черного моря. По пути от берегов Кавказа эскадра остановилась в Керченском проливе возле генуэзской крепости Воспоро. Там произошла встреча с гонцом крымского хана, видимо, для подготовки встречи Демир-Кяхьи с Хаджи-Гиреем. 11 июля эскадра вошла в Кафинскую бухту. С суши силы османов поддерживал Хаджи-Гирей с 6000 войска. 14 числа происходит встреча Хаджи-Гирея с адмиралом. «Турецкий султан очень силен, и татарский хан расположен поддержать его в этом предприятии», — писали генуэзцы об опасности взятия Кафы турками. По сведениям консулов и нотаблей Кафы, хан заключил с адмиралом договор, по которому султан получал помощь татар при покорении Кафы и других генуэзских крепостей, контрибуцию и всех пленных генуэзцев, а хан — Кафу и все побережье Тавриды¹. «Нет сомнения, что уже в 1454 году, то есть за 20 лет до окончательного разгрома генуэзских черноморских поселений, султан Магомет II занес в программу своей внешней политики общий суверенитет отоманской империи на Черном море. Однако нельзя допустить, чтобы подобные затеи турецкого монарха могли показаться вполне приемлемыми для дальновидного и честолюбивого Хаджи-Гирея, хотя можно полагать, что хану тем не менее улыбалось окончательное избавление себя от соседства чужестранцев...», — писал Л.П. Колли². «Осада Кафы имела в значительной степени характер военной демонстрации и не привела к ее взятию. Важно отметить, что по некоторым данным, действия турецкого флота поддержал крымский хан Хаджи-Гирей»³. В 1455 г. через Кафу проследовал турецкий посол, отправленный к хану в Солхат⁴.

М.С. Грушевский сомневался в реальности турецко-татарского договора 1454 г., считая его вымыслом генуэзцев. Хаджи-Гирей задумал будто бы «только использовать турецкую манифестацию, чтобы нагнать большего холода генуэзцам»⁵. М.Г. Сафаргалиев напротив считал договор 1454 г. началом зависимости Крымского ханства от Турции⁶.

Политические контакты Хаджи-Гирея с представителями султана в действительности не означали признания им вассалитета⁷. Ссылка Хаджи-Гирея при его отказе принимать участие в союзе против османов в 1465 г. на позицию Казимира показывает, что во внешней политике хана в то время большее значение придавалось отношениям с Польшей и Великим княжеством Литовским. Более того, еще в 60-е гг. XV в. его позиция по отношению к борьбе европейских сил с Турцией выглядела скорее нейтральной, или даже слегка антиосманской, нежели ориентированной на союз с османами против государств Восточной Европы.

Вскоре политическая ситуация в Крыму поменялась: в результате переворота летом 1456 г. к власти на полуострове пришел сын Хаджи-Гирея Айдар (Хайдар), но уже после ноября он бежит в Литву, а на престол возвращается его отец⁸. Сведений о позиции Айдара по отношению к Османской империи мы не имеем.

После разгрома орды Сейид-Ахмеда его сыновья попали в руки воеводы Молдавии Стефана. Какое-то участие в их дальнейшей судьбе, помимо Литвы, Венгрии и Бессарабии, пытались принять Хаджи-Гирей, а также Османская империя, видимо, требовавшие их выдачи. В письме Стефана польскому королю Казимиру IV Ягеллончику от марта 1462 г., отправленном из Сучавы, господарь соглашался выдать их только самому Казимиру: «Седи-Ахматови сынове, что соуть нинече по Божии милости оу наших роуках и с другими темники и оуланы, а мы имаем их твердо и статочно держати оу твердой и оу верной роуце и николи на волю их не поустити ани выдати их на иноую ни на одну сторону и ни оу одиному роукоу ни до Литвы, ани до Бесараб, ани цареви Ажъ Гериеви, ани до тоурков, ани до Оугор, лише коли нас о то наипервей король его милость обышлеть, а любо теж напоменет, а мы абыхом их дали оу роуци паноу и господареви нашему наиаснейшему королеви его милости и паном его короуни полской, а на иноую жадную сторону их не выдати...»⁹.

После смерти Кичи-Мухаммеда (1459 г.) его сыновья Ахмед и Махмуд начали между собой борьбу за власть; от двух братьев сохранились монеты без указания даты их чеканки, выбитые в Астрахани¹⁰. Согласно М.Г. Сафаргалиеву, русские летописи, за исключением Типографической, неточно передают имя приемника Кичи-Мухаммеда — Махмуда, называя его то Ахмутом, то Ахматом (сообщая о нападении на Переяславль Рязанский, летописи называют хана Большой Орды по-разному: Типографическая — Махмутом; Воскресенская, VI Новгородская и Никоновская — Ахмутом Кичи-Ахматовым; Софийская, Си-

меоновская — Ахматом Кичи-Ахматовичем); или же после смерти Кичи-Мухаммеда два его сына объявляют себя ханами Большой Орды одновременно. До 1465 г. русские летописи не упоминают об Ахмеде как о хане Большой Орды (за исключением 1460 г.), с другой стороны Махмуд последний раз в качестве хана Большой Орды упомянут в 1465 г., когда, идя походом на Русь, он был разбит Хаджи-Гиреем. Летопись как будто бы не оставляет сомнений, что битву крымскому хану проиграл именно Махмуд. «Поиде безбожный царь Махмутъ на Рускую землю со всею ордою и бысть на Доноу. Божиею же милостию и пречистые матери прииде на него царь Азигирей и би его и Орду взя, и начаша воеватися промеж себе. И тако Богъ избави Рускоюю землю отъ поганыхъ»¹¹. Как справедливо отмечает А. Горский, целью хана Махмуда было именно Московское княжество, а не, например, Рязанское, что было отмечено летописцем при походе Махмуда на Рязанскую землю в 1460 г.¹².

В хронике Длугоша отмечено, что 10 сентября 1465 г. послы папы Павла II, прибывшие ко двору Хаджи-Гирея, узнали, что несколько дней тому назад Хаджи-Гирей разбил другого хана, имевшего государство за Волгой. М.С. Грушевский считал, что этим ханом был Кичи-Мухаммед¹³. Однако, это не так. По С. Лэн-Пулю, Кичи-Мухаммед умер около 864 г.х. (1459—1460 гг.)¹⁴, а, значит, Хаджи-Гирей воевал тогда с одним из его сыновей, скорее всего, с Махмудом. Неудача Махмуда, видимо, позволила Ахмеду перехватить инициативу и овладеть властью в Большой Орде. Махмуд же удалился в Астрахань и, по мнению М.Г. Сафаргалиева, положил начало самостоятельности нового политического объединения — Астраханского ханства¹⁵. Именно к этому времени относится письмо Махмуда султану Мухаммеду II от 10 апреля 1466 г.¹⁶ с упоминанием «важных дел», помешавших Махмуду прислать своих людей султану ранее¹⁷. Возможно, что местонахождение ставки, т.е. «Большой Орды», в междуречье нижнего течения Волги и Яика зафиксировано в искаженном виде на карте венецианца Фра Мауро, которую он закончил в 1459 г. На его карте в нижнем течении Яика на его правой стороне обозначен город Suburzam¹⁸. Вероятно, Suburzam — испорченное Orduy-u- Muazzam (т.е. Большая Орда).

Б. Шпулер относил битву на Дону к середине июля или концу августа 1465 г. и считал, что разбили на Дону Ахмеда¹⁹. Также Ахмеда считал руководителем похода 1465 г. на Русь и И.Б. Греков. А.П. Григорьев предлагает иную реконструкцию событий: он также считает, что в конце августа — конце сентября 1465 г. Хаджи-Гирей разбил не Махмуда, а Ахмеда. Летом 1465 г. Ахмед где-то на Дону готовил вторжение

в русские земли. Именно здесь он и подвергся нападению Хаджи-Гирея. «Возможно, крымский хан действовал в союзе с турецким султаном. Во всяком случае, письмо ... Махмуда ..Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. воспринимается как ответ на предложение дружбы с турецкой стороны. Наверное, после поражения Ахмеда от крымцев Махмуду удалось в очередной раз свергнуть брата с престола и на какое-то время овладеть главной ставкой, о чем неопровержимо свидетельствуют и выходные данные его письма...»²⁰. Предположение А.П. Григорьева о союзе Хаджи-Гирея с султаном Мехмедом Фатихом против Ахмеда представляется не бесспорным. По сообщению Длугоша, за несколько дней до этого посланец римского папы францисканец Людвиг Болонский (титулар-) патриарх из Антиохии просил у Хаджи-Гирея помощи против турок²¹. Римские папы в это время пытаются создать антиосманскую коалицию, включавшую, помимо папы, Ак-Коюнлу и Трапезундскую империю. В 1458 г. к этому союзу присоединились грузинские князья. «Все государства и правительства ...от Кавказа и берегов Евфрата до Франции и Бургундского княжества» были против османов²². Тот же Людвиг Болонский в 1460 г., выполнив дипломатическое турне и посетив Трапезунд, Грузию, Аккоюнлу и Караманское бекство, возвращался в Рим во главе группы послов, «представляющих восточные страны»²³. Есть основания предполагать, что крымский хан мог присоединиться к этой коалиции.

Косвенным образом о крымско-османских противоречиях свидетельствует Константин из Островицы. В 1459 г. он принимал участие в походе Мехмеда II на Трапезундскую империю и в 31 главе своих записок оставил описание этого похода: «Трапезунд, как и Синоп, лежит по эту сторону Черного моря, Трапезундская земля гориста и обширна, со всех сторон она окружена погаными, все татары, такие, как Великий Хан и Узунхасан, Джанибек Гирей; эти татарские властители предпочитали иметь соседом трапезундского императора, нежели турецкого султана, хотя он и был их поганой веры»²⁴. Комментаторы записок Константина справедливо отмечают, что в указанное автором время (1459 г.) в Крыму правил не Джанибек, а Хаджи-Гирей²⁵. Вопрос о том, к какому крымскому хану в действительности относил свои слова Константин, остается, тем не менее, открытым. «Записки янычыра» были написаны между 1497 и 1501 гг.²⁶, когда время правления Хаджи-Гирея и Джанибека было уже в прошлом, а личности этих ханов могли быть совмещены в сознании Константина из Островицы. Возможно, отношения крымского хана с Мехмедом II в то время как-то осложнились, на что как будто бы намекает сообщение Длугоша. «Умный ста-

рик-татарин ответил уклончиво: раз польско-литовский государь²⁷ не воюет, то и ему, хану, не следует вмешиваться в войну с султаном. Современный ему Длугош не сомневался, однако, что стоило бы польско-литовскому государю пригласить Хаджи-Гирея к участию в замышлявшемся крестовом походе — и хан послушался бы»²⁸. Вполне возможно, что имя Джанибека возникло в этом сочинении не случайно: у Джанибека, утвердившегося в Крыму при помощи своего дяди — хана Большой Орды Ахмеда, видимо, в конце 1476 г. и пробывшего на престоле вероятно до осени следующего — 1477 г.²⁹, также были причины отрицательно относиться к османскому присутствию на берегах Черного моря.

Письмо Махмуда султану Мехмеду II действительно выглядит как попытка наладить союз с Турцией против какой-то третьей силы. Для Махмуда наиболее актуальной тогда была борьба именно с Крымом. В.Д. Смирнов считал идею антиосманского союза абсолютно неприемлемой для Хаджи-Гирея: «Умный татарин, понимавший всю нелепость подобного предложения, сослался однако же в своем отказе на то, что он в своей политике сообразовался с намерениями друга своего, короля польского, а этот последний состоял тогда в дружественных отношениях с завоевателем Константинополя»³⁰.

Письмо Махмуда, вероятно, попало Мехмеду II не сразу: в 1466 г. султан, возвращаясь из очередного военного похода в Албанию, получил известие о страшной эпидемии чумы в Стамбуле, незадолго до этого ставшего столицей (зимой 1457/58 гг.), и предпочел переждать страшную болезнь, от которой в городе ежедневно умирало 600 человек, в македонских горах³¹.

Кого бы не разбил Хаджи-Гирей на Дону в конце лета-начале осени 1465 г. — Ахмеда или Махмуда, — ясно, что победа крымского хана принесла ему какие-то преимущества (пусть и временные) в борьбе за гегемонию в Дешт-и-Кипчаке. Возможно, слова анонимного автора истории крымских ханов о том, что Хаджи-Гирей «умел привлекать сердца, потому во время правления его значительное число народа переселилось с Волги в Крым»³², относятся именно к событиям 1465 г.

В европейской дипломатической переписке последней четверти XV в., а также в публицистике той поры активно продолжала высказываться идея привлечения «татар» к союзу против Турции³³. Инициатором такой евроазиатской антиосманской лиги была Венеция, искавшая союзников в своей войне с османами (1463—1479 гг.). Необходимость и желательность участия «татар» в этом союзе некоторыми другими заинтересованными сторонами подвергалась сомнению. Официальная

Польша считала, например, возможность участия татар в коалиции не реальной из-за боевой непригодности их войск, огромных расстояний, малого количеству войска и трудности переправ³⁴.

К началу 70-х гг. XV в. относятся сведения об участии крымских татар в осуществлении османской политики по отношению к Молдавии и Валахии. Молдавский господарь Стефан III, начав борьбу с Турцией, прежде всего, пытался нейтрализовать соседнюю Валахию, где правил вассал османов Раду Красивый. В 1470 г. молдавские войска разорили и сожгли ряд пограничных валашских крепостей. Раду, не имея сил для ответного наступления, жалобами султану вызывает нападение на Молдавию татар. В конце лета 1470 г. они переходят Днестр и начинают разорять Молдавию. Однако 20 августа Стефан в дубраве Липницы, недалеко от Днестра, наголову разбил татарский отряд³⁵, захватив большое число татар в плен (в том числе и сына хана). Ханыч, несмотря на просьбы отца (ханом в Крыму был тогда Менгли-Гирей), вернуть его, был четвертован, остальные пленники также казнены³⁶. Весной 1471 г. крымцы опять совершили нападение на территорию Молдавии. Таким образом, участие крымских татар в турецких военных операциях в Молдавии имело место еще до завоевания Кафы, установления протектората и походов 1476 г., о которых мы знаем по письмам Эминика³⁷. А значит выводы А.П. Григорьева о том, что «дружба» Менгли-Гирея с турецким султаном «не складывалась»³⁸, сделанные только на основании письма Менгли-Гирея в Стамбул от 25 октября 1469 г.³⁹, нуждаются в корректировке. Видимо, уже в конце 1469 г. хан изменил политику в сторону большего сближения с османами. Участие крымских войск в молдавских событиях доказывает, что Менгли-Гирей был тогда в натянутых отношениях со Стефаном и хороших с султаном. «Мехмеда II не устраивали ближайшие союзники крымского хана — греческое Мангупское княжество и генуэзские колонии в Северном Причерноморье... Через Мангуп и через Польшу Менгли-Гирей мог общаться с решительным противником турок, молдавским господарем...»⁴⁰. И хотя связь антиосмански настроенного мангупского князя с молдавским господарем⁴¹ (видимо, именно в Сучаве нашли приют мангупские беженцы⁴²) не вызывает сомнения, события 1470 г. в Молдавии противоречат выводам о возможности мирных контактов хана с воеводой в это время.

В 1455 г. венецианец Джан Баттиста делла Вольпе (Иван Фрязин русских источников) отправился искать счастья «сначала среди татар, а потом среди русских»⁴³. В 1469 г. он живет в Москве, является монетчиком Ивана III и его доверенным лицом. В том же году он был послан

великим князем в Италию с поручением вести переговоры о браке Ивана III с дочерью морейского деспота Фомы — Софией. Его племянник Антонио Джисларди, некоторое время проживший с дядей в Москве, в ноябре или декабре 1470 г. выступает перед венецианским сенатом с проектом своего родственника. По словам Джисларди, его дядя, огорченный потерей Венецией Негропонта в войне с Турцией, задумал заключить союз Венеции с Золотой Ордой, направленный против Османской империи. Хан Магомед (Ассомет, т.е. Ахмет русских источников) поклялся двинуть против турков 200 000 всадников. В подтверждение своих слов Джисларди предъявил сенату инструкции Вольпе и послание татарского хана⁴⁴. Через 4 месяца, отчаявшись в получении ответа сенаторов, Джисларди предлагает отправить специальную миссию в Орду для проверки его сообщения. 2 февраля 1471 г. огромным большинством голосов сенат принимает решение о посылке в Орду секретаря Джан Баттисту Тревизана⁴⁵. Сеньория послала бы настоящего посла, если бы не громадность расстояния. Тревизан должен был представить эти затруднения хану, извиниться перед ним, осыпать похвалами его воинственный пыл и подарить 16 локтей сукна ценою в 89 дукатов⁴⁶. Тревизан отправился из Венеции в апреле 1471 г., но, надолго задержанный в России⁴⁷, смог выехать в Орду из Москвы только 19 июля 1474 г. (приехал в Москву 10 сентября 1471 г.)⁴⁸. 2 июня 1472 г. Вольпе, прибывший в Рим с посольством Ивана, на аудиенции хвастается своими близкими торговыми отношениями с татарским ханом, который, по его словам, был готов собрать страшное войско против турок и напасть на них со стороны Венгрии, при условии, чтобы ему платили с начала военных действий 10 000 дукатов ежемесячно и подарков на 6000 дукатов одновременно. Из-за громадности сумм и рискованности предприятия Вольпе было отказано⁴⁹. По мнению П. Пирлинга союз с татарами «был только призрак, вызываемый по их (т.е. Вольпе и Джисларди — И.З.) желанию для того, чтобы воспользоваться щедростью Рима или Венеции»⁵⁰. При всей авантюристичности и корыстности замыслов Вольпе, реальную политическую подоплеку союза все же нельзя сбрасывать со счетов. Венецианцы, вероятно, хотели сыграть на противоречиях между Ахмедом и Турцией в вопросе о Крыме. На полуострове в тот момент шла настоящая гражданская война: Менгли-Гирей был после декабря 1475 г. вывезен в Турцию, официально правили его братья Нурдевет и Айдар, а в оппозиции к ним находился Джанибек, поддерживаемый Ахмедом (Джанибек, вероятно, был его племянником, т.е. сыном Махмуда). Крымские события после смерти Хаджи-Гирея и обстоятельства утверждения Менгли-

Гирея крымским ханом изложены с османской точки зрения Кемалем Паша-заде⁵¹. Вероятно, в конце 1476 г. Джанибек подавил сопротивление соперников и захватил власть в ханстве. Ахмед, видимо, пошел на превентивное сближение с Венецией, имея в виду перспективу заключения союза, может быть, направленного против Османской империи, скорее всего, отрицательно оценивавшей победу крымского ставленника Ахмеда Джанибека. В 1476 г., 28 апреля Тревизан вернулся в Венецию, сопровождаемый двумя татарскими послами — Темиром, отправленным самим Ахмедом, и Брунахо Батырем, посланного военачальником Ахмеда Темиром. Послы были встречены с большим почетом. Они предложили Венеции быть друзьями ее друзей и врагами ее врагов, обещали немедленно выступить против турок и требовали подарков драгоценными камнями, платьем и деньгами. Послы обещали будто бы 200 тысяч войска и выразили именем своего государя готовность выступить против турков вдоль Черного моря через Дунай. Предложения хана были встречены с радостью. 10 мая 1476 г. для удовлетворения их просьб была выделена сумма около 2000 дукатов, а к хану послан гонец с предупреждением, что его послы привезут благоприятный ответ⁵². В середине того же года Тревизан вновь был направлен, на этот раз уже с послами Ахмеда через Польшу и Литву, где оно должен был решить, что предпринимать далее⁵³. Попыткой сближения хана с Венецией оказался недоволен Казимир. Он посылает в Венецию Филиппа Бонаккорси (Каллимаха) с предложением отказаться от союза, угрожавшего польским и литовским границам. Сенат решил, быть может вследствие уговоров Казимира, отложить решение дела и отозвал 18 марта 1477 г. Тревизана из Польши⁵⁴.

Московское правительство, по свидетельству А. Контарини, догадывалось о задачах миссии Тревизана во враждебном Москве Польско-Литовском государстве. Ивану было, безусловно, не выгодно нарушать дружбы с Турцией, поскольку это привело бы к расторжению союза с Крымом, направленного против общего врага — Ахмеда. Между прочим, вероятно опасаясь конфронтации с османами, московские великие князья не торопились предъявлять права на византийское наследство. Скорее всего, даже идея о преемстве тогда даже не формулировалась. «Мысль о возможных правах московского великого князя на наследие закончившей свое существование империи формулируется на Западе, что обусловлено намерением привлечь Россию к участию в антитурецких коалициях. Так, венецианский сенат в 1473 г. писал Ивану III о его правах, якобы возникших на основе брака с представительницей императорского дома Палеологов, племянницей последнего

императора: «Восточная империя, захваченная Оттоманом, должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать вашей сиятельной власти в силу вашего благополучного брака». Однако в русских источниках подобная точка зрения не отразилась. Сам Иван III не ссылаясь на этот брак. Его весьма сдержанное и трезвое отношение к «наследию» империи проявляется и в отсутствии в известных русских источниках какой-либо информации о переговорах в Москве с братом Софьи Андреем Палеологом по поводу этого наследия, право на которое он пытался продать различным европейским правителям»⁵⁵. Иван, помимо выгод торговли с османами, «уже предвидел в султана опасного врага для поляков; в виду этого соглашение с падишахом представлялось в благоприятном свете»⁵⁶. Скорый конец Джанибека и позорный для венецианцев мир 1479 г. снял актуальность венецианско-ордынских контактов, направленных против Турции.

Амброджо Контарини, возвращавшийся из посольства в Персию, прибыл в Астрахань 30 апреля 1476 г., где был задержан татарами, которые объявили его рабом их правителя, «потому что франки [т.е. венецианцы] его враги». Контарини даже хотели продать на базаре, однако он избежал этой участи и был вскоре отпущен⁵⁷. Реакция астраханского правителя (Контарини называет его Касимом; это был племянник Ахмеда, сын его брата Махмуда) становится понятной, если предположить, что татары выступали в союзе с турками, менее чем за год до этого захватившими генуэзскую Кафу и находившимися в состоянии войны с Венецией (1463—1479 гг.).

Реальную позицию Ахмеда в турецком вопросе помогает раскрыть его письмо Мухаммеду II от 877 г.х. (1476/1477 гг.), открытое в хранилище Топкапы в 1938 г.⁵⁸. Письмо практически не привлекалось для реконструкции ордыно-османских отношений в 70-е гг. XV в. Приводим его текст.

ПИСЬМО ХАНА БОЛЬШОЙ ОРДЫ АХМЕДА
СУЛТАНУ МЕХМЕДУ II ФАТИХУ (881 г.х.)

«Он»⁵⁹

От Ахмеда

После сказанного приветов господину другу слово таково: исстари с вашими, брата султана Мехмеда, отцами и дедами и нашими отцами и дедами длилась дружба, до этого года посол не убывал [в смысле: не прекращались посольства], их тяжелые приветы и легкие поминки

много раз, отправляясь, прибывали. Согласно тому обычаю в этом году к нам пришел Сайид Мухаммед — благословение Господа да будет с ним. Мы также нашему брату султану Мехмеду послали нашего посла с тяжелым приветом и легким поминком, и при этом Вам я сам лично моего молельщика, по имени Исхак, моего молельщика, с тяжелым приветом и легким поминком послал. Потому что у нас для нашего брата султана Мехмеда имеется просьба. Не делая это наставлением [т.е. не требуя — И.З.], пусть, как только эти сведения достигнут ушей моего брата, он, провозгласив «Дружбу между нами твори!» написал бы нам ярлык с нишаном»⁶⁰.

Как видно из текста письма, Ахмед признавал турецкого султана более высоким по рангу правителем, чем он сам: об этом свидетельствует как общий — весьма корректный — тон послания, а также употребление термина «ярлык» — неперенный атрибут переписки вассала с сюзереном, и способ датировки документа (не подробное указание на число и месяц года по хиджре и года по животному циклу, а только указание года по хиджре). Возможно, что согласие Ахмеда принять участие в антиосманской авантюре было лишь тонким тактическим ходом.

Видимо, через некоторое время, не обязательно в ответ на это послание, Мухаммед шлет Ахмеду свое письмо, написанное на персидском языке не ранее июля 1475 г. (в нем говорится о завоевании Кафы («мемлекет-и Кефе») и походе на Молдавию) и не позднее мая 1477 г., когда было написано письмо Ахмеда Мехмеду Фатиху (см. ниже). Как полагает А.Н. Курат, этот документ мог быть написан по личной просьбе Менгли-Гирея для того, чтобы предупредить возможные враждебные действия Ахмеда против Менгли, который незадолго до этого принял покровительство султана⁶¹. Это предположение строится на основе анализа содержания письма Мухаммеда II, написанного, видимо, специально для того, чтобы оповестить Ахмеда об изменениях, произошедших в расстановке сил в Причерноморье (взятии Кафы, подавлении мятежа молдавского господаря и принятии Менгли-Гиреем турецкого протектората). Вскоре Ахмед шлет султану ответ по тону уже более свободный. В этом письме он называет себя потомком Чингисхана, а Мухаммеда — Великим государем (Hudavendigar) и Его величеством (hakim)⁶². Однако, уничижительного термина ярлык уже не употребляет. Видимо, возросшие амбиции Ахмеда позволили ему использовать другой тон при контактах с султаном. «Впредь милостью Бога между Вами и нами [установившаяся] дружба этим путем пусть умножится, так что, если угодно будет Богу Всевышнему, в последующие времена среди друзей [и] врагов имя ее пусть останется. Далее,

в какую сторону Вы направитесь и походом пойдете, мы также с этой стороны готовы усилить Вас»⁶³. Речь идет о какой-то совместной военной операции хана и султана в Причерноморье. Такой операцией мог быть поход на Молдавию.

Все три письма (два послания Ахмеда Мехмеду II 881 г.х. (1476/77), 882 г.х. (в половине сафара, т.е. от мая-июня 1477 года) и недатированный в оригинале текст Мехмеда — между июлем 1475 и апрелем 1477; (впрочем, как и послание Махмуда Мехмеду от 10 апреля 1466 г.) — видимо, осколок более обширного комплекса документов, посвященных отношениям Османской империи с ханами Большой Орды. Вероятно, три сохранившихся документа переписки Ахмеда с Мехмедом не составляют строгой последовательности: письмо Ахмеда от мая-июня 1477 г., в котором упомянут посол Карадж Бахадур, привезший Ахмеду сведения о городах, завоеванных Мехмедом, быть может, является ответом на послание Мехмеда, в котором сказано об этих военных успехах турецкого султана. Но послание Ахмеда от 881 г.х. видимо, вообще, — первое в переписке хана с султаном и непосредственно не предшествовало посланию Мехмеда. Об этом свидетельствует то, что в нем упомянут османский посол в Орду Сайид Мухаммад, привезший послание султана, ответом на которое явилось письмо Ахмеда от 881 г.х., и ордынский посол в Османскую империю, который должен был доставить это письмо султану. Исходя из этих данных, можно частично реконструировать последовательность осmano-ордынских посольств во второй половине 70-х гг. XV в. В 881 г.х. Мехмед посылает Ахмеду посла Сайид Мухаммеда. В ответ на это в том же 881 г.х. Ахмед посылает в Стамбул своего «слугу, прозванного Исхаком» с письмом (текст которого сохранился в Топкапы под № 5513). В письме содержалась просьба отпустить Исхака назад, что, вероятно, и было сделано. По мнению А.П. Григорьева, в самом начале 1477 г. Ахмед отправляет Мехмеду своего посла Карадж Бахадура, который был благосклонно принят султаном и незамедлительно возвращен обратно с турецким послом Девлетъяром Мубаразетдином Девлетханом⁶⁴. Послы везли Ахмеду ответ (сохранившееся послание Мехмеда на персидском). После переговоров в орде турецкий посол был отпущен в сопровождении ордынского дипломата Азиза Ходжи. Текст ответного письма Ахмеда сохранился (Топкапы Е.6464).

Первая половина 70-х годов XV в. знаменуется оформлением русско-крымского союза, основанного на неприязненных отношениях двух сторон с Большой Ордой и Польско-Литовским государством⁶⁵. Большая Орда и Казимир также заключают договор о военном сотруд-

ничестве. Отныне долгое время политическая ситуация в европейском пространстве Джучиева улуса будет определяться противостоянием двух противоборствующих блоков.

В договоре (*шерт-наме*) между общиной Кырк-йера (мусульманами, караимами и армянами) и Менгли-Гиреем, составленном между январем и концом марта 1479 г.⁶⁶, специально было оговорено условие, по которому община обязывалась не давать убежище (дословно «не впускать в крепость») сына Хаджи-Гирея или Сейид-Ахмеда⁶⁷. И. Вашари совершенно справедливо предполагал в первом Нурдевлета, а во втором Джанибека⁶⁸.

В 1478 г., по Длугошу, в Польшу с посольством к Казимиру прибыл посол от крымского царя Нурдевлета (*Нурдулаба*), следовательно, какое-то время именно брат Менгли занимал крымский трон⁶⁹.

Неудача Ахмеда на Угре (1480 г.) и его скорая гибель вывели на арену его сыновей. В 1486 г. Иван III в грамоте русскому послу в Крыму, писал, что по сведениям русских гонцов, сопровождавших посольство в Крым и перехваченных ордынцами, «Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят идти на Менгли-Гирея на царя, толко не будет у него турецкого помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не идти, турков деи блюдутся добре ...»⁷⁰.

В Турции интересовались положением дел в Большой Орде. Летом 1486 г. Менгли-Гирей в письме Баязиду писал: «Что же касается Престольного (Владения), то известно, что положение их весьма тяжелое. (Нами) получено (их) письмо. К тому же (к ним) прибыл (наш) посол. Он все еще находится в Престольном Владении (Таht eli). Как только получим достоверные сведения, мы (сразу же) пошлем сообщение к Вратам Благоденствия»⁷¹. Можно предположить, что в это время Османская империя непосредственно не поддерживала политические контакты с Большой Ордой, видимо, вследствие внутренних неурядиц в Престольном владении. Сыновья Ахмеда, верные политической ориентации отца, продолжали поддерживать союзнические отношения с Польско-Литовским государством против Москвы и Крыма. Однако в самой Большой Орде не прекращались неурядицы и междоусобия⁷².

Во внешней политике Турции связи с единой некогда Ордой окончательно уступили место отношениям с самостоятельными государствами, образовавшимися в результате ее распада: Крымским, Казанским, Астраханским ханствами, Ногайским объединением и Московским государством. Османская империя, внимательно следившая за развитием событий в регионе, скорее всего, признавала за Москов-

ским государством права на часть золотоордынского наследства. В послании Баязида Ивану III от 1500 г. султан так обращался к великому князю: «А ты Божиим велением Русской и Восточной и Дешской стороны колка городов государь еси, великий князь Иван»⁷³. Под «Дешскими» городами подразумевалась, очевидно, какая-то часть владений Золотой Орды.

В конце XV в. в Османской империи, видимо, впервые обсуждаются планы возможного военного проникновения вглубь Восточной Европы. В опубликованной З. Абрахамовичем турецкой карте Украины с планом взрыва днепровских порогов показана атака османского флота на Киев (Man-Kerman). З. Абрахамович датировал карту 1497 г. — временем противостояния Порты с польским королем Яном Ольбрахтом, пытавшимся отвоевать у османов Белгород и Килию⁷⁴. Однако, этот источник сам по себе не может являться доказательством того, что Порты была готова на подобную военную авантюру. Карта является своего рода разведывательным донесением, а не планом реального похода. Вероятно, возникновение идеи такого предприятия было спровоцировано Крымом. Именно в этот момент планы Османской империи по отношению к Польше совпадали с притязаниями Крымского ханства на Киев — главную цель нападения флота согласно карте. Источник географической номенклатуры карты — татарский (крымский). Карта морейца Ильяса свидетельствует о том, что «османские» агрессивные замыслы в отношении Восточной Европы являлись скорее не османскими, а крымскими по происхождению, т.е. Крым, используя удобный момент, пытался втянуть Порты в осуществление своих планов в регионе. План похода турецкого флота на Украину так и остался планом. Порты, видимо, не желала столь дорогой ценой платить за амбиции своего вассала.

Победа над Большой Ордой в 1502 г. резко усилила амбиции Менгли-Гирея. Крымский хан, расправившись со своим основным соперником, начинает на правах наследника Орды претендовать на главенство над русскими землями. В 1507 г. Менгли-Гирей выдает ярлык литовскому князю Сигизмунду I на берега Днепра до его устья и на города Киев, Владимир-Волынский, Луцк, Каменец и Смоленск (находившиеся де факто в составе ВКЛ), а также на города, которые к тому времени входили в состав Московского великого княжества⁷⁵. По словам С.Ф. Орешковой, этот документ для начала XVI в. являлся явным анахронизмом, однако претензии Менгли-Гирея были тогда подкреплены впервые совершенным крымскими татарами в том же 1507 г. набегом на русские земли⁷⁶. В 1514 г. Менгли-Гирей тре-

бовал у Василия III восемь русских городов, якобы являющихся законным владением крымского хана; еще 35 городов хан «оставлял» великому князю в обмен на выплату дани. Помимо этого Менгли-Гирей, ссылаясь на ярлык 1507 г., запрещал Василию без собственного разрешения занимать в ходе войны с Литвой Смоленск, «пожалованный» крымским ханом Сигизмунду⁷⁷. Ультиматум 1514 г. был подкреплен вторжением крымских войск в пределы Московского великого княжества.

¹ Колли Л.П. Хаджи-Гирей и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Каффы с татарами в XV в. // ИТУАК, № 50. Симферополь, 1913. С.126, 128; Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) // ЗООИД. Т. VIII. Одесса, 1872. С.113—114.

² Колли Л.П. Указ. соч. С.124.

³ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990. С.37.

⁴ Волков М. Указ. соч. С.126—127.

⁵ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. IV. Київ, 1993 (репринтне воспроизведение издания — Київ-Львів, 1907). С.310, 311.

⁶ Сафаргаліев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций ...Из опыта образования и распада империй X — XVI вв. М., 1996. С.510.

⁷ См. также: Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475—1600). Ankara, 2000. S.485.

⁸ Колли Л.П. Указ. соч. С.132.

⁹ [Уляницкий В.А.] Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV — XVI вв. М., 1887. С.102.

¹⁰ Савельев П.С. Монеты ханов джучидская, джагатайская, джалаирская и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. СПб., 1858. С.325; Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896. С.51.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXIV. С.186.

¹² Горский А.А. О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // Вопросы истории. 1997. № 5. С.31.

¹³ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. IV. Київ, 1993. С.310.

¹⁴ Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями. Пер. с англ. с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899. С.193.

¹⁵ Сафаргаліев М.Г. Распад Золотой Орды... С. 511—513.

- ¹⁶ Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S.37—45.
- ¹⁷ Ibid. S.38—39; Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С.240—241.
- ¹⁸ Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II, вып. 2. Саратов, 1890. С.250.
- ¹⁹ Spuler B. Die Golden Horde. Die Mongolen in Russland (1223 — 1502). Leipzig, 1943. S.173—174.
- ²⁰ Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С.72.С.53.
- ²¹ [Starowolski Sz.] Muhammad II. Wielkiego Turká listy. Przez Szymona Starowolskiego... z łacińskiego języka na polski przelożone. Kraków, 1618. S.68; Spuler B. Die Goldene Horde. S.175.
- ²² Goloğlu M. Trabzon Tarihi: Fetihden Kurtuluşu kadar. Ankara, 1975. S.6.
- ²³ Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (2 половина XV — начало XVII века). Баку, 1991. С.71.
- ²⁴ Записки янычара. М., 1978. С.82.
- ²⁵ Там же. С.130, прим. 3 к гл. 31.
- ²⁶ Там же. С.22.
- ²⁷ Казимир IV Ягайлович.
- ²⁸ Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. М., 1916. С.177.
- ²⁹ Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата. С.71—75.
- ³⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.244.
- ³¹ Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора. М., 1986. С.137.
- ³² Негри А.Ф. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Т.1. Одесса, 1844. С.381.
- ³³ См. напр.: Записки янычара. М., 1978. С.20—21.
- ³⁴ Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk. Kraków, 1948. S.56.
- ³⁵ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1975. С.64, 70.
- ³⁶ Cronicele slavo-romine din sec. XV—XVI. Bucureşti, 1959 (Cronicile Medievale Ale României II). P.8, 45, 56; Семенова Л.Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Вып. I. Кишинев, 1972. С.212.
- ³⁷ Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı. Paris, 1978. P.59—65.
- ³⁸ Григорьев А.П. Указ. соч. С.57.
- ³⁹ Le Khanat... P. 41—44.
- ⁴⁰ Григорьев А.П. Указ. соч. С.57.
- ⁴¹ Стефан с 1472 г. (или даже с 1471 г.) был женат на мангупской княжне Марии (ее в источниках называют одновременно и «черкешенкой»). Умерла

она в 1477 г. См. Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1975. С. 27, 29, 39, 49, 64, 70, 71, 108.

⁴² Nasturel P.S. Din legeturile dintre Moldova și Criméa în secolul al XV-lea. Pe marginea unei inscripții grecești // Omagiul lui P.Constantinescu-Jași cu prilejul împlirii a 70 de ani. Bucureşti, 1965. P.261—265.

⁴³ Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., 1892. С.31.

⁴⁴ Там же. С.36; Пирлинг П.О. Россия и палатский престол. Кн.1. Русские и Флорентийский собор. М., 1912. С.175—177.

⁴⁵ Пирлинг П. Россия и Восток. С.37—39.

⁴⁶ Там же. С.39.

⁴⁷ Судя по ответу сенъории Ивану III, Тревизан в Москве был обвинен в тайных сношениях с татарами, что при сложившихся враждебных отношениях Москвы и Ахмеда, явно не устраивало великого князя.

⁴⁸ Cornet E. Le Guerre dei Veneti nell'Asia 1470—1474. Wien, 1856. P.98, 112; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С.179—187.

⁴⁹ Пирлинг П. Россия и Восток. С.64—65.

⁵⁰ Там же. С.66.

⁵¹ İbn Kemal Tevârih-i Âl-i Osman. VII.Defter (Tenkidli transkripsiyon). Ankara, 1991. S.389-391.

⁵² Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd.2 (bis 1538). Gotha, 1909. S.168; Garbacik J. Ibid. S. 49—50; Пирлинг П. Россия и Восток. С.106—107.

⁵³ Пирлинг П. Россия и Восток. С.108.

⁵⁴ Там же. С. 108—110.

⁵⁵ Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С.116.

⁵⁶ Пирлинг П. Россия и Восток. С.152—153.

⁵⁷ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С.219.

⁵⁸ Halasi Kun T. Monumentes de la langue tatar de Kazan // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). Vol.I. Budapestini, 1942; Halasi Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadigarları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi VII. 4. 1949.

⁵⁹ Т.е. Бор.

⁶⁰ Перевод по указанным изданиям Т. Halasi Kun 1942 и 1949 гг.

⁶¹ Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S.57.

⁶² Ibid. S.48, 50.

⁶³ Ibid. S.50; Султанов Т. Указ.соч. С.244.

⁶⁴ Григорьев А.П. Указ. соч. С.72—73.

⁶⁵ Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т.1. СПб., 1884. С.1—13. (далее РИО 1884).

ОЧЕРК ПЯТЫЙ
**ШЕЙХ-АХМЕД — ПОСЛЕДНИЙ ХАН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ОРДА, КРЫМСКОЕ ХАНСТВО, ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XVI в.)**

Положение Большой Орды (Taht Eli¹, т.е. Тронного или Престольного владения, как официально именовалось это государство) в конце XV в. определялось конфликтом с Крымским ханством. Косвенно этот конфликт грозил столкновением Орды и с Османской империей, стоявшей за спиной крымского хана. Союзником Крыма выступало также Московское государство.

Между тем, в отношениях Великого княжества Литовского² с Ордой «братство и прязнь» царили «от великого царя Батыея». Хан прочно держался за этот союз. Временно утратив контакты с Литвой, хан Шейх-Ахмед в середине 90-х гг. XV в. просил литовского князя Александра (взошел на престол ВКЛ в 1492 г., а с 1501 г. стал одновременно и польским королем) уведомить его о расстановке сил, противниках и союзниках Литвы. Александр не спешил восстанавливать прерванные смертью Ахмеда (отца Шейх-Ахмеда) контакты с Ордой: на целых 8 лет в Литве был задержан посол Тагир, а брат Шейх-Ахмеда Коджак не был признан литовским князем³. В 1497 г. Шейх-Ахмед снова выступил инициатором возобновления ордынско-литовских связей. Посольство от него, его брата Коджака, князей Хаджи-Гирея и Аеги выдвинуло предложение помочь Александру в борьбе против крымского хана Менгли-Гирея. Реакция Литвы была достаточно сдержанной и выжидательной: в 1498 г. Шейх-Ахмед упрекал Александра в несоблюдении обещания воевать против Крыма совместно⁴.

Между тем непростое международное положение Престольного Владения и острая внутринастийная распря усугублялись не менее острым хозяйственным кризисом: неурожаем и падеж скота ставили государство на край гибели⁵.

Летом 1498 г. московский посланец «в Волохи» Борис Одинцов доносил великому князю: «А нынеча, государь, ко царю к Менли-Гирею пришли вести из Орды из Ши-Ахметевы, а сказывают, государь, Орда та велми голодна и охудела. Да еще, государь, сказывают, приходили Черкасы на Большую Орду, да побии, государь, сказывают, татар

⁶⁶ Это гипотетическое время вычисляется так: документ датирован 883 г.х., который закончился 24 марта 1479 г. В апреле того же года Менгли уже принимал гонцов московского великого князя, причем известно, что до этого он уже посылал в Москву. Срок, необходимый для двух посольств (из Крыма в Москву и назад) — примерно 3 месяца. Следовательно, Менгли-Гирей снова занял престол незадолго до января 1479 г. У И. Вашари, вероятно, опечатка на с.299 (указан период между апрелем 1478 и январем 1479 г.).

⁶⁷ *Vásáry I. A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırtq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal. Vol. 26. № 3—4. (1982). P.294 (строки 18—19, факсимиле).*

⁶⁸ *Ibid. P.298—299.* Сама форма документа (он сохранился в поздней копии, или даже своего рода черновике) свидетельствует о том, что Кырк-йер обладал автономией внутри ханства, по крайней мере, в то время. Дело в том, что шерт-наме обычно заключались между независимыми контрагентами — т.е. между государями. Это единственный случай шерти, заключенной ханом со своим формальным подданным — общиной Кырк-йера.

⁶⁹ *Ibid. P.298. Długosii Historia Polonica. Vol.V. // Opera omnia. XIV. P.670;* Между прочим, его посол прибыл с османским дипломатом. Едва ли это случайное совпадение. См. *Kronika Marcina Kromera. Sanok, 1857. S.1283.*

⁷⁰ РИО 1884. С.53.

⁷¹ *Kurat A.N. Ibid. S.92; Le Khanat.. P.81—82; Григорьев А.П. Время написания... С.129.*

⁷² *Hamm J. Altpolnisches aus kroatischen Archiven // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd.II. Wien, 1952. S.175; Materiały do dziejow Dyplomacji Polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks Zagrebski). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966. S.97—99, № 33.*

⁷³ РИО 1884. С.289.

⁷⁴ *Абрагамович З. Старая турецкая карта Украины с планом взрыва днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969. С.76—85.*

⁷⁵ *Акты относящиеся к истории Западной России. Т. II (1506—1544). СПб., 1848. С.4—5.*

⁷⁶ *Орешкова С.Ф., Ульяновко Н.Ю. Россия и Турция. Проблемы формирования границ. М., 1999. С.14.*

⁷⁷ *Сборник Русского исторического общества. Т.95. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. II. СПб., 1895. С.153, 154; Орешкова С.Ф., Ульяновко Н.Ю. Указ. соч. С.14.*

Большой Орды добре много»⁶. Стремление ханов в плодородные районы Прикубанья наталкивалось на сопротивление «Черкас» (как тогда собирательно называли местное население — прежде всего адыгов). Сам Менгли-Гирей в июле 1498 г. писал в Москву, что готовит поход на Орду весной следующего года (время наибольшей бескормицы в степи), и что «Ахматовы дети истомны учинилися»⁷.

В конце ноября 1500 г. киевский воевода Дмитрий Путятич был направлен послом от Литвы в Крым. Задачей миссии было отвратить Менгли-Гирея от союза с Москвой, однако привлечь хана на свою сторону литовцам не удалось⁸.

В переводе устного сообщения Менгли-Гирея польскому королю Яну Ольбрахту (22 апреля 1500 г.), сохранившемся в составе так называемого Загребского кодекса (рукопись 4с.6 архива Хорватской Академии Наук в Загребе), ситуация в Заволжской Орде (так поляки называли «Большую Орду») описывается как крайне тяжелая: там царили рознь и голод.⁹

Летом 1500 г., по сведениям Менгли-Гирея, Орда собиралась пасти скот между Доном и Днепром — т.е. на территории, формально принадлежащей Крымскому хану и далекой от мест собственно ордынских кочевий¹⁰. Орда столкнулась с весьма серьезной проблемой: этот жизненно важный для Орды шаг угрожал столкновением с Портой — сюзереном крымского хана. В Орде совершенно справедливо не сомневались в отказе Менгли-Гирея от уступок территории. В этой непростой ситуации Шейх-Ахмед решает обратиться непосредственно к туркам, чтобы получить разрешение из первых рук. В августе 1500 г. в Москву прибывают письма Менгли-Гирея со следующей информацией: «Да пришел от Ших-Ахмет царя из Орды посол в Кафу к Шахзоде¹¹, Куюком зовут, с тем, чтобы еси велел нам покочевати к Непру; а там нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкес. И ты бы нам велел к Непру покочевать; а не велишь нам к Непру кочевать и нам таки кочевать ж. И Шагзода ему отвечал так: то земли и воды не мои, а земли и воды волного человека царя Менли-Гирея; будешь царю Менли-Гирею брат и друг, и ты и мне брат и друг; а яз тебе не велю кочевать к Непру; а то ведает отец мой»¹². По версии московского дипломата И. Кубенского, *шахзаде* Мехмед отвечал Куюку так: «яз тебе к Непру не велю кочевать, а то ведает отец мой да царь Менли-Гирей, земли и воды ко Непру пришли Менли-Гиреевы»¹³. Османы, верные своей ставке на Менгли-Гирея, не пожелали менять ситуацию в пользу врагов крымского хана.

Социально-экологический кризис в «Престольном владении» привел к бегству населения из ордынских улусов в Крым (так было и 1465 г., когда победа Хаджи-Гирея на Дону привела к оттоку большого количества населения из Орды на полуостров). В августе того же 1500 г. Иван Кубенский доносил в Москву: «Да пришел, государь, из Орды к Менли-Гирею ко царю служити Ебага улан с братом, Ченбулат улановы дети, до Кирей Менглишиков сын Китай; а с ними, государь, пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре. А Орду, государь, сказывают в Пяти-Горах¹⁴ под Черкасы, о голодну кажут и безконну добре; а между себя деи царь не мирен с братьею»¹⁵. В послании И. Кубенского, которое привезли в Москву в октябре 1500 г., московский наблюдатель повторял эти сведения: «А Орду, государь, кажут в Пяти-Горах под Черкасы, а голодна деи и безконна добре»¹⁶.

Осенью 1500 г. бегство из Орды в Крым продолжается: по сведениям И. Мамонова, к Менгли-Гирею приходит «Молзозода большой молна базарской Ахматовых детей», т.е. главный мулла ставки потомков Ахмеда¹⁷. Он сообщил хану, что Шейх-Ахмед готовит грядущей зимой («а ныне на синем леду Дон перейдем»; т.е. зиму 1500/1501 гг. Шейх-Ахмед готовился провести на Дону) совместный поход на Крым с литовским великим князем, а также снова пытается обойти Крым в вопросе о кочевьях на Днепре. На этот раз Шейх-Ахмед решил направить посла непосредственно к султану Баязиду (1481—1512 гг.). К нему он «посылал о том, чтобы им кочевать за Днепром на том поле от Белгорода». Но «турецкой на том поле Ши-Ахметю кочевать не велел и посла сказывает Ши-Ахметева не чтив отпустил»¹⁸. Отношения ордынского хана с османским падишахом явно не складывались.

Менгли-Гирей объявляет на полуострове мобилизацию в пятнадцатидневный срок всех воинов старше 15 лет, при этом призванные «до спеху и корму бы есте с собою имали много». Одновременно крымский хан спешит заручиться поддержкой Баязида. Согласно информации все того же И. Мамонова, «Менли-Гирей... царь сказывал..., что посылал к турецкому к Баязыт салтану, да и кафинский салтан к отцу своему к Баязыт салтану, сказывает царь посылал о том, что Ши-Ахмет царь хочет кочевать на их сторону к Непру. И турецкой ко царю грамоту прислал с тем: пойдет Орда, Ши-Ахмет царь, к вам, и ты бы с ним один на бой не поспешил. Да того бы еси отведал, каковы и колко их; да послал бы еси ко мне весть. А перейдет Орда за Днепр, и яз своих людей от Белгорода на них пошлю, а вы бы в ту пору с своей стороны на них по-

шли»¹⁹. В третьей грамоте И. Мамонова говорилось: «Орда нынеча худа, хотя то ся язали литовскому; а большое сказывают и без воли прикочевали к Дону за тем, что Муртоза ныне в Тюмени²⁰, а с Муртозою Азика²¹ князь; а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвсяля блюдет, затем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону»²².

В августе 1501 г. войска Менгли-Гирея и Шейх-Ахмеда встретились на Дону у устья реки Тихая Сосна. Однако, столкновения наизошло. Менгли-Гирей, сам испытав недостаток корма для коней («а конь устал, а корму не стало», «нынеча есмя потомилися, да и коне у нас истомлены добре и голодны есмья»), не торопился вступать в битву со все еще сильным, хотя и в значительной мере обескровленным противником. «Ши-Ахмет, недруг наш, охудел... а худы нынеча добре и пеши, и наги», — писал крымский хан в Москву, оценивая обстановку в Орде²³.

Между тем, 17 июня 1501 г. умер польский король Ян Ольбрахт (Альбрехт), и 23 октября в Мельнике великий князь литовский Александр принял унию с Польшей, подтвердив ее присягой²⁴. Затишье после противостояния в устье Тихой Сосны Шейх-Ахмед использовал для продолжения контактов с Литвой. К Александру был направлен посол Довлетек «просити Киева»²⁵.

Осенью 1501 г. после безуспешного «стояния» на Дону, Менгли-Гирей получил сведения, что зимовать Орда будет «на Усть Семи, а около Белгорода». В послании Ивану III крымский хан писал: «И яз велел пожары пускати, чтобы им негде зимовати; ино рать моя готова вся»²⁶. Тактика «выжженной земли» была не нова в степной войне. Еще в начале 80-х гг. XV в. Менгли-Гирей советовал киевскому наместнику Ивану Ходкевичу пустить пожар на Самаре и Орле — местах кочевий Большой Орды («доколь весна не зайдет, около Олера²⁷ а около Самара пожар вели пустити») ²⁸.

В качестве помощи от османского султана крымский хан получает в Кафе пушки, десять пушкарей и 100 человек «на пособ».

После 40-дневного стояния под Каневым Шейх-Ахмед двинулся к Чернигову, где умер его брат Джанай²⁹. Бегство из Орды усиливается, к Менгли-Гирею бегут даже пешие, семьями, с женами и детьми. По сообщению И. Мамонова в ордынских улусах господствует голод и страх; вымирает скот: «а хотели, сказывают, добре от них многие люди, чтобы как бежати назад, ино не на чем, безконны добре, а сказывают и охудали и кочуют на рознь»³⁰.

В поисках выхода Шейх-Ахмед пытается заключить с Москвой сепаратный мир, однако это ему не удается. Московско-ордынские переговоры в ходе обмена посольствами декабря 1501 — марта 1502 гг. заканчиваются почти ничем³¹. К коалиции Москвы и Бахчисарая, направленной против обескровленной голодом и рознью Большой Орды, готов примкнуть валашский (молдавский) воевода Стефан³².

Зимой 1502 г. Орда стояла у Киева на левом берегу Днепра. Необычно суровая зима окончательно измотала Шейх-Ахмеда. Его поражение становилось делом нескольких дней. Один из приближенных хана тшетно взывал к Литве: «Межы дву воин стоим: любо Мендлик-Кгерей воевати, а любо холопа Ивана... Естли борзю воиском не прыидете, тогда межы дву воин не можем постояти» ³³.

В начале мая посол крымского хана говорил от лица Менгли-Гирея великому князю в Москве: «Нынешние дни у нас завсе о те поры жнут, жаворонки гнезда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова ж была зима; а опричь того, яз такой зимы не помню»³⁴. Любопытно, что Менгли-Гирей сравнивает положение в 1465 г. (победа его отца Хаджи-Гирея на Дону над «Престольным владением») с ситуацией зимы-весны 1502 г. Действительно, сын словно действовал по сценарию отца, чем и обеспечил себе победу.

Весной бегство из Орды к Менгли-Гирею продолжается. В мае Шейх-Ахмед стоял на «Турпаче Воде» и на Суле³⁵. Голод в ордынских улусах сопровождается благоприятным положением в крымском лагере у Кобыльей Воды: «ныне у нас дал Бог корму много, в месяц и другой не чай того, что нам от него [от Шейх-Ахмеда — И.З.] воротится», — писал он Ивану III. Оптимизм Менгли вскоре оправдался: Орда рухнула под его ударом.

После разгрома лета 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей в ноябре того же года пишет своему союзнику московскому великому князю Ивану: «...отца своего цареву Орду достал еси... А нынеча из Асторокани человек мой приехал, Шиг-Ахмет в Асторокань приехал, Багатырь царевич, да Абекеримова брат, а вышел, с ним корешевались; а к Селит-Махмуту царевичю человека послали. А в нагаи к салтан Ахмат мырзе человека послав, говорили с ними»³⁶.

Перед Шейх-Ахмедом стояла задача создать коалицию, в которую вошли бы ногаи и представители астраханской династии³⁷. Как доносил в Москву русский посол в Крыму Алексей Заболотский: «А про Ши-Ахмата, государь, весть ко царю к Менгли-Гирею, что рекши царь Ши-Ахмат содиначился с своею братьею и с дядею с своим со царем с Абекеримом, да и с Нагаи; а хочет ити на Менгли-Гирея»³⁸. Однако

сил для открытой конфронтации с Крымом у Шейх-Ахмеда было явно мало³⁹.

В этих условиях он, видимо, решает вновь прибегнуть к дипломатической поддержке со стороны Османской империи. Свидетельство об этом сохранилось в московской дипломатической документации. «А царь, государь, Ши-Ахмат, кажут, послал своего посла во Царьгород к турецкому», — писал Заболотский в Москву⁴⁰.

Это указание полностью подтверждается османскими источниками. В так называемой «Тетради для записи благодеяний, милостей, почестей, отправок, обычных [выплат], [выплат] на слуг и проч. за год девятьсот девятый» (Defter-i müsevvedât-ı in'âm ve tasaddukat ve teşrifât ve irsâliyât ve 'âdet ve nukerîye Gayruhu vâcib-i Sene Tis'a ve Tis'a Mie)⁴¹ за месяц *мухарам аль-харам* (26 июня — 25 июля 1503 г.) сохранилась запись расходов послу Шейх-Ахмеда по имени Мухиддин (Be-cihet-i Muhiddin, Kaasid-i Şeyh Ahmed Han)⁴². Всего было учтено шесть позиций. Он получил: 1) наличными (nakdiye) 5000 [акче]; 2) сукно, бархат, позолоченную шелковую материю из Бурсы, а также платье; 3) платье конюшего из алого бархата из Бурсы (Câme-i mîrahorî, 'an Kadife-i alaca-i Bursa, sevb)⁴³. Кроме того ему было пожаловано: 4) серебряное блюдо; 5) два кубка *лари* (Kadeh-i Lârî; т.е. ларских — по городу Лар в Иране)⁴⁴, 6) тканый бархат из Бурсы (Kadife-i rişte-i Bursa), а также 7) два отреза материи *пешавери* (Peşaverî)⁴⁵. Каждому из его свиты (количество человек осталось неизвестным) было выдано платье из красной материи и платье из материи *пешавери* (Câme-i peşaverî, sevb).

Посол Шейх-Ахмеда прибыл в столицу Османского государства, скорее всего, в сопровождении другого ордынского дипломата — посла брата и калги Шейх-Ахмеда — Коджака (قوجاق). Его имя не указано в документе. Выдача послу султана Коджака была скромнее и составила: три тысячи наличными, платье конюшего из крапчатого бархата, произведенного в Бурсе, кубок *лари*, два тканых бархата из Бурсы (Kadife-i rişte-i Bursa), два отреза *пешавери*. Его свите было выдано красное платье (Câme-i kırmızı, sevb), выплачено казенное содержание ('Adet-i Hazînedârî — 1 982), а также жалованье, положенное гонцам ('Adet-i Çavuşî — 4040).

Казалось бы, падение Шейх-Ахмеда должно было негативно сказаться на его отношениях с Баязидом. Султан и ранее, как мы видели из материалов московско-крымского посольского обмена, не благоволил хану. Однако, сравнение размеров выдач послам Шейх-Ахмеда и Коджака с выдачей послу хана Менгли-Гирея (قاصد منکلی کریمخان)⁴⁶, по имени Лютфи, который также пребывал в столице Османской им-

перии в этом месяце, показывают, что выдача последнему почти равнялась (несколько уступая) тому, что получил безымянный посол Коджака. Мухиддин получил от османского двора намного больше. Лютфи было выдано: 3000 наличными, узорная *джеме* из Бурсы (Câme-i mînakkaş-ı Bursa), а также положенное казенное содержание и выплата для гонца ('Adet-i Hazînedârî ve Çavuşî — всего 4 500)⁴⁷.

Скорее всего, разница в выплатах послу Шейх-Ахмеда и Менгли-Гирея (в пользу первого) определялась статусом дипломата. Лютфи наверняка был не послом, а гонцом (он привез письмо хана и невольника — гуляма), именно поэтому его ранг был равен рангу посла Коджак-султана. Наше предположение косвенно подтверждается указанием на размеры пожалований, полученных несколько позднее (в *джемази-эль-ахире* того же 909 г.х.) слугами (nukerîye) Менгли-Гирея: выплата наличными составила всего лишь 1000 [акче], знакомую уже нам узорную *джеме* из Бурсы (Câme-i mînakkaş-ı Bursa), а также традиционные 'Adet-i Hazînedârî ve Çavuşî — всего лишь 250⁴⁸.

В то самое время, когда Мухиддин находился в Стамбуле, послы Шейх-Ахмеда были в Литве. 24 июня 1503 г. ханское посольство прибыло в Вильну⁴⁹.

Разгром Орды летом 1502 г., как видим, не окончательно выбил Шейх-Ахмеда из седла: кое-где с ним еще считались. Иван III, отвечая на просьбу Менгли-Гирея помочь против Шейх-Ахмеда, обещал крымскому хану поддержку, однако, этим конфликтом московский великий князь был, по-видимому, озабочен не столь сильно. Гораздо больше его интересовали планы Менгли-Гирея относительно Литвы.

Тем временем астраханцы (Астрахань с этого времени, вероятно, уже не подчинялась Шейх-Ахмеду ни формально, ни реально) не стеснялись себя ни в отношении московских послов в Кафу, ни в отношении к послам кафинского *шахзаде*: последние были ограблены, а много турков «побито насмерть»⁵⁰.

В 1503 г. Шейх-Ахмед, видимо, отчаявшись сплотить вокруг себя антикрымские силы, вновь присылал к Ивану с просьбой «достать» ему Астрахань в обмен на отказ от союза с польским королем. Первый раз он просит об этом у Ивана еще в 1502 г. (до октября)⁵¹. Но дожидаться помощи Москвы Шейх-Ахмед не стал и в начале июля 1503 г. (т.е. как раз, когда его посол находился в Стамбуле) осадил Астрахань вместе с ногайским мирзой Султан-Ахмедом: «а с Багатырем царевичем и с Аблекеримом царем ратны», — писал Иван III в Крым Менгли-Гирею в августе того же года⁵². В сентябре 1503 г. в наказе московскому послу в Крым И.И. Ошерину предписывалось говорить Менгли-Гирею

наедине: «А яз [т.е. Иван III — И.З.], аж даст Бог, хочю ему [Шейх-Ахмеду — И.З.] Азторокани доставати болшое твоего для дела, брата моего, чтобы от него тебе и твоему юрту лиха никоторого не было»⁵³.

Перспективе обрести Астрахань с помощью великого князя Шейх-Ахмед вновь предпочел попытку найти понимание у Баязида II. В августе 1504 г. Менгли-Гирей писал Ивану: «Ших-Ахмет царь з братьею своею, с Хозяком⁵⁴ и с Халеком со царевичи, оное осени вместе приехали из Нагай в Киев, и от Киева к Белугороду поехали, а от Белугорода хотели к Баазит салтану ехать. И Баазит салтан, послышел то, что Ших-Ахмет царь с братиею к нему едут, и он против их пашу послал с тем: коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менли-Гирей царь; кто Менли-Гирею царю друг, и мы тому друзи, а кто Менли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехать. Так молвя. И преведчи его в Белгород сатановы люди, да из Бела города их выбили. И сее зимы, с перевозимья, наши дети были в Новомгородке; и они, послышев Шиг-Ахмета, за ним гонялися...И Шиг-Ахмет, и Хозяк, и Халек, и Алчин⁵⁵ Тактамыш, восемь их, в Киев прибегли; и киевский воевода князь Дмитрий поймав, их на Вышгород ввел»⁵⁶.

Бегство Шейх-Ахмеда и его братьев в Белгород за помощью султана было чистой авантюрой. Возможно, братья апеллировали к старинной дружбе, связывавшей их отца и Мехмеда II Фатиха. Вряд ли это растрогало султана Баязида. Порта никогда бы не пошла на смену хорошо знакомого и удобного Менгли-Гирея кем-либо из Ахмедовых сыновей, поведение которых было трудно прогнозировать⁵⁷. Именно поэтому в Стамбуле решили остаться безучастными к просьбам Шейх-Ахмеда и фактически нейтральными к сложившейся ситуации, не предпринимая резких шагов. Порта предоставила возможность событиям развиваться практически без собственного участия. Распри Чингизидов ее не интересовали. Авантюра сына Ахмеда закончилась плачевно.

По Мацею (Матвею) Меховскому (в «Трактате о двух Сарматиях»), история Шейх-Ахмеда выглядит несколько иначе. К началу зимы 1500 г. хан, вызванный королем польским Альбертом и великим князем литовским Александром для борьбы против Менгли-Гирея, пришел к литовским пределам с 60 000 бойцов, «женщин же и детей с ним было свыше ста тысяч». Зима того года выдалась необычайно суровой: не выдержав холода и бескормицы в степи жена Шейх-Ахмеда, по предварительному сговору с Менгли-Гиреем бежала с большей

часть ордынского войска в Крым. Убыль воинов, сильнейший холод и наступление Менгли привели к тому, что Шейх-Ахмед «был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгород у Понтийского моря, что значит белый замок, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятьюдесятью конями и вышел на поле близ Киева. Правитель Киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильну к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно»⁵⁸. Однако вскоре, на сейме в Бресте хан был торжественно принят Александром, «вышедшим навстречу ему на милю из города. Затем в Радоме поляки решили отправить его обратно в Татарию за Волгу с несколькими тысячами легковооруженных, а чтобы возвращение его было удобнее и более приемлемо для его соотечественников, послали вперед Казака Солтана, брата Шиахмета». Хан прибыл за Волгу, однако вскоре, «идя в Литву для отправки воинов, был снова схвачен литовцами, по наущению Мендлигера, императора Перекопского⁵⁹, и заключен в Ковно, крепости близ Балтийского моря»⁶⁰. В своем сочинении, составленном, как указывалось, до 1514 г. и впервые напечатанном в 1517 г., Меховский писал о хане как пребывающем в заключении в Ковно⁶¹.

Сигизмунд Герберштейн почти полностью повторяет рассказ Меховского. Однако в его описании ряд деталей отсутствует, а ряд — не совпадает с «Трактатом о двух Сарматиях»: Шейх-Ахмед (Scheachmet) прибыл к литовским пределам, чтобы заключить союз с Александром против Менгли-Гирея. Литовцы, «по своему обыкновению», тянут с войною дольше, чем положено, между тем, устав от голода и стужи, супруга хана и его войско просят Шейх-Ахмеда оставить короля и заботиться о своих делах. Хан не внял этим убеждениям, и жена с частью войска покидает его, перейдя к крымскому хану Менгли-Гирею. Последний по наущению жены Шейх-Ахмеда разбивает его войска. Хан вынужден бежать с примерно 600⁶² всадниками в Альбу на р. Тирас [т.е. в Аккерман — Белгород Днестровский — И.З.] «в надежде вымолить помощь у турок. Заметив, что в этом городе на него устроена засада, он изменил маршрут и едва с половиной всадников прибыл в Киев. Здесь он был окружен и захвачен литовцами, а затем [по приказу польского короля] отвезен в Вильну. Там король встретил его, принял с почетом, и повел с собой на польский сейм⁶³...; на этом сейме было решено начать войну против Менгли-Гирея». Поляки долее, чем следовало бы, тянули со сбором войска, и хан, «сильно оскорбившись, стал снова по-

мышлять о бегстве, но при этом был пойман и доставлен в крепость Троки, в четырех милях от Вильны». Там Шейх-Ахмед содержался с почетом, но как бы под домашним арестом⁶⁴. 30 декабря 1517 г. Герберштейн обедал с ханом в Тракайском замке. За обедом, как пишет Герберштейн, «он толковал со мной через толмача о всевозможных делах, именуя цесаря своим братом и говоря, что все государи и цари — братья между собой»⁶⁵.

Рассказ Меховиуса о Шейх-Ахмеди без существенных изменений был повторен Блезом де Виженером⁶⁶, а также Бернардом Ваповским⁶⁷.

Согласно М. Бельскому и М. Стрыйковскому, события развивались несколько иначе: в 1501 г., хан вместе со своим братом (М. Стрыйковский называет его Назак или Козак) прикочевал под Киев. Шейх-Ахмед прислал к киевскому воеводе известие о своем прибытии, воевода решает принять хана и дать ему богатые дары. Однако вскоре хан бежит с тремястами конниками в Белгород (Аккерман). Приехав в Белгород, Шейх-Ахмед хотел плыть в Константинополь, чтобы просить у султана помощи против ВКЛ. Но, узнав об этом, султан приказал белгородскому *санджакбею*⁶⁸ поймать хана. После этого тот бежит к Киеву, где попадает в плен⁶⁹. Шейх-Ахмед на сейме в 1505 г. в Радоме произнес оправдательную речь перед панам и королем Александром и просил отпустить его из заключения в Заволжскую (Ногайскую Орду) к Каспийскому морю искать помощи против Крыма и Москвы. Вскоре хан пытался бежать из-под стражи и был отослан в Ковенскую крепость, где и умер «от тоски»⁷⁰. Польские хронисты, начиная с Меховского, скорее всего, неверно относили пленение хана к несколько более раннему времени.

Вероятно, в 1505 г. отношения Александра с Шейх-Ахмедом были вполне дружественными. Так, в этом году король выдал привилей⁷¹ пану Яну Заберезинскому «маршалку наивыжшему» ВКЛ «на прозвбу Ахмать царя Завольского, брата нашего»⁷². В том же году (22 февраля) на сейме в Берестье Шейх-Ахмед и его приближенные получили от короля довольно щедрые подарки⁷³. Однако вскоре отношения осложнились.

В 1506 г. татарская свита Шейх-Ахмед была частично обращена в невольников, а частично выкуплена литовскими татарами (взята на поруки)⁷⁴. В этой связи напрашивается предположение: не были ли эти действия своего рода репрессивными мерами за проступки хана, т.е. скорее всего, за попытку бегства или сношений с третьей стороной? Возможно, что поворот в отношении к хану определялся и иными обстоятельствами: 19 августа 1506 г. в Вильне умер Александр⁷⁵. Смерть

покровителя Шейх-Ахмеда, очевидно, могла многое изменить в его положении в Литве.

Великий князь литовский Александр пытался оказать давление на Менгли-Гирея, используя то, что дети Ахмеда оказались в его руках. Великий князь московский Иван успокаивал крымского хана, напоминая ему судьбу золотоордынского хана Сейид-Ахмеда: «Ино у Литвы того обычаа нет, чтобы кого поймав, да пустили»⁷⁶.

В 1506 г. в письме литовского посольства в Крым «радные» паны успокаивали Менгли-Гирея: «Теж што твоя млсть к нам в ярлыках своих пишеш, припоминаючи Шахметя, цара, и брата его Хожак-Солтана, ино, што ся тычет ездз Хожак-Солтана, и твоя млсть зрозумееш з ярлыков и с поселства брата своего, гсдра нашего; а што ся дотычет цара Шихг-Ахмитя, мы завжды перед тым гсдру нашему радили и тепере радим, аж бы цар Шихг-Ахметь на твое лихо николи пусчон был»⁷⁷. Тогда же радные паны ВКЛ в письме панам рады «коруны Полские» беспокоились о здоровье и дееспособности Шейх-Ахмеда и его окружения: «Теж припомянути их млсти о Шиг-Ахмата, царя Завольского, и о сыновьца, и о люди его, и о Нагайских татар, абы в живности помощи были»⁷⁸.

Хан-невольник был для Литвы прежде всего средством устрашения южного соседа — Крымского ханства. В 1509 г. (28 октября) Сигизмунд⁷⁹ в ответе на посольство прелатов и панов рады ВКЛ, отвечая на вопрос — выдавать или не выдавать Шейх-Ахмеда в Крым — задавался другим вопросом: «Так жо, естли бы не был подан, которою мерою на лето мела бы оборона от царя Меньдли-Кгирея быти?»⁸⁰. Шейх-Ахмед, тем временем, посылал к королю послов с просьбами отправить посольство к матери и братьям, которые находились в Ногайской Орде. В цитированном письме Сигизмунд писал панам: «Тыми часы тым жо Обьдулою, которого к нам прислал цар Шиг-Ахмать, всказывал к нам, абыхьмо посла нашего и его, к нему прилучивьши, послали к матце его и теж к брати его к Нагаем. Ино и то естли бы ся паном их млсти видело за подобно, их млсть нехай бы такова нашли и наменили, который бы там в наших делех ехал. Але иж бы тая речь, с которыми мает ехати, замкнута была в таемницах великих, яко бы царю Меньдли-Кгирею таковой слух не дошол, а бы напотом поледьняя злость не была горши первое. Какъжо и часу панованья славное памяти Александра короля его млсти и первей, коли его млсть слал Василя старого Глинського з дрожчаю (?) до нынешнего царя Шиг-Ахмата, коли онъ еще на своем царстве был, и потом коли Хожак-Солтана отпустили, вси тые поселства и справы царю

Меньдли-Кгирею в руки попали; для чего ж видит ся нам, абы и тое дело справовано было после послов перекопских за нужи Перекопскому. Яко бачим, не велми бы любо было, абыхъмо з Нагайскими которое звязане приязни вчинили, бо не радъ бы, абы мимо его инъде приязни исканы»⁸¹.

Шейх-Ахмед, даже столь долго находясь в Литве, не переставал беспокоить своим существованием Крым. В письме крымского хана Мухаммад-Гирея (сына Менгли-Гирея) османскому султану Сулейману, написанном весной 1521 г., его судьбе было уделено специальное внимание: «Наш старый притеснитель и враг (باغی عدومن) хан Престольного Владения⁸² Шейх-Ахмед-хан (تخت مملکتی خانی شیخ احمد خان) — узник Короля (قرل لره محبوبدر)⁸³». Далее хан сообщал, что опасается того, что в случае враждебных действий, король отпустит Шейх-Ахмеда⁸⁴.

Хан официально считался в Литве не пленником, а «гостем» короля. Этот статус не позволял ему получать какие-либо земельные пожалования в Литве⁸⁵.

Вступивший на крымский престол хан Саадет-Гирей также опасался возможного участия Шейх-Ахмеда в военных действиях Сигизмунда против Крыма. В 1523 г. при переговорах с московскими дипломатами обсуждались, в частности, условия помощи Саадет-Гирею в этом случае. В одном из проектов шерти крымского хана (менее желательном для Москвы) говорилось: «А нечто поидет наш недруг Жигимонт король с нашим же недругом с Шиг-Ахметем на меня на Саидет-Гирея царя придет, а хоти ты, брат мой князь(ь) велики Василей, с ними в правде будеш(ь) и тебе ему тогды правду сложити...»⁸⁶. Эту шерть следовало подписывать лишь в случае отказа хана утвердить первый вариант договора, в котором этого пункта не было. Саадет-Гирей в результате подписал первый вариант шерти, однако, не заверил его должным образом, что вызвало неудовольствие в Москве.

Столь долгое пребывание Шейх-Ахмеда в Литве, вероятно, сильно тяготило как литовцев, так и самого царственного пленника. Держать хана в заточении при полном его военном бездействии было довольно бесполезно, ибо многолетние угрозы Крыму со временем утрачивали убедительность (угрозы требуют подтверждения, иначе они остаются пустыми), с другой стороны при условии освобождения Шейх-Ахмеда у Литвы не было почти никаких рычагов давления на него (кроме, пожалуй, родственников — заложников) и гарантий его дружеской позиции к Литве (resp. враждебной Крыму). Как бы то ни было, в первой половине 20-х гг. в Литве смиряются с необходимостью отпустить хана⁸⁷. Из отписок русских послов в Литве известно, что

в 1523 г. король направил посольство к ногаям, «а у короля два посла ногайские о царе о Ших-Охмате». В то же время султан Сулейман, вероятно, предупрежденный крымским ханом, послал распоряжение валашскому воеводе, чтобы тот воспрепятствовал возвращению поляками плененного хана в Ногайскую Орду⁸⁸.

Между тем на великом сейме в Вильне в начале 1524 г. обсуждается вопрос об отправке Шейх-Ахмеда в Ногайскую Орду. Сигизмунд направляет панам специального представителя с посланием, однако, окончательного решения достигнуто не было. Литовское правительство отправило к «Заволжским и Ногайским татарам» дворянина Заморенка с предложением, чтобы сын Шейх-Ахмеда вышел в степь навстречу отправляемому из Литвы отцу. Заморенок был в Ногайской Орде задержан, и долгое время никаких сведений от ногаев в Литву не поступало. В конце 1524 г. созывается еще один великий сейм в Бересте, на котором снова обсуждается тот же вопрос. Заморенок к тому времени все еще находился в Орде, не вернулись и послы самого Шейх-Ахмеда, направленные к ногаям вслед за Заморенком. В связи с этим король просил панов подумать о том, что ему делать в случае, если послы не приедут и далее. В случае их возвращения необходимо было заблаговременно решить, кого без промедления послать с ними в Орду⁸⁹.

Переговоры о возвращении хана не остались незамеченными в Крыму. Московский посол в Турцию И.С. Морозов сообщал, что 15 февраля 1524 г. в Перекоп прибыл гонец от валашского господаря. Вскоре он был отпущен к хану Саадет-Гирею в Кыркор. «А говорили, деи, в Перекопи, — писал И.С. Морозов в Москву, — ага янычарский [т.е. янычарский ага — И.З.] и иные турки, что волошской крымскому прислал с тем: нагайские, деи, мырзы, Агыш⁹⁰ з братьею, присылали посла к литовскому королю о том, чтоб им король отдал Ашихмата, царя большие орды: «И только деи нам отдаш Шахмата, и царь, деи, да и мы будем с тобою в крепкой дружбе и поидем на крымскую орду задин. Король, пошли к Очакову судовую рать, а Шахмет царь поидет к Перекопу и к Крыму, да крымскую орду разорим, а города, деи, царю ненадобе, а Очакова и Ислама⁹¹ поступитца тебе, королю, а чтоб, деи, нашего недруга да твоего, крымской орды, меж нас не было». И король, де, Шахматца царя нагайским мырзам отдал»⁹². Яначарский ага, которого И.С. Морозов не называет по имени, очевидно, был частично дезинформирован валашским гонцом: в верные сведения о ногайско-литовских переговорах о выдаче Шейх-Ахмеда попала неподт-

вердившаяся информация об отпуске хана. В 1524 г. Шейх-Ахмед все еще был в Литве.

В ответе (отказе) короля и великого князя Сигизмунда панам рады ВКЛ в 1526 г. особо оговаривалось: «И естли бы теж люди пришли по царя Заволского от сына его, вша бы млсть, давши ему даток со скарбу его млсти земьского такъ, как ваша млсть и первой мели ему дати, и рачыли бы ваша млсть царя без умешканья к тым людям его до Киева и до Черкас отпустить и послали его до Киева проводити з войска некоторый почет людей, уставивыши под ними старьшого, кого бы ся вашей млсти видело...»⁹³.

Наконец хан был отпущен. «Тое ж весны по Велице дни, — сообщает Евреиновская летопись в записи 1527 г., — царя заволского пущено из Литвы на царство Заволское к сыну его, и проводили его много поветов до Киева, а ис Киева пенезные люди на поле уже встретили его, которые противу его посланы были от сына его. Те его в орду Заволские волости допроводили, а потом его сами ж зарезали»⁹⁴. В письме И. Замбоцкого И. Дантиско от 14 июня 1527 г. сообщалось, что Шейх-Ахмед был отпущен из Вильно в апреле и направился в Слуцк. 16 августа тот же Замбоцкий писал, что хан, пожалованный деньгами, платьем и конями, через Киев отправился на родину⁹⁵.

В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи сказано, что хан вернулся в свой улус — Астрахань («пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан») ⁹⁶. Вместе с Шейх-Ахмедом из Литвы на родину уехали и некоторые из его придворных («Абач-Сеит», князь Тохтамыш, князь Ямгурчи, другие князья и уланы числом «всего триста»). Любопытно, что семьи некоторых из них остались в Литве⁹⁷.

Отпуск престарелого хана на родину не прошел незамеченным в Крыму. Так, в 1528 г. в памяти московскому гонцу в Крым казаку Байкулу, в частности, говорилось: «А вспросят про Шиг-Ахмета царя, кто бывал лы, и им молвити: человек, г[осподи]не, есть у г[осу]д[а]ря нашего от Шиг-Ахмета царя». И слушати, что в Крыме молва про Шиг-Ахмета царя, где он ныне, и боят ли от него в Крыме на собя прихода, и кого с ним людей чают на Крым, и о какове поры, и что их мысль, как против его стояти хотят»⁹⁸. В крымских грамотах, привезенных в Москву в апреле 1528 г., отпуск хана из ВКЛ — одна из основных тем. Жена Саадет-Гирея Ширин-бек (т.е. ширинская княжна) в грамоте, датированной февралем 934 г.х. (в данном случае — 1528 г.), писала: «А недруг наш корол Ши-Ахмета царя выпустил нам да и тебе недружбу чинити»⁹⁹. Сын Саадета Бучка-Гирей султан повторял информацию: «Корол недруг нашъ, что Ши-Ахмета царя выпустил...»¹⁰⁰.

Московское правительство успокаивало Крым, утверждая, что, несмотря на присылку Шейх-Ахмедом посла Василию (Москва, конечно, утверждала, что посольство было только о «торговых делах»), «государь наш к нему человека не посылавал: без государя нашего послыски присылал своего человека. А дружбы меже г[осу]д[а]ря нашего и Ши-Ахмета царя нет»¹⁰¹.

Живя в Литве, Шейх-Ахмед женился на дочери виленского татарского хорунжего, князя Кадыша Петровича, представителя служилой татарской знати из клана *найманов*. Однако и этот брак оказался для Шейх-Ахмеда неудачным. Когда весной 1527 г. бывший хан был по просьбе ногайских послов отпущен, его жена осталась в Литве, приняла католичество под именем Дорота, а затем вторично вышла замуж¹⁰². Однако, вскоре она умерла (вероятно, уже в конце 20-х гг.). Шейх-Ахмед в письме к Сигизмунду просил наказать ее и прислать к нему оставленную в Литве дочь. Король отвечал на это: «царыца твоя замуж не шла и тепер(ь) на мestyцы своем мешкаетъ, а дочьку твою, когда на то воля твоя есть, до тебе есьмо отпустили с послы твоими»¹⁰³. Это известие о Шейх-Ахмеде — одно из последних. Измотанный долгим пребыванием в ВКЛ в качестве узника, вероятно, уже довольно пожилой хан вскоре умер. А вместе с ним и последнее воспоминание о былом могуществе Орды.

¹ Или иногда — Taht Memleketi.

² Далее — ВКЛ.

³ *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С.153.

⁴ Там же.

⁵ О событиях 1500—1502 г. и, в частности, о некоторых причинах крымской победы см. *Зайцев И.В.* Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. М., 1999. С.49—51. См. то же в: Поиск истоков (Social-Natural History, XVI). М., 2000; *Zaitsev I.* Osmanlı İmparatorluğu ve Taht Eli: Siyasi Münasebetler (XV—XVI Yüzyıllar) // «OSMANLI». Cilt 1, Bölüm 3. Ankara, 1999. S.253—258 (в последнем издании по вине переводчиков смысл статьи временами утрачивается).

⁶ Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т.1. СПб., 1884. С.255 (Далее — РИО 1884).

⁷ РИО 1884. С.263.

⁸ Воевода уехал 23 или 27 ноября. См. *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С.154, 161.

⁹ *Hamm J.* Altpolnisches aus kroatischen Archiven // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd.II. Wien, 1952. S.175; *Materiały do dziejow Dyplomacji Polskiej z lat 1486—1516* (Kodeks Zagrebski). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966. S. 97—99, № 33.

¹⁰ РИО 1884. С.301.

¹¹ Т.е. к *шахзаде* — сыну султана Баязида Мехмеду, наместнику Кафы. *Вали* (т.е. наместником или губернатором) Кафы традиционно назначался один из сыновей правящего султана.

¹² РИО 1884. С.321.

¹³ Там же. С.323.

¹⁴ Т.е. в районе Беш-Тау (совр. Пятигорск).

¹⁵ РИО 1884. С.322—323.

¹⁶ Там же. С.332—333.

¹⁷ РИО 1884. С.354.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РИО 1884. С.356—357.

²⁰ Имеется в виду Тюменское шевкальство в Предкавказье, а не сибирская Тюмень.

²¹ Это Халджике (т.е. Халжи-Ахмед б. Дин-Суфи) ордынский, а затем и крымский «князь» (бек), был беклярибеком Большой Орды.

²² РИО 1884. С.358.

²³ Там же. С.368.

²⁴ *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С.143—145.

²⁵ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С.155.

²⁶ РИО 1884. С.377.

²⁷ Нужно «Орела» (т.е. Орла).

²⁸ Сборник Муханова. Спб., 1866. С.24; Литовская Метрика. Отдел I. Часть I. Книги записей. Т.1 Спб., 1910 (Русская историческая библиотека Т.ХХVII). С.327.

²⁹ *Хорошкевич А.Л.* Указ.соч. С.156.

³⁰ РИО 1884. С.381.

³¹ *Хорошкевич А.Л.* Указ.соч. С.156.

³² РИО 1884. С.384, 414.

³³ *Хорошкевич А.Л.* Указ.соч. С.156. Посольство Шейх-Ахмеда прибыло в Новоградок 8 июля 1502 г., а назад было отправлено 12 марта 1503 г. из Вильны. Интересно, что у хана уже тогда были какие-то связи с османами: старший посол Шейх-Ахмеда «сеит от царя привел конь гнед, а от сее дал павезку турецкую; ино та павезка отдана Янушу Свиришовскому» (см. Скарбовая книга [Метрики Литовской] 1502—1509 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 28 (год 12). Симферополь, 1898. С.19, 21). Павезка — вероятно, некая материя или изделие из нее (ср. *павесьмо* — «пучок пряжи в сорок ниток». См. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.III. М., 1971. С.181). Имеются свидетельства существования и ордыно-османских торговых

связей. В «Трактате о двух Сарматиях» М. Меховского, написанном до 1514 г. и впервые опубликованном в 1517 г., есть упоминание о хождении в Заволжской Орде (т.е. к тому времени улусах уже бывшей Большой Орды, разгромленной Менгли-Гиреем в 1502 г.) аспров — серебряных турецких обол (Меховский *Матвей* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С.60). Если это так, то логично предположить существование торговых связей между Заволжской Ордой и Османской империей, видимо берущих начало еще в середине XV в. — эпоху правления Ахмеда.

³⁴ РИО 1884. С.414.

³⁵ РИО 1884. С.416—417.

³⁶ Там же. С.445. Необходимо внести поправку в чтение этого отрывка, предложенное публикаторами текста. Вероятно, всю фразу следует читать: «Шиг-Ахмет в Асторокань приехал. Багатырь царевич да Аблекеримова братья вышел, с ним корешевались...». «Аблекеримова братья» упоминается после в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею с И.Н. Беклемишевым (конец февраля 1503 г.): «...а что тебе сказывал про Шиг-Ахмета царя твой человек, — писал великий князь хану, — что будто содиначилися с ним Багатырь царевич и *Аблекеримова братья* [курсив мой — И.З.] и нагаи, а хотят идти на тебя: и к нам на зиме сей пришли наши люди из Азторокани, Копил с товарищи; и они сказывают, что Шиг-Ахмет царь и Хозяк царевич у Азторокани, тут де им и зимовати; а у них деи их людей мало, толко с пять сот человек; а болшие деи люди у Хозяка у царевича, и Хозяк царевич хочет к нам ехати, а Багатырь деи царевич хочет в Азторокань Сеит Махмута царя, или Шиг-Ахмета царя; а Аблекерима деи не хотят в Азторокани» (РИО 1884. С.456).

³⁷ *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. Полежаева. Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952. С.39. См. подробнее: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004.

³⁸ РИО 1884. С.451.

³⁹ Там же. С.456—457.

⁴⁰ Там же. С.451.

⁴¹ 909 г.х., т.е. 26 июня 1503 г.— 13 июня 1504 г. Подобные тетради представляли собой отчеты, которые велись казной для записи выдач и расходов на иноземных послов, гонцов и т.п.

⁴² *Barkan Ö.L.* Istanbul Saraylarına ait Muhasebe Defterleri // Belgeler. Cilt IX, Sayı 13 (1979). Ankara, 1979. S.300.

⁴³ *Саме* (جامه) — в широком смысле, любая одежда, одеваемая на спину, накидка (см. *Pakalin M.Z.* Osmanlı deyimleri ve terimleri sözlüğü. Cilt 1. Fasikül III. İstanbul, 1947. S.255.

⁴⁴ *لازی* (?) в тексте, что вызвало обоснованное недоумение публикатора (*Barkan Ö.L.* Op. Cit. S.300).

⁴⁵ Скорее всего, это слово *باجاوره*, обозначающее такие понятия, как «ветошь, тряпка, платок, салфетка» (См. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турец-

ко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869. С. 307). Т.е., возможно, здесь имеется в виду просто некий платок. Вероятно, то же, что *pişurî/puşurî* — т.е. некая шелковая одежда (см. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. Vol. I: *İnalçık H. The Customs Register of Caffa, 1487—1490*. Cambridge, 1996. P. 194).

⁴⁶ Менгли назван «ханом татар» (*Hân-ı Tatarân*).

⁴⁷ *Barkan Ö.L.* Op. Cit. S. 301.

⁴⁸ Ibid. S. 328.

⁴⁹ Скарбовая книга. С. 21.

⁵⁰ РИО 1884. С. 462.

⁵¹ Там же. С. 435, 482; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI. М., 1998. С. 189, 307—308, прим. 527.

⁵² РИО 1884. С. 486.

⁵³ Там же. С. 489.

⁵⁴ Это уже знакомый нам Коджак.

⁵⁵ Это не имя, а клановая принадлежность Тохтамышпа. Он был из *алчинов* (ср. с «алчиновым местом» в Золотой Орде, аналогичном «Айдарову месту» при крымском хане. См. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып. 61. История. Т. II. М., 1940. С. 36). Так, например, представители кланов *алчин* и *мангыт* жили в Астраханском ханстве (помимо *кунгератов*, составлявших, вероятно, при астраханских ханах главенствующую клановую группу). *Алчином* был астраханский князь Тиниш (см. *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы в XV—XX веках // Татары. М., 2001. С. 115—117). *Алчины* — старый ордынский род, представители которого были белгербеками (например, беглербег Большой Орды Темир б. Мансур так писал Казмиру: «а с прироженья царов слуга есть, от предков царей Альчиново место есть, великий человек есть»). См. Литовская Метрика. Отдел 1, Часть 1. Книжки записей. Т. I. СПб., 1910 (РИБ Т. XXVII). Стб. 357.

Существование в Астраханском ханстве института беев-*карачи* не вызывает сомнений. Скорее всего, структура властной элиты ханства была организована традиционным для Джучидских государств XV—XVI вв. образом: четыре правящих клана (при различиях в наборе конкретных кланов), к которым позже добавился еще один — мангыты (см. *Исхаков Д.М.* Указ. соч. С. 117).

⁵⁶ РИО 1884. С. 509. Киевский воевода князь Дмитрий Путятич в том же 1503 г., согласно Бартошевичу, умер. Еще один Дмитрий Путятич был послом в Османскую империю в 70-х гг. XV в. и умер во время посольства (*Bartoszewicz J.* *Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami*. Warszawa., 1860. S. 149—150). Хан оказался в Киеве, скорее всего, в самом конце 1503 г. В Литовской метрике указано, что гонцы Шейх-Ахмеда из Киева приехали в том же 1503 г. (см. Скарбовая книга. С. 36).

⁵⁷ Хвастливый тон письма Менгли-Гирея Ивану, в котором он писал, что турки называли его «другом и братом» был, конечно, не оправдан. Анализ посланий Менгли в Турцию и ответных посланий в Крым показывает, что так называть его султан не мог. Если еще в 1469 г. Менгли-Гирей называл султана братом, не называя его имени и ставя подробную дату на документе, то после-

дующие послания хана демонстрируют полное падение его значения в глазах адресата: исчезает квадратная тамга, подпись хана становится все более уничижительной («Раб Ваш Менгли-Гирей»), дата все менее конкретна, а затем и совсем исчезает (*Григорьев А.П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ № 419, Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987. С. 130—132). Тон письма был демонстрацией силы «старшего брата», готового помочь в беде, и одновременно собственного равноправия по отношению к султану. В Москве знали реальное положение вещей и вряд ли обольщались на этот счет.

⁵⁸ *Меховский Матвей* Указ. соч. С. 65.

⁵⁹ Т.е. крымского хана Менгли-Гирея. Поляки часто называли хана «императором Перекопским», а Крым «Перекопской Ордой».

⁶⁰ *Меховский Матвей* Указ. соч. С. 66.

⁶¹ Там же. С. 65. Меховский, как известно, путал Шейх-Ахмеда с Сеид-Ахмедом, который несколько десятилетий до этого действительно томился в Ковно (см. Там же. С. 91 и прим. на С. 240), поэтому здесь название Ковенской крепости, скорее всего, часть биографии Сеид-Ахмеда.

⁶² Как отмечают комментаторы С. Герберштейна, в латинском тексте стоит неясное *sexingentis*. У Меховского, как мы видели, число бежавших с ханом коней (т.е. всадников) — 300.

⁶³ Сейм в Бресте, где король находился с 8 февраля по 15 марта 1505 г. (См. *Герберштейн Сигизмунд* Записки о Московии. М., 1988. С. 344). По Стрыйковскому, на сейме в Бресте, Александр торжественно принял Шейх-Ахмеда; сидя с ним в богатом шатре, он возвел в рыцарское достоинство множество поляков, литовцев и татар, причем хан тоже принимал в этом участие (см. *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 454).

⁶⁴ *Герберштейн* Указ. соч. С. 182—183.

⁶⁵ Там же. С. 183 (344). Комментаторы Меховского считали, что это происходило весной 1517 г. (см. *Меховский* Указ. соч. С. 240).

⁶⁶ *Виженер Блез де* Извлечение из записок // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев, 1890. С. 83—84. (Блез де Виженер — автор компилятивной записки о Польше и ее соседях, написанной и отпечатанной в 1573 г. в Париже для Генриха Валуа, избранного польским королем). Рассказ отнесен к 1500 г.

⁶⁷ *Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec kantora katedr. Krakowskiego. Część Ostatnia. Czasy podługoszowskie obejmująca (1480—1535)*. Kraków, 1874 (*Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus II*). S. 47—48. Рассказ отнесен к 1501 г.

⁶⁸ Правитель сандажа (военно-административной единицы в Османской империи, подчиненной более крупной военно-административной единице — *эйялету*) и глава его вооруженных сил. Назывался также *мирлива*, или позже *мунтасаррыф*.

⁶⁹ *Kronika Polska Marcina Bielskiego. Księgi IV—V*. Warszawa, 1830. S. 69; *Strykowski Maciej* *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y Wszystkicy Rusi etc. w Krolewcu*. [Königsberg], 1582. S. 686; *Strykowski Maciej* *O początkach, wywodach,*

dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemo-
dzkiego i ruskiego... Warszawa, 1978. S.568—569.

⁷⁰ Kronika Polska Marcina Bielskiego. S.79, 82, 88; *Strykowski Macej* O pocz-
tkach... S.577—578.

⁷¹ Пожалование.

⁷² Акты Литовской Метрики. Собраны засл. Проф. Имп. Варшавского
ун-та Ф.Леонтовичем. Т.1, Вып. 2. 1499—1507 гг. Варшава, 1897. С.152 (№ 698).

⁷³ Роспись см. Скарбовая книга. С.44—46.

⁷⁴ См. Акты Литовской Метрики. С.172 (№ 730, Описание татар Заволских,
которые на поруку розданы). См. также С.197 (№ 772, Описание татар, кото-
рых по розных дворах роздано). Так, некий «Ахмет улан» за сто коп грошей вы-
купил посла Коджака-султана «Всейна» (т.е. Хусейна) и др.

⁷⁵ *Любавский М.К.* Указ. соч. С.148.

⁷⁶ РИО 1884. С.552.

⁷⁷ *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории Панов-
Рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901. С.123—124 (№ XIX).

⁷⁸ Там же. С.128 (№ XXI).

⁷⁹ Сигизмунд (по-польски, Zygmunt) I Старый Казимирович (1467—
1548 гг.) — с 6 декабря 1506 г. по 1545 г. король польский из династии Ягелло-
нов, великий князь литовский (с 20 декабря 1506 по 1544 г.).

⁸⁰ *Малиновский И.* Указ. соч. С.144 (№ XXVIII).

⁸¹ Там же. С.145—146. Таким образом, Сигизмунд особо настаивал на
строжайшей секретности посольства, ибо предыдущие (что для нас особенно
важно — посольство брата Шейх-Ахмеда Коджака) были перехвачены крым-
цами.

⁸² Т.е. бывшей Большой Орды.

⁸³ Это название польского монарха (а также польских и украинских зе-
мель) было довольно распространено в османских, крымских и среднеазиат-
ских источниках (см. напр. *Утемиш-хаджи* Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
Л.41а, с.96 перевода), см. также экскурс А.П. Григорьева (*Григорьев А.П.* Пись-
мо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ № 419, Серия востоковедческих
наук. Вып.29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987. С.133). Страной «Король» на-
зывал украинские земли во владении Польши, например, Эвлия Челеби (*Эвлия
Челеби* Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму
(1641—1667 гг.). Симферополь, 1996. С.197, 214, прим.80 и 311). См. также
Oeuvres Posthumes de Paul Pelliot. II. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris,
1949. P.115—162.

⁸⁴ *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée face a la
Moscovie en 1521 // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique.* Vol. XII, № 4. Paris — La
Haye, 1971. P.487; Le Khanat de Crimée dans les archives du Musee du palais de
Topkapı. Paris, 1978. P.113 (шифр E.1308(1301)/2). Поправка к переводу и допол-
нения к описанию см. *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean
Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman
Relations // *Turcica. Revue d'etudes turques* 19 (1987). P.262, 269. Тахсин Джемил

опубликовал также румынский перевод этого документа. См. *Gemil T. Din
Relatiile Moldo-Otomane în Primul Sfert al Secolului al XVI-lea (Pe Marginea a Două
Documente din Arhivele de la Istanbul)* // *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie*
«A.D.Xenopol». IX. Iași, 1972. P.137.

⁸⁵ *Думин С.В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—
XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследо-
вания. 1987. М., 1989. С.113.

⁸⁶ РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.6, л.44.

⁸⁷ Вероятно, косвенным образом это было связано и с изменением поло-
жения в Крыму (смерть в астраханском походе крымского хана Мухаммед-Ги-
рея, ногайское вторжение на полуостров, кратковременное занятие трона Гази-
Гиреем и османское вмешательство — постановка Саадет-Гирея).

⁸⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С.173.

⁸⁹ *Любавский М.К.* Указ. соч. С.233, 235.

⁹⁰ Ногайский мирза. В 1523 г. вместе со своим двоюродным братом Мама-
ем убил крымского хана Мухаммед-Гирея под Хаджи-Тарханом (Астраханью).
О нем см. *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С.166 и далее, 656 (Схема II).

⁹¹ Крепости на Днепре — Очаков (Озю — по-турецки, Джан-Керман — по-
татарски) и Ислам-Керман (крепостца на левом берегу у перевоза Тавань), по-
строенный Менгли-Гиреем около 1504 г.

⁹² *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI
веке. М., 1916. С.70. В данном случае, как пишет В.В. Трепавлов, действовала
обычная для ногайской истории схема: «бий стремился заполучить послушно-
го монарха, вытребовать у того беклербекство и тем самым обессмыслить все
притязания со стороны родичей» (см. *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С.177).

⁹³ *Малиновский И.* Указ. соч. С.184 (№ XL).

⁹⁴ Полное собрание русских летописей. Т.XXXV (Летописи Белорусско-
Литовские). М., 1980. С.235 (также — С.170; 192 — с датой 1528 г.; 213).

⁹⁵ *Acta Tomisiana. Tomus nonus. A.D. MDXXXVII. Posnaniae, MDCC-
CLXXVI.* S.211, 252.

⁹⁶ *Утемиш-хаджи* Чингиз-наме. Л.41 а. Между прочим, это упоминание
может косвенно служить одним из оснований для датировки самого «Чингиз-
наме» («Тарих-и Дост султан» в списке А.З. Веледи Тогана). Опираясь на него,
можно предположить, что Утемиш-хаджи — поначалу писарь (*кятиб*) при дво-
ре Ильбарс-хана (1512—1525 гг.) мог написать свой труд (по крайней мере,
в этой его части) только после 1527 г. и до 1558 г., когда был убит Иш-султан
(заказчик произведения).

⁹⁷ *Думин С.У., Канапацкі І.Б.* Беларускія татары: Мінуслае і сучаснасць.
Мінск, 1993. С.57.

⁹⁸ РГАДА, ф.123, оп.1, ед. хр.6, л.163.

⁹⁹ Там же. Л.173—173об.

¹⁰⁰ Там же. Л.174об.-175. См. также грамоту Василия III Саадету с предло-
жением хану идти войной на Сигизмунда в связи с отпуском Шейх-Ахмеда (Там
же. Л.187об.).

¹⁰¹ Там же. Л. 197об.-198 (память Б. Блудову в Крым, 1529 г.)
¹⁰² Думин С.В. Указ. соч. С. 108—109. Еще один ордынец — «Узбек» («Азубек») — султан, который, вероятно, был близким родственником Шейх-Ахмеда, после возвращения последнего был оставлен в Литве заложником вместе с братом Шейх-Ахмеда Халеком и женой Шейх-Ахмеда. Этот Узбек женился на дочери крымского заложника в Литве (затем ширинского карачи) княжне Зане (Зое) Маликшевне, оставил сыновей — Богатыр-солтана, Джаная и Чингиса и стал, таким образом, основоположником династии царевичей Острынских. См. Думин С.В. Указ. соч. С. 110.

¹⁰³ Думин С.В. Указ. соч. С. 109.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

МНИМЫЙ ПРОТЕКТОРАТ: КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XVI в.

Предпосылки идеи османско-татарского альянса, направленного против России и стран Европы, можно найти уже в русской публицистике и литературе XVI в.¹ Однако, расцвет историографической концепции, как нам уже приходилось указывать, приходится на XX в. Если в работах конца 30-х гг. подчеркивалось, что актуальность восточного вопроса во внешней политике России при Иване IV определялась фактом наличия системы постордынских государств, «стремившихся к гегемонии в Восточной Европе»², то вскоре историки главным претендентом на первенство в регионе стали считать Турцию, а эти государства послушными орудиями в осуществлении замыслов Османских султанов. Вопрос о золотоордынском наследстве начинает увязываться с характером русско-турецких отношений³. Наряду с группировкой аристократии, делавшей ставку на союз с Москвой, крупной политической силой в Казанском ханстве в конце XV—начале XVI в. считали партию, ориентировавшуюся на Крымское ханство и Турцию⁴. Казанские события весны 1524 г. (когда Сахиб-Гирей «заложились» за султана) стали рассматривать как «поворот в русско-турецких отношениях от дружественных к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики Турции, которая провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы»⁵. Симптомы разложения идеи стали видны уже в работах Л.Н. Гумилева⁶. Следуя, в целом, схеме, он, однако, отходил от нее в вопросе реальности турецкой угрозы для России в Поволжье.

В последнее время наблюдается явный отход от предвзятого рассмотрения османско-московско-ордынских отношений. Высокая степень заинтересованности и участия Турции в судьбе постордынских государств (за исключением Крыма), агрессивная политика Османской империи по отношению к народам Поволжья и России подвергаются сомнению. Оценки действий турецкой дипломатии в восточноевропейском регионе становятся более сдержанными, хотя интересы Порты в регионе не отрицаются⁷. Центр тяжести антирус-

ской политики на Востоке смещается в работах историков из Стамбула в Бахчисарай⁸. Мягче звучат оценки территориальных приобретений России и Турции в зоне общих геополитических интересов⁹. Справедливо критикуются работы 50—60-х гг., часто жертвовавшие фактами ради абстрактной схемы. Например, С.Х. Алишев, считает, что Сахиб-Гирей лично действительно был вассалом турецкого султана, но это не имело никакого отношения к Казанскому ханству. Словесное объявление не означало установления турецкого протектората, поскольку в том же 1524 г. хан Сафа-Гирей дал шертную грамоту Василию III, признав свою зависимость от Москвы¹⁰. Еще более определенно высказался по этому поводу М.А. Усманов¹¹. По мнению С.Ф. Орешковой и Н.Ю. Ульченко, казанские события 1521—1524 гг. следует оценить как дипломатический зондаж, а не реальные политические цели Османской империи¹². Однако при общем скептическом отношении к возможности установления турецкого протектората над Казанским ханством некоторые исследователи все же утверждали, что сам факт предложения со стороны Сахиба имел место¹³.

Несмотря на изменение общего мнения относительно османского «протектората» и здравый скептицизм в этом вопросе, конкретного и опирающегося на источники исследования, доказывавшего, что османы не имели реальных интересов в Казани в середине 20-х гг. XVI в., до сих пор не появилось. Эпизод русско-османских отношений 1524 г., связанный с так называемым «турецким протекторатом» над Казанью, заслуживает отдельного рассмотрения.

Следы заинтересованности османов в казанском вопросе можно как будто бы найти еще много ранее. В 1513 г. Селим Явуз в одном из ответных писем в Москву великому князю Василию (оно было написано на сербском) просил об отпуске в Крым бывшего казанского хана Абд-ал-Латыфа (сына казанского хана Ибрахима и Нур-Султан, которая позже — в 1480 г. стала женой Менгли-Гирея)¹⁴. Однако, вряд ли стоит искать тут сугубо османское участие в судьбе Казани. «Нет оснований, — пишет М.С. Мейер, — сомневаться в интересе Порты к делам ханств Поволжья, в ее стремлении укрепить там свое влияние, но нужен ли был для этих целей Абдул-Латиф, показавший себя довольно слабым правителем в 1497—1502 гг.»¹⁵.

Ясно, что это послание было написано по инициативе Менгли-Гирея и было продиктовано фактически материнскими чувствами Нур-Султан. Текст письма не оставляет в этом сомнений: «И усем видом да тие сегашние време царства ми стриц¹⁶ почтенние и великие господарь Менгели-Гирен-хана приятель Казан-ханья брат на име Абдул-Латиф-

хан шое есь у господство ви сожан; а ваше господство ви добре знае, какое ему вишеречением Менгели-Герен-ханом добро приятели нулюбави живо ему такогер есьму и сас вами братья и приятели и добри соседи вашег добраприятелства уздающе царства ми почтеннием слогом Кемалом любавно книго посласму до господство ви наше добре любаве воле ради вишереченного Абдул-Латиф-хана да ослободите тере царства ми рабом речением Кемалом до Менгели-Герей-хана пошлете, а до овои господство ви имаму вели кохар¹⁷. Тако да знаете и за све Бог вас да весели у здравие»¹⁸. Грамота была написана в Стамбуле 1 августа 1513 г. Любопытно, что Камал Феодорит, грек, возглавлявший посольскую миссию от Селима Явуза к Василию III, выехал из Стамбула в Москву также 1 августа 1513 г. Это значит, что грамота была написана буквально в последний момент. Московское правительство нисколько не было озадачено, а тем более напугано этой просьбой. Камалу ответили в том же духе и в тех же выражениях, как до этого отвечали на аналогичные просьбы из Крыма¹⁹.

Османы поддерживали мирные отношения с Москвой (даже запрещая изредка крымскому хану ходить на московские уkraine)²⁰, но, в общем, мало интересуясь московскими событиями и развитием серьезных политических контактов, довольствуясь лишь выгодами торговли. В Москве же всячески стремились сохранить мирные отношения со Стамбулом, поддерживать не только торговые, но именно политические связи, пеклись о продолжении дружбы с султаном, надеясь повлиять, в частности, и на хана²¹. Московские государи прекрасно представляли себе силу османов, и ссориться с ними было явно не в их интересах. Несколько эпизодов особенно хорошо рисуют нам эту обеспокоенность Москвы и стремление обезопасить себя. В 1528 г. на московском подворье заболел и умер османский посланник. При описи оставшегося после его смерти имущества приставы случайно обнаружили письмо, в котором покойный извещал султана о том, что Василий III, узнав о поражении турецкой войск в Венгрии, на радостях приказал звонить в колокола. Письмо было тут же изъято²². Турецким дипломатам, вообще, представлялась свобода передвижения по городу, но, например, в 1591 г., когда в столицу прибыло персидское посольство, турок заперли на подворье: в Москве не хотели, чтобы шах и султан знал о том, что русское правительство поддерживает отношения с обоими²³.

Вместе с тем, московские политики никогда особо не опасались обсуждения казанского вопроса в контексте отношений со Стамбулом: Казань никогда или почти никогда не вставала препятствием в развитии московско-османских контактов.

В 1521 г. в Казани произошел переворот и на престоле, вместо русского ставленника Шах-Али, оказался брат крымского хана Мухаммед-Гирей — Сахиб-Гирей. Мухаммед-Гирей уведомил султана специальным письмом о посольстве из Казани в Крым с просьбой прислать нового хана, отъезде Сахиба в Казань и занятии им престола в 1521 г.²⁴ Это письмо содержит ряд выпадов против великого князя и его политики по отношению Казани: *Москов беги* изгнал из города *кади*, назначил христианских «священников» — *рухбан*. Он построил церкви (*киниса*) и будто бы приказал мусульманам присутствовать при обрядах неверных (*Атин Кфры*), и вообще действовал вопреки шариату. Чтобы помочь Сахиб-Гирею Мухаммед-Гирей готовил войска, о чем и сообщал падишаху.

Крым всегда был традиционным источником сведений о событиях в Казани для Стамбула²⁵. Именно поэтому, происходящее в далеком от Босфора городе в корреспонденции Гиреев было сильно окрашено крымскими тонами: крымские ханы всегда подавали казанский вопрос в соответствии со своими интересами.

Смерть самого Мухаммед-Гирея в 1523 г. позволила туркам утвердить в Крыму более покладистого хана — Саадет-Гирея. При нем турецкое влияние сильно возросло²⁶. «А тому нашему царю счастливой хандикер²⁷ как бы родной отец. Там у него жил и взросл, и что тамо видел, которой у турецкого обычай, и у него тот же обычай», — писал один из крымских вельмож Девлет Бахты²⁸. Однако, никакого поворота во внешней политике Турции по отношению к Московскому великому княжеству не произошло. Более того, Саадет-Гирею был, видимо, дан наказ поддерживать дружбу с Москвой. Он сам пытался помирить Москву с Казанью. Имела место попытка реставрации союза Московского государства и Крыма по образцу договору Ивана III с Менгли-Гиреем. Основой этого соглашения должны были стать два условия: московский заем Крыму в размере 60 000 алтын и осуществление общей враждебной политики по отношению к Польско-Литовскому государству²⁹.

Идея поставить московское правительство перед опасностью развязывания конфликта с Турцией была умело спланированной провокацией Саадет-Гирея. Османский посол Искандер (ренегат из мангулских греков) до приезда в Крым вместе с русским послом оценивал свою задачу в Москве весьма невысоко: его миссия сводилась лишь к покупке соборей для султана. В Москве об этом прекрасно знали: «А Скиндерь большее, сказывают, идет на Салтана рухляди купити... А дела за ним великого не чают... И урядства на нем не никоторого и близко Салтана не живет»³⁰. Ибрахим-паша в Стамбуле говорил мос-

ковскому послу И.С. Морозову: «государь наш посылает Изкиндеря с тобою вместе з деньгами соборей купити, да и тобя проводити, а не посольством». На пути из Аккермана до Перекопа сам Искандер говорил Морозову: «Ныне, деи, яз иду не посольством ... и речи, деи, от Салтана к вашему государю за мною не великие»³¹. Лишь по дороге из Кафы в Перекоп Искандер заявил: «а иду ныне от государя к государю с великими делы»³². Такое резкое изменение целей посольства произошло, видимо, после консультаций Искандера с Саадетом и его окружением. Причину этого следует искать в московско-казанских отношениях. В письме И. Кольчева, доставленном в Москву в марте 1524 г., московский посол в Крыму сообщал государю: «за две недели... Рожства Христова, из Казани от Саип-Гирея царя к Саидет-Гирею царю в Перекоп посол пришел Шаусейн сеит. А привез... от Саип-Гирея царя к Саидет-Гирею царю поминков две девяти да от собя девят. А в деветех... — суды серебряные, да плат(ь)е, да кони. А гороворил [так в тексте. — И.З.] сеит от Саип-Гирея царя Саидет-Гирею царю: ныне ча княз великий московской поставил город на Суре на реке. А достоваючи подо мною моего юрта Казани. И ты б ко мне прислал пушек, и пишалей, и янычан, а не пришлеш ко мне пушек, и пишалей, и янычан, и мне противу московских воевод стояти не мочно»³³. Таким образом, сейид Шах-Хусейн³⁴ доставил казанские известия в Крым в декабре 1523 г., именно тогда, когда туда прибыли из Аккермана Морозов и Искандер. Уже в сентябре 1524 г. в Москве Искандер произнес фразу: «Ино Саип Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а заложился за государя нашего: и то юрт государя нашего»³⁵.

В процитированном уже письме И. Кольчева сообщалось: «послал... Саидет-Гирей цар(ь) к Сюлемен Салтану в Станбол гонцов дву(х) турчинов. А сказывают, ... послал о том, чтоб Сюлемен Салтан к тебе ко г(осу)дарю послал грамоту, чтоб ты, г(осу)дарь, х Казани своих воевод не посылал, а с Саип Гиреем бы еси царем... помирился»*.

Идея «заложить» Казань за султана родилась в Крыму и была детищем антимосковски настроенных крымских кругов, желавших удерживать Москву от вмешательства в казанские дела с помощью угроз ввязать в спор Османскую империю. Османские чиновники (например, азовский бей-кулу Мухаммед) прекрасно сознавали, что в Стамбуле к событиям на территории Дешт-и Кыпчака относились весьма сдержанно («Ино, государь, и отманскому ему [Саадет-Гирею. — И.З.] не

* РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.49об.

пособити, — самому от любово борониться, а земля, государь, дальняя», — писал Мухаммед в Москву)³⁶.

В Крыму хотели припугнуть Москву Османской империей, а себя представить в роли миротворца. В 1531 г. калга Саадет-Гирея Сахиб-Гирей, взяв перед московским послом в Крыму С. Злобиным кусок хлеба, говорил ему: «...чтоб мне тот кус хлеба не прошел здорово, тол(ь)ко яз солжу, что туретцкой великому князю недруг, присылал ко царю и ко мне с тем, скол(ь)ко вам надобно пушек и пищалей, и яз к вам пришлю, а пойдете на московского... И цар(ь) к туретцкому отписал: немочно мне ныне на великого князя итти, что салтан Саип Гирей со мною не потянул, да в земле у себя не управился есми»*.

Как правильно заметил И. Смирнов, к моменту переговоров со Скиндером вопрос о Сахиб-Гирее носил уже в значительной степени «академический характер»³⁷, т.к. с весны 1524 г. в Казани правил его племянник Сафа, после похода русских войск под Казань летом того же года признанный Василием законным ханом³⁸.

В определенных кругах в Москве известие об интересе Турции к казанскому вопросу вызвало иную реакцию. На церковном соборе 1525 г. Максиму Греку и некоторым его сподвижникам было предъявлено обвинение в шпионской деятельности в пользу Турции. «Да вы же говорили: ратует князь великий Казань да николи ему будет и сором: Турскому ему не молчати... Да ты же [Максим. — И.З.] говорил многим людям: быти на той земле Рустей султану турскому, занеже султан не любит сродников Царегородских царей, а князь великий весь Василей внук Фомы Амарейского... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю³⁹, а сам, изробев, побежал, — от Турского ему как не бежати? Пойдет Турской, и ему либо карачь [т.е. *харадж* — И.З.] дати, или бежати»⁴⁰. Таким образом, в Москве были силы, которые считали участие Турции в казанском вопросе более чем вероятным и боялись этого. Интересно, что среди выразителей этих настроений были греки.

Безусловно, до Казанского ханства доходили мощные культурные импульсы из Стамбула, но и в этом случае посредником выступал Крым. «В казанский период (сер. XV — 1552 г.) болгаро-татарская письменная культура продолжала развиваться во многом на старых болгарских традициях, обогащенных в период пребывания края в составе Джучиева Улуса новыми чертами. Преобладающим на новом этапе становится культурное влияние Крыма и Османской империи. Его

мощные волны, исходившие из нового центра арабописьменной культуры — Османского государства достигали Казанского ханства и давали новый импульс развитию арабского письма в государстве»⁴¹.

Наконец, возможно, только к середине XVI в., когда московская угроза Казани стала просто очевидной, османы вроде бы опомнились. В Стамбуле, видимо, имелись планы заменить слишком независимого Сахиб-Гирея (который не оказывал должного почтения послам Порты, и к тому же, по слухам, собирался отнять у османов их форпост на побережье — Кафу) на какого-нибудь более покладистого хана, а затем поддержать военный поход с ним во главе для «спасения» Казани. Порта надеялась обеспечить союз Казани, Астрахани и ногаев. В 1551 г. Девлет-Гирей (племянник Сахиба) был демонстративно назначен в Стамбуле ханом Казани (стало быть, падишах считал себя в праве утвердить эту инвеституру), однако, в действительности, отправился в Аккерман, где стал ждать удобного случая захватить крымский престол. Сахиб-Гирей, в свою очередь, намеревался назначить в Казань и Астрахань своих сыновей⁴².

В «Летописях дома Османа»⁴³ Лютфи-паши — произведении, написанном, скорее всего, около 1553 г. — содержится любопытное описание этих событий (т.е. почти современных автору). В тексте перепутано имя крымского хана, который послал Сулейману Кануни весть о захвате в 957 г.х. (1550 г.) Казани московскими *кяфирами* и о пустующем престоле (вместо Сахиб-Гирея, им назван Саадет-Гирей). Весть о событиях привез в Стамбул будто бы сам Девлет-Гирей (правильно названный племянником хана), а Сулейман и решил его назначить на казанский трон («Кого вы направили нам, того мы и отправили в вилайет Казань, чтобы стал ханом»). Прибыв сушей в Ор (Перекоп), ставку Саадет-Гирея, Девлет-Гирей оттуда на корабле прибыл в Кафу, где получил приглашение едва ли не от всех от татарских «эмиров и беев», «отворотивших от Саадет-Гирея лицо», стать ханом. Девлет-Гирей, устроив им аудиенцию, будто бы поломался не много, но потом все же согласился.

Возможно, события 1550 г. (неудачный поход на Казань) в данном случае оказались более значимыми, нежели действительное взятие Казани московскими войсками, потому, что этот факт оказался отраженным в «Зафер-наме-и Вилайет-и Казан» — сочинении, написанном уроженцем Астрахани поэтом и писателем Шерифи и посвященном как раз неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. «Зафер-наме» было послано автором в том же году турецкому султану Сулейману Кануни.

Стремительное развитие событий разрушило и планы османов, и устремления Сахиба. Вскоре Казань стала московской. Крыму Моск-

* РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.311—311об.

ва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств (Казани и Астрахани) под свою юрисдикцию — надбавки к наибольшей ранее имевшей место сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это⁴⁴. Правда, и после этого претензии Крыма на казанский престол предъявлялись московскому правительству еще очень долго (вплоть до середины XVII в.)⁴⁵. Крымские ханы даже в то время были уверены в том, что ханства удастся отвоевать (или, по крайней мере, надеялись на это)⁴⁶, однако в Стамбуле о разрешении казанского вопроса так уже, по-видимому, никогда и не вспомнили.

¹ См. Казакова Н.А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С.70.

² Смирнов И.И. Восточная политика Ивана IV // 120 лет Ленинградскому государственному университету. Научная сессия. Тезисы докладов. Л., 1939. С.92.

³ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т.1 (УЗ МГУ. вып. 94). М., 1946. С.103.

⁴ Смирнов И.И. Восточная политика Ивана III // Исторические Записки. Т.27. М.—Л., 1948. С.18.

⁵ Смирнов И.И. К вопросу о суде над Максимом Греком // Вопросы Истории. 1946. № 2—3. С.120.

⁶ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С.295.

⁷ Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С.70—71; Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г.: формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С.95.

⁸ Ермушев А.М. К вопросу об активизации политики России в отношении Казанского (1545—1546 гг.) // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997. С.131; Краснов А.В. Проникновение Османской Порты и ее вассалов на Северо-Западный Кавказ в XVI — нач. XVII вв. // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С.102—104.

⁹ Орешкова С.[Ф]. Османская империя и Россия. К вопросу о формировании культуры межгосударственных отношений в евразийском пространстве // Евразия: Народы. Культуры. Религии. 1996, № 1 (4). С.41—42.

¹⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. Казань, 1995. С.64—65. См. также: Alişev S.H. Communication of the Volga Tatars with Turkey // XIII. Türk Tarih Kongresi. 4—8 Ekim 1999. Ankara. Bildiri Özetleri. Ankara, 1999. S.19—20.

¹¹ «Соседи называли их «татарами» (беседа В. Трепавлова с М.А. Усмановым) // Родина, 1997 № 3—4. С.43—44.

¹² Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблемы формирования границ. М., 1999. С.14.

¹³ Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and imperial Ideology (1438—1560s). The Hague-Paris, 1974. P.36.

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С.277. Абд-ал-Латыф родился в Казани около 1475 г., после 1480 г. жил в Крыму, потом в России (получил в удел Звенигород), занимал казанский престол в 1495—1502 гг., был затем сослан на Белоозеро, после освобождения в январе 1508 г. получил Юрьев Польской, однако в 1512 г. вновь лишен владений и заточен. Помилован снова в 1516 г. и пожалован Каширой. Умер 19 ноября 1517 г. О нем см. подробнее: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С.70—72.

¹⁵ Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г.: формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С.102

¹⁶ Т.е. дядя, брат отца по-сербски.

¹⁷ Печаль, скорбь (от тур. kahır).

¹⁸ РИО. Т.95. СПб., 1895. С.97.

¹⁹ Там же. С.100—101.

²⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т.5—6. М., 1960. С.277.

²¹ В Москве чрезвычайно внимательно следили за отношениями Крымского ханства и Османской империи, и даже хранили документы (вернее, чаще, конечно, специально сделанные их переводы), связанные с этим. В описи архива Посольского приказа 1614 г., например, сохранилось упоминание об одном интересном тексте: «Грамота турсково Мурат салтана, жаловальная, крымскому Ислам-Гирею царю на Крымское царство, что брата его Магмет Гирея царя с царства Крымского ссадить, а ему на нем быти; и перевод с тое грамоты, писана вся золотом, а которого году писана, того в переводе не написано» (см. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С.86). Имелся в виду, очевидно, список султанского «высочайшего повеления» об утверждении крымским ханом в 1584 г. вместо Мехмед-Гирея II Семиза («Жирного»), скомпрометировавшего себя неповиновением во время персидской кампании (в 1583 г. он отказался лично участвовать в походе султана Мурада III) на крымском престоле Ислам-Гирея II («Дервиша»).

²² Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С.77.

²³ Там же. С.79.

²⁴ Lemerrier-Quellejey Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521 // CMRS. 1971, vol. XII, № 4. P.488—489.

²⁵ См., например: Gökbilgin Ö. Quelques Sources Manuscrites sur l'Époque de Sahib Giray I er Khan de Crimée (1532—1551) à Istanbul. Paris et Leningrad // CMRS, vol. XI (3). Paris—La Haye, 1970. P.468.

²⁶ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып.61. История. Т.П. М., 1940. С.59.

²⁷Испорченное османско-персидское *Худавендигяр* (Hudavendigâr), т.е. османский падишах.

²⁸ РГАДА ф.123, оп.1. ед.хр.6, л. 60 об.

²⁹ Там же. л.11 об.

³⁰ Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С.60.

³¹ Там же. С.69, 72—73.

³² Там же. С.69.

³³ РГАДА ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 49—49 об.

³⁴ О нем подробнее см. Зайцев И.В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный Архив, № 4—5 М., 2000. С.78—79; Zaytsev I.V. On the History of Book in the Jüchid Khānates // Manuscripta Orientalia. Vol.7, #1. March 2001. P.33—39.

³⁵ Дунаев Б.И. Указ. соч. С.77.

³⁶ Дунаев Б.И. Указ. соч. С.58. Бей-кулу — командир отряда янычар, который исполнял гарнизонную службу в крепости.

³⁷ Смирнов И.И. К вопросу о суде. С.120.

³⁸ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С.93.

³⁹ Имеется в виду поход крымских и казанских войск на Москву 1521 г.

⁴⁰ Цит. по: Смирнов И.И. К вопросу о суде. С.122—123.

⁴¹ Кадыров Р.М. Источники по истории старотатарской письменности (XIII—XVIII вв.) и их палеографические особенности. АКД. Казань, 1999. С.17.

⁴² См. Inalcik H. Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // *Passé Turco-Tatar Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Turco-Tatar Past Soviet Present. Studies presented to Alexandre Bennigsen.* Paris, 1986. P.188.

⁴³ См. Atik K. Lütü Paşa ve Tevârih-i Âl-i Osman. Ankara, 2001. S.306.

⁴⁴ Фаизов С.Ф. Поминки — «тыщ» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные Архивы, 1994, № 3. С.53.

⁴⁵ Ср. также с письмом некоего Рахмана-Кулу (возможно, казанца), которое было написано около 1635 г., скорее всего крымскому муфтию. В нем Рахман-Кулу выражает надежду, что крымский хан Джанибек-Гирей при помощи кафинского бейлербея Ибрахима-паши сможет освободить казанскую страну, в которой ислам утвердился еще во времена халифа Умара, от рук неверных русских. См. Kurat A.N. IV—XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972. S.373—377.

⁴⁶ Soysal A.Z. Jarłyki Krymskie z Czasów Jana Kazimierza. Warszawa, 1939. S.35, 41, 56.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ

«ПОЗАБЫВ БОГА, И НАШЕ ЖАЛОВАНИЕ, И СВОЮ ДУШУ...» (ПРИКЛЮЧЕНИЯ КНЯЗЯ СЕМЕНА ФЕДОРОВИЧА БЕЛЬСКОГО)*

Ахмед б. Ибрахим Ресми в своем «Хулясет уль-и'тибар» писал однажды: «Но дознано опытом веков, и известно, что люди, спасшиеся из рук грозного властелина и ищущие защиты у других правительств, всегда бывают лица, ознаменованные за свои дурные дела печатью несчастья и крайне неблагоприятными, и что те, которые принимают их покровительствовать, накликав врага на свое государство, непременно подвергают себя бесполезным бедствиям... Подобным бродягам не должно оказывать никакого снисхождения»¹.

В начале августа 1534 г. отпрыск одного из знатнейших русских боярских родов князь Семен Федорович Бельский вместе с Иваном Ляцким (последним из рода Кошкиных) бежал из Московского великого княжества («с службы из Серпохова») в Литву². Согласно «Летописцу начала царства», они хотели учинить мятеж. Факт бегства, по словам, И.И. Смирнова, «стоял в прямой связи с их участием в заговоре Михаила Глинского и преследовал цель избежать ареста и репрессий за заговорщицкую деятельность»³. Эта точка зрения находит подтверждение в источниках. Так, гданьский сенатор Антоний Вид (а вслед за ним и Себастьян Мюнстер), лично знавший И. Ляцкого, свидетельствовал в надписи на карте Московии, составленной с помощью И. Ляцкого, что тот «бежал по причине немалого мятежа, поднятого некоторыми вельможами, к непобедимому королю Польши»⁴. Вероятно, и С.Ф. Бельский бежал, движимый теми же обстоятельствами. В Москве за сговор с беглецами были схвачены брат Семена Иван Федорович, а также князь Иван Михайлович Воротынский, однако третий брат Бельский — Дмитрий был оставлен на свободе. Сам князь Семен Федорович был бездетен и, скорее всего, ко времени своего бегства не женат.⁵

Как предполагал С.М. Соловьев, бегство Семена Бельского и Ивана Ляцкого, а также заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова были «следствием общего негодования вельмож» на вдову великого князя Василия Елену Глинскую и ее любимца князя И.Ф. Телепнева-Оболенского⁶.

Уже 16 августа 1534 г. король польский и великий князь литовский Сигизмунд⁷ направляет литовскому гетману Юрию Радивиллу письмо с просьбой о скорейшей присылке к нему Семена Бельского и других московских беглецов. Радивилл приставил к бежавшим пана Льва Чижа, навстречу им польский король выслал своего маршалка — Жолудского князя В.А. Полубенского⁸.

В надежде на то, что примеру Бельского и Ляцкого последуют другие московские князья и бояре, Сигизмунд богато награждает перебежчиков.⁹ Семен Федорович был пожалован довольно щедро: он получил от короля дворы в Троцком воеводстве: Жижморы, Стоклишки и Кормялово («Zizmory, Stokliski u Kormialowo») ¹⁰.

Уже в начале сентября 1534 г. князь активно участвует в военных действиях Сигизмунда на московской границе, которые польский король и великий князь литовский, по сведениям русских летописей, предпринял «совещанием злых изменников... князя Семена Бельского и Ивана Лятцково» ¹¹.

Летом 1535 г. князь Семен принимает участие в новом литовском походе на московские земли. При его содействии 17 (или 16) июля был взят Гомель, а 29 августа Стародуб¹².

Недовольство результатами кампании 1534—1535 гг. напрямую отразилось на судьбе московских беглецов: их лояльность Литве стала вызывать большие подозрения. Дело дошло даже до тюремного заключения¹³. С.Ф. Бельский был арестован, скорее всего, в начале октября 1535 г.: семнадцатым октября датировано письмо Сигизмунда И. Тарновскому, в котором король поручал ему отправить Бельского в Вильну с одним из придворных (Тарновский сначала хотел ехать с князем сам)¹⁴.

Вскоре, однако, и Бельский, и Ляцкий были освобождены: в январе 1536 г. канцлер на заседании Рады в присутствии короля объявил, что всякие подозрения по отношению к ним были необоснованны. Беглецам вернули доброе имя и их места в Раде. Бельский в своем ответе на выступление Гашгольда, по сообщению Миколая Нипшича, агента прусского князя Альбрехта в Польше, «говорил, как Цицерон, достойно того, чтобы поместить все это в хрониках, и убедил всех в своей невиновности»¹⁵.

Однако, несмотря на прощение, С.Ф. Бельский после опалы чувствовал себя в Литве, вероятно, не очень уютно. Возможно, это и было одной из причин его отъезда на Восток. Князь Семен решает переменить покровителя: он отпрашивается у Сигизмунда якобы для совершения паломничества в Иерусалим, однако вместо этого едет

в Стамбул, где ищет помощи османского султана Сулеймана Кануни («Великолепного», как его называли в Европе). Князь хотел создать антимосковскую коалицию Османской империи, Литвы и Крыма с тем, чтобы вернуть себе не только независимое Бельское княжество, «но и Рязанское, потому что он считал себя по матери, княжне рязанской (племяннице Иоанна III), единственным наследником этого княжества по пресечении мужеской линии князей рязанских»¹⁶.

Один из первых документов, касающихся судьбы С.Ф. Бельского на Востоке, — письмо османского падишаха Сулеймана польскому королю Сигизмунду. Документ сохранился в составе коллекции профессора Александровского Гельсингфорского университета С.В. Соловьева. (Архив СПбФ ИРИ РАН, Русская секция, коллекция С.В. Соловьева, ф.124, оп.1, ед.хр.27). С 1837 по 1840 гг. он совершил несколько поездок по Швеции и Дании с целью сбора документов по русской истории. С.В. Соловьеву удалось собрать более 800 документов. За переданные в Археографическую комиссию материалы (в 1837, 1838 и 1848 гг.) он получил из казны 2 200 рублей¹⁷. В описании актов Археографической комиссии, коллекция которой составила основу Архива СПбФ ИРИ РАН, этот документ описан как «два перевода грамоты турецкого султана Солимана крымскому хану Саип-Гирею о содействии московскому выходцу князю Семену Федоровичу Бельскому, лишенному отчин своих на родине. Списки (на зап.-рус. яз.), 1 на 2 листах, а другой на 5 больших листах (правый угол оторван)»¹⁸. Турецкий оригинал письма, вероятно, не сохранился. Во всяком случае, среди документов османо-польской переписки XV—XVI вв., многие из которых опубликованы (как в польских и латинских переводах, так и в оригинальном виде)¹⁹, он не известен²⁰.

Первый (вероятно, более ранний) список (назовем его А) — свиток из пяти склеенных листов (правый верхний угол первого листа оторван), текст написан после склейки (возможно, перевод — подражание оригинальному виду письма, османскому свитку, склеенному из нескольких листов, обычной форме османских и джучидских документов), обратная сторона везде чистая. Судя по почерку, время написания текста — середина-вторая половина XVI в. Водяные знаки — тиара (л.2, 3 и 4) и бычья голова со змеей вокруг стержня между рогов (л.5). Первая филигрань близка №№ 1630—1634 альбома Н.П. Лихачева (зафиксированы на рукописи 1536 г.), точной аналогии второй найти не удалось²¹.

Документ публикуется с незначительными разночтениями по второму списку (условно, Б), который представляет собой два листа со

следами расшивки (сохранились нитки), что позволяет предположить, что они были вшиты в какой-то том. На левом верхнем поле проставлено «№ 19», далее — на втором листе (л.7об. по общей архивной нумерации) — «№ 4». Листы исписаны мелким курсивным почерком, скорее всего, конца XVI — начала XVII в. Водяной знак близок к филиграни с польским гербом Одровонж (Odrawiż) в щите, окруженном венком, поверх которого епископская митра.²²

«Почяток есть в кождой речи наперве... милости хвалу давати и розумети о его святой... святая милость ма надо всем созданием своим и [мощность²³] в пророчест... того пророка, которой ма быт(ь) помочен у грехех наших кождому имя ем... велики пророк Магаметь Мустофа²⁴, нат которым ест(ь) великая ласка бозкая и которых теж он учеников своих оставил по себе четырех — Абубекиря, Омиря, Османа, Алия²⁵ и инших учителей, якоже и видим ласку бозскую и причину того пророка нашего и всех святых пророк ку боской святой милости за нами в Бога верую // [л. 2.] цих. И того Бога повелением и сватыми пророки.²⁶

Ям есть царь велики, незвытежоны царь нат царьми хвалебны, а подаючи коруны некоторым паном земским пано[м]. Бог²⁷ есть на небе, ам есть на земли тень его свято милости и того великого и славного Гусурефава куруна есть на моей главе, а столец его подо мною²⁸. И всех святых повелением беломорски и черноморски, румельски²⁹, анадолсиски³⁰, карамански³¹, румски, земли дюлькадирские³², диярбекирски³³, гурьдюстански³⁴, ваядирбажянски³⁵, землям татарским господарь³⁶, шамски³⁷, халяпски³⁸, мисирьски³⁹, мекейски⁴⁰, медумейски⁴¹, ерузалимски, диерденски и всем землям арапским господарь, еменьской⁴² и всем землям азчямским⁴³ и великого и славного Вавилону господарь, басрейски⁴⁴, мешааски и всего панства Люристанско-го⁴⁵ тульска, а панства // [л.3] великого кукуседейского и иных многих панств господарь есьми.

Пане Боже, змилися нат претков наших душами, которые претки наши тых колькос земель и панств взяли своею острою а огнистою саблею⁴⁶ Султан Баазыт царь его милости сын Султан Селим царь. Ям есть их милости сын⁴⁷

Шах Султан
Сулейман хан.

Вы есте розказуичи приятель мой того панства Исуса пророка закону лятские земли кролеви Жигимонту⁴⁸ ознаменуем и ведати даем вам. Тых чясов из земель Московских (с) княжат закону Исуса пророка Се-

мион княз святых господарей сын до нас и до наших счастливых а высоких дверей⁴⁹ дошол и приехавши жаловал и поведал о пъяжылаве перед нами о съвоей кривде достачьне, от кого ся тая кривда деет, ижь очизна и дедина его, которая ся // [л.4] ему достала от отца и от матки его, яко замки, так и земли, которые они держали в особном своим панством, а так некоторые поблиску его панств и замков его будучи, тую всю отчину его презмоць от него онали и теперь держат⁵⁰, боронючи от него. А так мы всему тому достачьне вырозумели с повеста его, яко он перед нами говорил, ижь он, яко правы отчичь, будучи ку нашим дверем пришел ласки и помочи от нас жедаючи, а так мы, маючи на него бачьность и на е [...] ⁵¹точьялавое захованье и на особу, яко на княжестя такового прислушает и тых земель правого господарьского сына розказали есмя, листы наши написав, дати ему до царя Сагип Кирея, ⁵² господаря земли татарское, и те ж до санчяка [нашого⁵³] кафанского Халель бега⁵⁴, приказуючи им, абы оны великую пильность мели ко тому роскозанью нашему и тому княжетю зельтьх⁵⁵ отчичю водле розказанья нашего межи собою в одно // [л.5] слово ся змовивши, Бога великого призываючи на помочи, абы потягнули з войском в землю ту отчизную его для очиченья ее от неприятель его и, взяв бы, ему подали. Наше роскозанье так есть им, а так и вас теж в том приятеля своего просим, абы есте пометовили и бачили на зохованье наше доброе, котарое ма мы от давных [чесов]⁵⁶ межи собою в почыливом захованю и в доброй с приязливости, а так и теперь есть есми по вас в той надеи, ижь бы вы, приятель мой, змовившися во одно з ними, яко налпей будете сами тому розумети, обослався между собою, так бы есте ся в том справовали, а нехай бы того княжета, сына господарьского, земель тых отчичя, отчина взята была от тых неприятель его, которые позабирали от него, а взявши бы, ему подали, а в том бы естя ку нам прия[57]тереву своему приязнь оказали водлуг жеданья нашего, а мы бы то от вас слышечи, удычь⁵⁸ не мели, а шьто коль век пожадуешь от нас, то мы учиним о той справе. Так бы еси ведал. Лета великого пророка Магметя 938⁵⁹; лет великого пророка Исуса 1535⁶⁰ декабря 22⁶¹ день. Писан в Едренеполи⁶².

Ряд моментов свидетельствует о том, что наш экземпляр был переписан уже с готового перевода. Это, прежде всего, характерные описки текста (см. сноски 26, 27, 55 и др.). Человек, переписывавший текст, не был знаком с турецким (османским) языком и арабской графикой. Об этом свидетельствуют специфические ошибки переписчика, а также не совсем удачные попытки воспроизвести оригинальное начерта-

ние нескольких слов на листе 3, перед именем султана, а также на л.2 (см. сноски 26, 47). Вероятно, выражение «Шах Султан Сулейман хан» было оставлено переводчиком и в оригинальной графике, но переписчик, не владея навыками арабского письма, смог лишь искаженно воспроизвести эти слова. Язык документа — канцелярское наречие (старобелорусский язык с полонизмами), употреблявшееся в Литовском княжестве в официальных документах (в частности, в переводах иноязычных грамот во внешнеполитическом ведомстве).

Обращает на себя внимание тот факт, что в документе дата по хиджре расходится с датой христианского летоисчисления. Это расхождение само по себе не единично. Подобного рода неточности в переводе дат по хиджре на христианский счет встречаются в опубликованных текстах. Однако, чаще всего, неверна дата от рождества Христова⁶³. В данном случае дата по хиджре не может относиться к данному документу, ибо предшествует событиям, изложенным в письме (в 1531/32 гг. С.Ф. Бельский, вероятно, даже еще не помышлял об отъезде в Литву). Остается предположить ошибку переводчика письма. Письмо недвусмысленно свидетельствует, что князь С.Ф. Бельский к моменту его написания уже какое-то время находился в Османской империи (т.е. прибыл туда до 22 декабря 1535 г.). Однако, и дата христианского летоисчисления не соответствует действительности: как мы видели, князь, находился в Литве как минимум до января 1536 г.

Вряд ли князю позволили уехать сразу же после оправдания его на заседании Рады. Традиционно считалось, что он оказался в Турции в 1536 г.⁶⁴ Наиболее вероятное время отъезда князя в мнимое паломничество — весна или начало лета 1536 г. Именно этим годом, скорее всего, и следует датировать письмо Сулеймана⁶⁵.

Послание, безусловно, свидетельствует о вовлеченности Стамбула в восточноевропейские дела. Трудно сказать, насколько в действительности враждебной была позиция османов по отношению к Московскому государству в 30 — 40-е гг. XVI в. История с С.Ф. Бельским свидетельствует как будто бы о неких агрессивных планах Сулеймана в Восточной Европе. Однако османские источники почти не сохранили для нас следов этой враждебности. Некоторые агрессивные пассажи османских литературных памятников XVI в. слишком абстрактны и общи, чтобы говорить на их основании о далеком идущих военных намерениях Стамбула. Так, в «Менакыб-и Султан Сулейман» Эйюби говорится о мощи Сулеймана, которому будто подчинены «русские, татары с Молдавией, Египет, Сирия с Караманом»⁶⁶. Русские воины якобы участвуют вместе с венгерскими, испанскими и немецкими в белград-

ской битве (1521 г.)⁶⁷. Здесь, вероятно, имеются в виду православные подданные Великого княжества Литовского. Собственно «москвитяне» упоминаются в этом памятнике лишь вскользь в разделе «О храбрости Султана Сулеймана»: Сулейман «сокрушительным ударом величественной сабли разорвал московиту грудь»⁶⁸. Действительность была гораздо спокойнее. За весь XVI в. Московское великое княжество и Османская империя столкнулись непосредственно лишь однажды — в 1569 г.

Результаты деятельности князя Семена в Стамбуле не замедлили сказаться (прежде всего на московско-крымских отношениях)⁶⁹. Седьмого апреля 1537 г. в Москву с гонцом Папаем прибывает грамота Ислам-Гирея, в которой он пишет московскому великому князю Ивану о Сулеймане: «И ныне тебе, брату моему вести то: твоей земли московской княжества княже Федорову сыну князю Семену в руки Магмед санчага дал. А велел ему с собою нарядити восьмьдесят тысяч рати конные, да три санчаги Магмед санчагу поддал, два две тысячи янычен салтан к ним послал, а тысячу янычан на царя да на кафинского санчага вскинул, да велел им собою взяти сто зарбузанов⁷⁰ на хр(и)стьян наряду, и отселе было царю со стом тысяч пришел, да отведал, аж мы поздорову, а царь сидит по старому в городе⁷¹. И они послали к салтану: Ислам, деи, жив. И салтан, деи, молвил: тол(ь)ко, деи, Ислам жив и нашему, деи, делу състатис(ь) не мочно. А княз(ь) Семен ко мне к брату твоему человека присылал, моля нас, чтоб мы ему дорогоу дали да и сами бы ему товарищы были, а земля, деи, московская не моя — твоя буди, а тол(ь)ко бы имя мое было»⁷². Ислам сам не испытывал приязни к османам, в том же письме он писал: «И совета похочешь — и ты ведай, что те отманцы — лихие люди, не княж Семенова для пригоства, ни пак пригоже ли ему княжен(ь)е, не пригоже ли. Камен(ь) на камен(ь) ударит, тол(ь)ко бы ему что к собе приволочи(л), а он и нашей земле упокою не даст — с таким устремленьем живет, не молвит того, кто ему земл(ю) доставает, пригоже ли, непригоже ли ко государству, ни пак, кто от холопа или от робы родился — так и ему дает, толко бы ему земли привел». «Коли к тебе придут, голды и к нам придут», — писал Ислам-Гирей великому князю⁷³. Датировано это письмо было мартом 943 г. хиджры, т.е. 1537 г. В апреле этого же года в Москве был составлен ответ: «холоп Бельской, позабыв Бога и наше жалован(ь)е и свою душу, неподобные речи говорит...»⁷⁴. Однако, несмотря на резкое осуждение, московское правительство опасалось С.Ф. Бельского и старалось всеми силами вернуть его. В апреле того же года в грамоте Федору Наумову, уехавшему в Крым, ему наказывалось найти там че-

ловека князя Семена и передать опасную грамоту для князя.⁷⁵ Текст этой опасной грамоты сохранился.⁷⁶

Между тем, наш герой не оставляет попыток склонить своего бывшего сюзерена к сколоченной им антимосковской коалиции: находясь в Крыму, куда он попал из Стамбула, он шлет королю письма, приглашая его к активным действиям против Москвы. 5 мая 1537 г. Сигизмунд пишет Бельскому ответное письмо: «Што пишеш до нас, поведаяючи, иж был у брата и приятеля нашего Шах-Сулеймана, цесаря его милости Турецкого, и помочи себе у его милости просил, хотячи ити доставати земли Резанское, дедизны своее, которая тебе есть записана, и теж отчизны своее Белое со всеми землями, и его милость цесарь Турецкий ласку свою тебе оказал и к прозьбе ся твоей склонил: отправивши тебе лист свой за тобою к нам писал, жадаючи, абыхмо на неприятеля твоего Московского помочь тебе вчинили; а ктому особными листы свои тебе подавал до Саип-Кгирея царя Перекопского и до двух санчаков своих, Силистрийского и Кафинского, абы они со всеми людьми на помочь тебе тягнули. И пишеш к нам, иж с тыми двумя санчаками может быти турков больши сорока тысяч, опроч Саип-Кгирея царя и людей его и козаков белгородских». В письме Сигизмунду князь Семен утверждал, что хочет идти на Москву с ханом Сахиб-Гиреем, а в случае его отказа с войском самого Сигизмунда. Вероятно, для того, чтобы придать себе больший вес, Бельский пытался брать на себя миссию посредника между Сулейманом и польским королем: обещал привезти Сигизмунду «лист» (т.е. письмо) падишаха⁷⁷. Далее Сигизмунд упрекал С.Ф. Бельского и фактически устранялся от просьб князя, откладывая решение вопроса: «Мы, за жеданьем твоим, дозволили есмо тебе с панств наших до Ерусалима ехати и обетницу свою сполнити; а о том еси нам знати не дал, ижьбы ты мел у цесаря его милости Турецкого быти; а ведь же, коли сам у нас будеш и тот лист брата и приятеля нашего Шах-Сулейманов его милости с собою к нам привезеш: тогда так учиним, як будет пригожо». На просьбу С.Ф. Бельского предоставить ему грамоту для свободного проезда в Литву Сигизмунд отвечал, что необходимости в таковой нет, поскольку у Бельского имеются владения в Литве⁷⁸. Несмотря на это седьмого мая 1537 г. Сигизмунд посылает письмо литовским радным панам, в котором сообщает, что князь присылал к нему копии писем Сулеймана самому Сигизмунду и крымскому хану Сахиб-Гирею. Сигизмунд сообщал панам, что Бельский просил помощи для завоевания земель Рязанской и «Белой»⁷⁹, а также специального разрешения (листа) для безопасного проезда в Польшу. Лист был вскоре ему отослан⁸⁰. Позиция Сигизмунда

выглядит весьма здраво. Дело в том, что 25 марта 1537 г.⁸¹ в Москве был подписан московско-литовский перемирный договор сроком на 5 лет. 27 июня 1537 г. он был ратифицирован Сигизмундом в Кракове. В условиях перемирия с Москвой, а также из-за событий в Валахии, в которых принимал участие Сигизмунд, устремления С.Ф. Бельского были совсем некстати.

Бельский покинул Стамбул, скорее всего, в начале 1537 г. С собою, как писал Л. Коланковский, он вез несколько султанских посланий: санджак-бейм Силистрии и Кафы⁸², хану Сахиб-Гирею и королю Сигизмунду⁸³. Именно этот последний, и является, вероятно, оригиналом публикуемого текста.

Вскоре в Москву от Ислам-Гирея приезжает князь Кара. Он удостоился великокняжеской аудиенции 23 августа. С ним пришли следующие вести от Ислама: «холоп твой Бельской был во Царегороде, а ныне пришел в Кафу, и яз над ним тово добре ишу, чтоб мне ево изымав к тебе прислати или там ево велети убити, или ево изымав к себе ево велиш(ь) прислати»⁸⁴. В своей грамоте Ислам писал: «Бел(ь)ской ко царю и к кафинскому князю от турсково грамоту привез, и ныне тюфяки⁸⁵ и забурзаны готовы стоят, тол(ь)ко им через нас итти нелзе»⁸⁶.

В том же году, 25 июля⁸⁷ из Москвы к Ислам-Гирею был отправлен Басалай Никифоров сын Квавшин, однако, доехать до крымского царевича ему не удалось. «А как шел Басалай к Исламу, и пришел из Нагай Бака князь Асанов сын Темирев внук, Ислама царевича за Перекопью убили, и улус взял, и жены его поимал...»⁸⁸. Об убийстве Ислам-Гирея ногайским бием Баки (باقى بك) сообщает и Сейид Мухаммед Риза в «Ассесб ос-сейар»⁸⁹.

Позже, почти через год, 27 июня 1538 г. в Москву прибыли ногайские послы от «Мамай мырзы и от Кошум мырзы и от Баки князя». «А Бака князь писал в своей грамоте, что пришел из Нагай в Перекоп, Ислама царевича убил, и улус его взял, и жены его поимал»⁹⁰. По сведениям Крымской посольской книги внук мангытского беглербека Тимура, сын Хасана, Баки⁹¹ «Ислама за Перекопью убил и улусы взял и жены его поимал; и приехав от царя, Басалай на дорозе взяли царевы люди и привели ко царю, и царь его ограбил»⁹².

Между тем, четвертого сентября того же 1537 г. гонец крымского хана Сахиб-Гирея Баим говорил в Москве: «Приехал Бел(ь)ской от турецкого салтана ко государю, а привез грамоту ко государю и рат(ь) подвигал на великого князя украину и другом ся государю вашему называет и братом ся государю вашему называет, и которые люди бывали на Москве и его знали, что он государю великому князю холоп, и они ему

лают и в очи плюют, а которые люди молодые и не ведают того, и они к нему приставают и на то с ним хотят, ино веде орда, а в ней люди разные, тот говорит то, а иной иное... И государь наш для людей так молвил, а и сам ведает, что он холоп, а яз был приехал сююнчя⁹³ просити: яз чаю, Бел(ь)ской в сю пору убит»⁹⁴.

Эти сведения, однако, в дальнейшем не подтвердились: 23 ноября 1537 г. в Москву из Крыма приехал служилый казак великого князя, который и сообщил, что царевич Ислам-Гирей убит все тем же Баки, «а князя Семена Бел(ь)ского изымали и з собою взяли в Нагаи»⁹⁵. Это значит, что Исламу удалось выполнить свое обещание великому князю: незадолго до нападения Баки Бельский был у Ислам-Гирея (но кем — пленником или гостем?). Басалай же Квашнин в грамоте, привезенной в Москву в этот же день, писал: «А про Бел(ь)ского, деи, государь, про князя Семена Изсен Кипчак ширинским мурзам сказывал⁹⁶, з Бакою князем в Асторокани у царя. А Бакый, деи, государь, княз(ь) служит у царя в Асторокани ж, а в нагаи, деи, государь, ему пути нет, боитца итти исламовых шурин»⁹⁷. Кто был ханом в Астрахани на исходе 1537 г.? Не вдаваясь в аргументацию, укажем, что в городе тогда скорее всего правил Дервиш-Али б. Шайх-Хайдар (с октября 1537 по лето 1539 г.). До этого престол занимал (вероятно с 1533 г.) 'Абд ар-Рахман б. 'Абд ал-Керим.⁹⁸ Поскольку Ислам-Гирей был убит Баки приблизительно в августе, следовательно, Бельский мог оказаться в Астрахани как раз осенью. Возможно, его приезд туда в качестве пленника Баки и совпал с переменой там власти.

Получив известие о пленении Семена Федоровича ногаями, в Москве снова попытались вернуть мятежного князя. 12 декабря 1537 г. в Ногайскую орду отправились казаки с грамотами мирзе Кошуму (Хаджи-Мухаммад б. Муса, соправитель при ногайском бие Сейид-Ахмеде, управлял западными, поволжскими кочевьями Ногайской Орды, т.е. правым ее крылом) и Баки. Дело представили следующим образом: мать Семена и его братья Дмитрий и Иван обратились к великому князю с тем, чтобы он поспособствовал в выкупе их родственника. Именно поэтому великий князь и просит дать Бельского на «окуп». Просьба, представленная в письмах, была сформулирована почти одинаково⁹⁹. Ответ прибыл в Москву 22 июня следующего 1538 г. Как выяснилось, выкупить Бельского хотели не только в Москве. Баки «бил челом» Кошуму, что «королев царев черскасской князь много ему на нег кун окупа хотят дати. А чтобы нам на московские куны не утечись, на окуп его на Москву не дати. Такова деи ему грамота пришла, а после того крымской царь Сагиб Кирей царь да кафинской

князь¹⁰⁰ присылали, Ахметем князя зовут, и тот пришел нам бити челом. Будет вам его на откуп дати, и вы б его нам на окуп дали»¹⁰¹.

Таким образом, по словам Хаджи-Мухаммада б. Мусы, выкупить князя Семена готовы были сразу три стороны — польско-литовская, крымско-османская и московская. Скорее всего, это было не так. Кошум набивал цену, желая убедить Москву в том, что С.Ф. Бельский нужен не только там, и за него согласны выложить деньги. Безусловно, в ответе ногаев содержалось предложение торговаться. Кошум писал, что уговорил Баки продать Бельского Москве за цену, предлагавшуюся за него литовцами («И ныне, что давал Король царь с него — которой окуп — и вы б инако не молвили»)¹⁰². Баки в своем письме подтвердил готовность продать Бельского Москве и указал размер литовского выкупа за него, на который следовало ориентироваться московскому великому князю¹⁰³. Однако, там решили не рисковать и не отдавать деньги и рухлядь человеку Баки Сююндюку («не велели дати за разстоянии пути»). Было решено отправить сумму с послом в Ногайскую Орду Александром Упиным¹⁰⁴. В Москве предполагали совершить обмен в украинной Елатьме¹⁰⁵. Сделка, несмотря ни на что, так и не состоялась. Возможно, причину этого следует искать во внутривполитических событиях в Московском государстве.

После неожиданной смерти в начале апреля 1538 г. княгини Елены Глинской власть в стране перешла к Боярской думе. Сразу же этот орган оказался расколотым на два враждующих лагеря — сторонников Шуйских и Бельских. Первую победу в этом противостоянии одержал И.В. Шуйский и его приверженцы. Брат Семена Бельского Иван Федорович был посажен «за сторожи», а его сторонники разосланы по селам или казнены. Хлопотать за князя стало некому.

В том же 1538 г. в Москву прибыло еще одно послание, на этот раз от великокняжеского дипломата в Крыму Тимофея Васильева. Он писал: «На масленой неделе салтан турецкой присылал гонца своего з грамотами ко царю к Саип-Гирею да и к кафинскому сончаку с опалою. «Был, деи, у меня с Москвы великого князя сродыч княз(ь) Семен Бел(ь)ской, а просил у меня войска доставати вотчины своей Рязани, а достав вотчину свою, хотел мне служити, и карач¹⁰⁶ давати, и яз его послал к вам с своими грамотами и корм есми ему велел давати тебе сончаку, доколе он побудет тамо. А был у меня наряден, видел есми у него тритцат(ь) каменей, по триста рублев один камен(ь), а камен(ь)ю одному и цены есмя узнати не умели. И ныне, деи, у вас того князя нету, и вы его где дели? И где тот княз(ь) ни буди, и вы б одноконечно

его добыли да ко мне прислали». И царь, деи, Саип-Кирей и санчак по Белского в нагаи и выкупати к себе»¹⁰⁷.

Османский падишах тогда, вообще, вряд ли был столь уж заинтересован в получении Бельского. Весной 1538 г. Сулейман был занят гораздо более важным для него делом — приготовлениям к походу против Петру Рареша — воеводы «Кара-Богдана», как османы называли Молдавию. Поход начался торжественным выездом султана из Стамбула 8 июля 1538 г. По сообщению Лютфи-паши (везир Сулеймана Кануни), в конце июля 1538 г. из Адрианополя (Эдирне), куда Сулейман прибыл 18 июля, к Сахиб-Гирею был направлен султанский фирман, в котором крымскому хану предписывалось следующее: «И ты также приходи готовым к войне против Кара-Богдани»¹⁰⁸. Встреча османского и 8-тысячного крымского войск произошла в начале сентября на равнине около г. Яссы. После победоносной кампании осыпанный милостями Сахиб-Гирей был отпущен в Крым в октябре 1538 г.¹⁰⁹

Помочь в дальнейшем выяснении обстоятельств жизни Семена Федоровича может «История хана Сахиб-Гирея» Бадр ад-дина Мухаммада б. Мухаммад Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, более известного под именем Реммала-ходжи.¹¹⁰ Согласно этому сочинению, во время пира у хана Сахиб-Гирея Семен Федорович удостоился высочайшей аудиенции. «Один из московских князей, известный под именем Бельский¹¹¹, бежал с пятнадцатью человеками прислуги¹¹² из Москвы и прибыл [в Крым]. У него было домогательство проводить хана вплоть до города Москвы. Он тоже находился у ханского порога, и было отдано приказание ввести и его. Когда он пришел, велено было поставить скамью подле беков-карачи¹¹³. Ударив челом, он сел. Посол короля привез деньги¹¹⁴, и его также привели. Всякий занял соответствующее ему место. Тогда хан сказал толмачу: «Скажи Бельскому: «Добро пожаловать» и спроси его: «Какое мол у тебя было намерение приехать сюда? Хочешь ли ты войска, или же приехал сюда, чтобы жить здесь? Все, о чем ты попросишь, будет мною сделано по твоему желанию; так как ты прибыл сюда, признавая меня за государя, то и мы будем поступать прилично нашему царскому достоинству». Толмач так ему все и передал¹¹⁵. Тогда он, сняв с головы шапку, наклонился и сказал: «Да умножится жизнь и благополучие моего государя. Я сын брата московского царя¹¹⁶. Он, думая, что после старого князя я, его сын, имею замысел противу его царской власти, хотел схватить и убить меня, но я бежал с тринадцатью человеками¹¹⁷ и явился к порогу твоей державы. Я провожу вас в Московию, и твоему войску достанется хорошая добыча¹¹⁸. Я знаю на реке Оке один брод, где воды не будет и до стремян лошади.

Народ того государства в ужасе разбежался от тиранства и новшеств его [царя], большая часть народа желает меня. Захотите ли вы меня сделать московским князем или захотите смешать с грязью, Вам, государь, лучше знать: есть воля Ваша». Великий хан, обернувшись, взглянул на беков и изволил спросить: «Вы что на это скажите?». «Великий, могущественный падишах наш, — отвечали беки, — этот человек действительно царского рода; он также геройствует на войне¹¹⁹. Мы давно слышим, что на реке Оке существует брод, но никто не знал, где он. Если бы тот брод был нам известен, то Московское государство давно было бы наше; этому только и препятствовала река Ока. Его [Бельского. — И.З.] нам послал Всевышний по своей милости; теперь, пока этот сокол в твоих руках, следует готовиться в поход на Москву»¹²⁰. Хан согласился и отдал распоряжение готовиться в поход на Московское великое княжество через месяц. Эта военная операция планировалась продолжительной: за это время следовало заготовить продовольствия на три месяца. «Пусть ждут, когда мы сядем на коня; как только я скажу «марш», чтобы в три дня было собрано войско», — этими словами Сахиб-Гирей закончил обсуждение темы¹²¹.

Поход, который описывает Реммал-ходжа, — хорошо известный по русским источникам поход 1541 г. (в это время это единственное крупное военное мероприятие Крыма против Москвы, в котором принимал участие сам хан).

Между тем, в 1540 г. к власти в Москве снова пришли Бельские. В июле Иван Федорович был выпущен из-под ареста. Снова встает вопрос о возможном прощении младшего брата и его возвращении домой. При поддержке митрополита Иосафа Бельские добились амнистии для князя Семена, но человека (Иов Кайсаров), посланный Иваном Бельским с пожалованием великого князя 8 мая 1541 г. к своему брату Семену в Крыму его уже «не наехал», поскольку хан Сахиб-Гирей взял князя с собой «в поле» (конечно, для участия в московском набеге)¹²².

Панегирист Сахиб-Гирея не датирует прибытие Бельского в Крым, но косвенным образом, можно придти к выводу, что это случилось весной 1541 г. (за месяц до похода, который состоялся летом этого года). Дата эта неверна. Вполне возможно (и более вероятно), что в «Тарих-и Сахиб-Гирай» произошло искусственное совмещение времени прибытия князя в Крым и организации похода на Москву в 1541 г., а значит, прием, описанный придворным лекарем хана, имел место ранее (в 1537 г., когда Бельский прибыл туда из Стамбула, или в конце 1538 г., в 1539, когда его, скорее всего, выкупили у ногаев, или даже еще позже). Ничего не сказано у Реммала-ходжи и о поддерж-

ке Бельского Сулейманом (впрочем, это объяснимо: историк последовательно возвеличивал своего патрона).

Польские историки сходятся на том, что князь вновь оказался в Крыму весной 1540 г.¹²³ Это могло произойти и ранее. Выкупил ли его Сахиб-Гирей, или же Баки-бек, который в это время находился в Крыму, и в качестве приближенного Сахиб-Гирея часто пировал с ханом, отдал его бесплатно, мы не знаем.

В Крыму Бельский не перестает активно заниматься политикой. Осенью (9 октября) 1540 г. князь писал Сигизмунду, что успел отворотить («отмовил») поход крымцев на Литву и взял с хана клятву идти весной на Москву. Король в благодарность за это послал князю с Оникеем Горностаем сто коп грошей (обменянные королевским подскарбием и писарем Иваном Горностаем на золото), а королева некоторую сумму денег от себя¹²⁴.

Еще одно письмо королю С.Ф. Бельский написал уже находясь по дороге в Москву (т.е. на ранее 5 июля 1541 г.). В нем князь сообщал, что за день до его отъезда (5 июля) к нему приезжали послы московского великого князя, братьев Бельских, митрополита и Боярской думы («ото всей рады»). Послы просили Бельского, чтобы он не настраивал короля идти походом на Москву. Далее Семен Федорович писал: «писали теж до нас в присяжных листех, даючи ся во всем у нашу волю князь великий и вся земля, и в опеку нашу, поколе князь великий Московский доростет лет своих». Бельский, конечно, преувеличивал собственную значимость и выдал посольство с очередной амнистией за делегацию чуть ли не с приглашением на царство. Князь отверг предложения Москвы («к жадному еднанью с великим князем Московским не хотели есмо приступити»)¹²⁵. Это письмо свидетельствует о том, что миссия Иова Кайсарова все-таки была выполнена (выехав 8 мая из Москвы, Кайсаров успел передать листы князю Семену до 5 июля), хотя и не увенчалась успехом.

Бельский принимал в походе 1541 г. самое непосредственное участие. Крымцы, однако, не доверяли беглецу: «Княжеского же сына именем Бельского, — писал Реммал-ходжа, — хан поручил надзору Мамук-бека и Гюн-Доган-бека с сотнею-двумястами человек, строго наказав им, чтобы они не дали ему убежать». Крымский автор передает и реакцию Москвы на описываемые события: «Московский слышал, что бежавший Бельский уехал к хану и боялся, думая, что хан наверно сюда идет»¹²⁶.

В Москве становится известно о готовящемся походе Сахиб-Гирея в мае 7049 г. (1541 г.) в со слов двух полоняников из Крыма. Среди его

участников были как собственно крымцы — подданные хана, так и азовцы, белгородцы (аккерманцы), кафинцы, турки «с пушками и пищальми», ногаи («Бакий-князь из ногай»), а также астраханцы¹²⁷. Поход закончился для хана неудачно. Подойдя 30 июля к Оке, Сахиб-Гирей был неприятно удивлен количеством московских войск. «И узре царь, аже идут сторожевые полкы, многие же люди; и призва царь князя Семена Белского и князей своих: «сказали ми есте, что великого князя люди х Казани пошли, а мне и встречи не будет, а яз столко многих людей и нарядных, ни кутазников, ни аргумачников не лучися видати в одном месте...». И начать на князя на Семена и на князей на своих опалатися»¹²⁸.

Вскоре после московского похода по приказу Сахиб-Гирея был умерщвлен Баки-бек.¹²⁹ О дальнейшей же судьбе князя Семена почти ничего неизвестно¹³⁰. В августе 1541 г. или даже несколько позднее Бельский написал Сигизмунду еще одно послание, в котором сообщал о своей переписке с Сулейманом и Баки, а также о результатах московского похода¹³¹.

Вероятно, в конце 1541 или в начале 1542 г. Семен Федорович вернулся в Литву. Пятого июля 1542 г. Сигизмунд приказывал князю прибыть на сейм в Вильну.¹³² Этот документ (также происходящий из коллекции С.В. Соловьева), вероятно, последнее датированное свидетельство, касающееся Бельского. Письмо Сахиб-Гирея, полученное князем в Литве, точно не датировано (вероятно, написано было до ноября 1542 г.). Хан сообщал своему бывшему советчику о планах совместного крымско-литовского выступления против Москвы. В подарок Сахиб-Гирей слал князю бухарский лук¹³³.

Еще три текста на нашу тему из коллекции С.В. Соловьева — письма «Оталый-Гаджи», «Садык-Челебея» и «Ибраим-паши», адресованные Бельскому. Издатели предполагали, что написаны они были в 1542 г. И.И. Смирнов предложил другую дату — вторую половину 1540 г.¹³⁴ Не вдаваясь в дискуссию, укажем, что датировка И.И. Смирнова, вполне убедительная в целом, наталкивается на единственную трудность: письма крымчан написаны во второй половине 1540 г., т.е. когда Бельский снова был в Крыму.

Ко «второму литовскому периоду» жизни князя относится, скорее всего, и черновик его письма Сигизмунду с просьбой вернуть какое-то имущество. Бельский объяснял королю, что турецкий султан вернул ему все (?), а за пропавшее заплатил «двукрат ценою»¹³⁵.

Между тем, в начале 1542 г. в Москве снова произошел государственный переворот, и власть вторично перешла в руки Шуйских. Об ам-

нистии Семену Федоровичу не могло быть и речи (да и был ли он жив тогда?). Доброхот братьев митрополит Иосаф был заключен в монастырь, а Ивана Федоровича сослали на Белоозеро, где он был умерщвлен¹³⁶. Имя младшего Бельского, насколько мне известно, больше в источниках не встречается.

***

Бельский и Ляцкий бежали в Литву, когда московскому великому князю Ивану IV Васильевичу еще не исполнилось 4 года (он родился 25 августа 1530 г.), однако память об этом событии осталась у будущего царя надолго. Много позже, через тридцать лет после бегства, в 1564 г. Иван Грозный в первом послании князю Андрею Курбскому вспоминал об этом: «яко же подобно тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и камо ни скакаше бесящися? В Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати воздвигающе; но ничто же успеха...»¹³⁷.

Много позже у князя Семена Федоровича Бельского были последователи, такие, как, например, самозванец Тимошка Акундинов (родился в Вологде в 1617 г., четвертован в Москве в 1654 г.), бежавший в 1645 г. с товарищем Косткой Конюховским в Литву, где выдал себя за Ивана Каразейского, воеводу вологодского и наместника великопермского. Через Молдавию и Болгарию он вскоре бежал в Османскую империю, где в Стамбуле выдал себя за сына царя Василия Шуйского, остался там на 3 года, «побусурманился» там (т.е. принял ислам), но с помощью сербов бежал и оттуда. Объявился в Риме, где принял католичество, скитался по Австрии, Трансильвании, Украине, Швеции (где принял лютеранство), Пруссии и Голштинии. Выдал его Москве герцог Голштинский¹³⁸. Авантюры подобного рода почти всегда заканчивались плачевно для авантюристов: они становились жертвой интересов других, заложниками в большой игре без правил под названием международная политика.

* Очерк был закончен весной 2000 г. Автору, к сожалению, осталась тогда неизвестной статья: Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С.98—115. В настоящем варианте я счел возможным оставить текст без изменений. Следую примеру русского востоковеда В.В. Григорьева (1816—1881), который, переиздавая свои ранние опыты в сборнике «Россия и Азия», писал: «Я не хочу ничего изменять и казаться перед читателями начитаннее, чем я был».

¹ Перевод О. Сенковского сочинения Ахмеда б. Ибрахима (1700—1783 гг.) о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. (Сок достопримечательного. Записки Ресми-Ахмед-Эфендия, турецкого министра иностранных дел о сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год хиджры (1769—1776) // Собрание Сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. VI. СПб., 1859. С.247—248; см. также Москвитянин, 1885, Т. V, № 17—18). О Ресми см.: Babinger Fr. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927. S.309—311. Немецкий перевод: Wesentliche Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1768 bis 1774 von Resmi Achmed Efendi aus dem türkischen übersetzt... von H.F. von Dietz, Halle u. Berlin, 1813.

² Дату бегства (3 августа) сообщает «Постниковский летописец» — ПСРЛ. Т. XXXIV (Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы). М., 1978. С.24. Год 7044 (1536 г.) как дата бегства в некоторых источниках безусловно ошибочен (ПСРЛ. Т.17 (Западнорусские летописи). СПб., 1907. Стб.611).

Бельские происходили из рода Гедемина и являлись потомками Ольгерда. Отцом Семена был правнук Ольгерда (внук Владимира Ольгердовича Киевского) Федор Иванович (умер не ранее 1506 г.). В 1482 г. он перешел на службу к Ивану III, а в 1498 г. женился на его племяннице великой княжне рязанской Анне (см. ПСРЛ. Т.17. Стб. 598, 611; Советская Историческая Энциклопедия. Т.2. М., 1962. Стб. 320). И.Б. Греков называет датой перехода Федора Бельского на московскую службу 1481 г. (Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С.290, 295). По Н.М. Карамзину, Федор ушел в Москву в 1492 г., оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Иван III дал ему в отчину городок Демон. В 1493 г. князь попал в опалу (вроде бы за желание вернуться в Литву) и был сослан в Галич, после воевал с Казанью и Литвой (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. VI. М., 1998. С.104, 148, 168, 294, 175, 193, 297, 309). Чтобы понять, насколько сильны и могущественны были братья Дмитрий, Иван и Семен Федоровичи Бельские, достаточно привести тот факт, что они присутствовали на одном из последних совещаний у постели умирающего Василия III, когда великий князь, обращаясь к своим братьям сказал: «Да приказываю вам своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Бельского с братиею и князя Михаила Львовича Глинского... чтобы есте были вопче, дела бы есте делали заодин. А вы бы, мои сестричичи, князь Дмитрей з братьею, о ратных делех и о земском строение стояли заодин, а сыну бы есте моему служили прямо» (Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С.32).

³ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.-Л., 1958. С.40, 42.

⁴ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С.315, 339, 345.

⁵ ПСРЛ. Т.17. Стб.611. Семен Федорович должен был быть относительно молод в 1534 г., недаром его брат Иван в 1541 г., пытаясь добиться прощения Се-

мену, говорил, что «он по грехом своею молодостию от великого князя дерзнул отъехати» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 136—137).

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга III (Тома 5—6). М., 1960. С. 400. Вряд ли выступление С. Ф. Бельского, как считал И. Б. Греков, «идеологически подготавливалось в предшествующие годы». «Следы этой подготовки, как показал Б. А. Рыбаков, зафиксировал еще в 1526 г. имперский посол в Москве С. Герберштейн», — писал И. Б. Греков. Согласно его точке зрения, возможно, уже тогда возникла «программа расчленения русского государства» (Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 269, прим. 13).

⁷ Сигизмунд (по-польски, Zygmunt) I Старый Казимирович (1467—1548 гг.) — с 6 декабря 1506 г. по 1545 г. король польский из династии Ягеллонов, великий князь литовский (с 20 декабря 1506 по 1544 г.).

⁸ Акты относящиеся к истории Западной России. Т. II (1506—1544). СПб., 1848. С. 333.

⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 406; Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 474. Антоний Вид писал, что И. Ляцкий был принят, «конечно же, ласково и великолепно, как того заслуживают его мудрость и живость ума» (Россия... С. 315). Мы вправе утверждать, что с его напарником обошлись ничуть не хуже.

¹⁰ Strykowski Maciej Kronika Polska, Litewska, Zmudzka u Wszystkiej Rusi etc. w Krolewcu. [Königsberg], 1582. S. 758; Любавский М. К. Указ. соч. С. 177, 213—214, 748, прим. 26; Kolankowski L. Zygmunt August wielki książę Litwy do roku 1548. Lwow, 1913. S. 150. Любопытно, что еще в 1521 г. Сигизмунд дозволил пану Якубу Кунцовичу взять двор Стоклишки в заставу, однако, вскоре нарушил привилегий и отдал двор в держанье «князю Рязанскому», а Кунцовичу велел выдать деньги из скарба, но тот умер. Его вдова в 1524 г. получила право выбрать эти деньги в других дворах (Любавский М. К. Указ. соч. С. 213, прим. 48). Князь Рязанский в данном случае, скорее всего, и есть С. Ф. Бельский (он претендовал на этот титул), однако, отождествлению препятствует дата пожалования — 1524 г. (князь тогда был еще в Московском великом княжестве).

¹¹ ПСРЛ. Т. XX (Львовская летопись). СПб., 1910. С. 425; Т. XIII (Патриаршая или Никоновская летопись). М., 1965. С. 85 («их возмущение, вьста от них мятеж, от пакостнозавнивых и гордоумных и ложных, подоостриша Латыньство на своего православного государя...»).

¹² ПСРЛ Т. 34. С. 25; Polska. Jej Dzieje i Kultura od Czasow Najdawniejszych do Chwili Obecnej. T. I. Warszawa, 1927. S. 327. Незадолго до этого в Московское государство бежали слуги Бельского и Ляцкого, предварительно «пограбив казны их». Они-то и сообщили о готовящемся походе (ПСРЛ Т. XX. С. 429; Т. XIII. С. 85, 94).

¹³ Ляцкого «велел краль за сторожи дръжати» (ПСРЛ Т. XX. С. 430; Т. XIII. С. 96).

¹⁴ Acta Tomiciana. Tomus Septimus Decimus. A.D. MDXXXV. Collegit Vladislaus Pocięcha. Wratislaviae-Cracoviae-Posnaniae, MCMLXVI. S. 658. И. Тарновский вроде бы даже вступался за арестованного Бельского. См. Acta Tomiciana. Tomus Octavus Decimus. A.D. MDXXXVI. Kyrnik, 1999. S. 228.

¹⁵ Реляция М. Нипшича от 2 февраля 1536 г. Хранилась в Кенигсбергском архиве (Staatsarchiw w Krolewcu (Königsberg), Herzogl. Briefarchiw, В. 4). Цит. по: Kolankowski L. Op. cit. S. 177, not.

¹⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 413.

¹⁷ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1835—1840. Вып. I. СПб., 1885. С. 169—180; Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841—1849. Вып. II. СПб., 1886. С. 418—421; Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.-Л., 1958. С. 8, 438—440.

¹⁸ Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии. Пг., 1923 (Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Вып. XXXI). С. 5, № 27. В описи самого архива ошибка М. Г. Курдюмова исправлена: слова «хану Саип-Гирею» зачеркнуты и подписано «королю Сигизмунду».

¹⁹ Codex Epistolaris Saeculi Decimi Quinti. Tomus III (1392—1501). Krakow, 1894 (Monumenta Medii Aevi Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia. Tomus XIV. Cracoviae, 1894). С. 224 (№ 204), 348—349 (№№ 334, 335), 368 (№ 361), 416—418 (№ 402, 403); Veinstein G. Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 82. Wien, 1992; Тверитинова А. С. Письмо турецкого султана Мурада III польскому королю Стефану Баторию // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974. С. 295—308 и др. О польско-турецких отношениях того времени см. Базылев А. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI—XVIII веках. М., 1979. С. 12—28; а также Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th-18th Century). Leiden-Boston-Köln, 2000.

²⁰ Dziennik Wilenski. Historia i Literatura. T. 1—2. Wilno, 1826; Katalog Dokumentow Turckich. Dokumenty do Dziejow Polski i Krajow Ościennych w Latach 1455—1672. Opracowal Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1959.

²¹ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков Ч. II Предметный и хронологический указатели. СПб., 1899. С. 377, 95 и далее; Часть III. Альбом снимков. Табл. CCXLIII, CXCVIII, № 1289, CCIV, № 1339.

²² Там же. Часть II. С. 136, Часть III. Табл. CCLII, № 1729. Зафиксирован на бумаге рукописи 1552 г.

²³ Написано поверх строки над и в. В Б — «Початок есть в каждой речи на первой Бога усломнит (ь) и его сътой милости хвалу дават(ь) и розумети о его святой милости мощности...» (л. 6).

²⁴ Здесь переводчик воспринял эпитет пророка Мухаммада مصطفى «избранный, избранный» (см., например, схожий оборот в послании Селима Ивну IV: Inalcık H. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü

(1569) // *Belleten. Türk Tarih Kurumu. Cilt 12, Sayı 46. Ankara, 1948. S.399*) как имя собственное. Эта ошибка очень часто повторялась в переводах османских и крымских грамот в Москве, Великом княжестве Литовском и Польше (см. напр. *Acta Tomiciana. Tomus Sextus. A.D. MDXXII—MDXXIII. Posnaniae, MССMLVII. S.103.*) и даже имела место в османских грамотах, написанных непосредственно по-славянски (например, по-сербски, или по-болгарски). Ср. оборот «и вел(и)каго нашего пр(о)рок(а) Мухамеда, и у з мусафи...» (*Булатова Р.В., Турилов А.А. Славянская грамота 1462 г. султана Мухаммеда II Дубровнику // Славяне и их соседи. Вып.4. Османская империя и народы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV—XVIII веках. М., 1992. С.213*). В Б стоит — «имя ему есть Магмет Мустафа» (л.6).

²⁵ Имеются в виду преемники Мухаммеда, 4 праведных халифа — Абу Бакр, Умар, Усман и Али.

²⁶ Далее зачеркнуто *Ям*, после чего — неловкая попытка скопировать арабскую вязь (м.б. передать написание имени Сулейман, или слова *султан*). Далее текст с новой строки.

²⁷ Далее *нане* зачеркнуто (переписчик поначалу понял выражение *на небе* как одно слово).

²⁸ В Б — «Хвурева коруна есть на моей главе» (л.6). Речь иде о Хосрове (Хусреве) Ануширване. Идея наследования короны Ануширвана играла важную роль в официальном обосновании права османов на завоевания в Европе (Венгрии и Австрии). Во время похода на Вену 1529 г. великий везир Ибрахим-паша демонстрировал корону, сохранившуюся со времен Ануширвана, командирам османского корпуса. Упоминание короны и престола Хосрова в письмах Сулеймана Сигизмунду не единично, ср., напр., оборот в польском переводе письма падишаха королю от второй половины января 1533 г.: «...mam stholecz y corona Chostrzewowa, khtorego zowa po polskv Alexander Maczedonyski» (*Acta Tomiciana. Tomus Quintus Decimus. A.D. MDXXXIII. Wratislaviae-Cracoviae, MСMLVII. S.64.*) Подробнее о короне венгерских королей/Ануширвана/Александра Македонского см. *Фодор П. Идеологические обоснования османских завоеваний (XIV—XVI вв.) // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Сборник статей. М., 1996. С.31.*

²⁹ Румелия (от тур. *Рум Эли*, т.е. страна Рум) — европейские владения османских падишахов.

³⁰ Анатолийский.

³¹ Караман — область на Юго-Востоке Анатолии. Независимый бейлик (княжество), завоеванный османами в 1468 г.

³² Зюлькадыр (Дюлькадыр) — османский эйялет в Юго-Восточной Анатолии. Первоначально — независимый бейлик со столицей в г. Мараш. Закончил свое существование под ударами османских войск в июне 1515 г.

³³ Диярбекир — город (также Амид) и вилайет на р. Тигр.

³⁴ Курдистанский. В Б — «Курдистанский» (л.6).

³⁵ Возможно, здесь автор перевода принял союз за часть слова: вместо *ва ядирбажянски / и азербайджанский* получилось одно слово.

³⁶ Включение в титул османского султана упоминания Дешт-и Кипчак относится еще как минимум ко второй половине 20-х годов: в письме Сулеймана королю Сигизмунду относительно войны с венграми, датированном 1527 г., султан назван «господином и султаном кипчакских полей» («у pol kupczakskich pan u sultan») (см. *Dziennik. S.187*). Есть упоминание «Скифии» и «Татарии» и в латинском переводе письма Сулеймана Сигизмунду от 1529 г. (*Acta Tomiciana. Tomus Undecimus. A.D. MDXXIX. Posnaniae, MDCCCCI. S.144, № 181*). В цитированном письме января 1533 г. этого титула нет.

³⁷ Сирийский, или Дамаскский (*Шам* — Сирия и г. Дамаск).

³⁸ Алеппский (совр. г. Халеб в Сирии).

³⁹ Египетский (от арабского *Мыср* — Египет).

⁴⁰ Мекканский. Ключи от Каабы были переданы Селиму I 5 июля 1517 г. сыном светского правителя Хиджаза Мухаммеда Абу-ль-Бараката Абу Нумейя Мухаммедом, в ответ на это Мухаммед Абу-ль-Баракат был утвержден правителем Хиджаза на условиях вассальной зависимости от османов.

⁴¹ Мединский.

⁴² Йеменской. Интересно, что Йемен формально тогда османам еще не принадлежал. В 1517 г. йеменский эмир Искандер выразил Селиму покорность, за что получил титул сердара Йемена и стал править на правах наместника. Зависимость эта была чисто номинальной. Окончательно эйялетом Османской империи Йемен стал лишь в 1538 г. см. *Удалова Г.М. Йемен в период первого османского завоевания (1538—1635). М., 1988. С.45—67.*

⁴³ Аджам — название Ирана.

⁴⁴ Басра — порт в современном Ираке на р. Шатт аль-Араб. Основан в 630-х гг.

⁴⁵ Луристан — область на западе Ирана.

⁴⁶ Выражение «завоеванные моей саблею» употребляется еще в «Эмр-и шериф» Мурада I (1359—1389 гг.) османскому полководцу Хаджи Эвренос-бегу (см. *Feridun Bey Ahmed Münşaat-us Selatin. Cilt I. İstanbul, 1275/1858. S.87*, араб. шриф). Эпитет «огнистая» (т.е. блестящая) — вероятно, дословный перевод слова *şevketli* (от *şevket* — блеск, пышность, величие). На самом деле *şevketli* — титул султана, нечто вроде нашего «Его величество».

⁴⁷ После этого слова писец сделал попытку передать оригинальное (в арабской графике) написание имени и титула османского падишаха.

⁴⁸ См. сноску 7.

⁴⁹ Перевод османского выражения для официального названия правительства (ведомства великого везира в султанском дворце) Османской империи — *Bab-i Ali* (باب عالی; или *Паша капасы*), т.е. Главные, Высочайшие Врата (иногда — *Bab-i Saadet*, т.е. Врата Счастья). От французского перевода этого названия впоследствии возник русский термин *Порта*. Европейцы «Высокой Портой» до 1654 г. называли лишь султанский дворец, после — канцелярию великого везира.

⁵⁰ Далее одна буква затерта.

⁵¹ Несколько букв не читается из-за дырки в листе.

⁵² В Б — после этих слов стоит зачеркнутая фраза «который есть на царстве и Орде Перекопской» (л.60б.), а на л.7 напротив этих строк другими чернилами приписано «земли татарской».

⁵³ *нашого* написано над строкой, после *санчяка* зачеркнуто *бе*. В Б — «до сандче/к бия» (л.60б.-7). Конец слов на л. 7 написан другими чернилами.

⁵⁴ *سنجان بك* — правитель санджака (военно-административной единицы в Османской империи, подчиненной более крупной военно-административной единице — *эйялету*) и глава его вооруженных сил. Назывался также *мирлива*, или позже *мутасаррыф*.

⁵⁵ Скорее всего, неправильно понятое переписчиком выражение *земельных* (т.е. *тех земель*).

⁵⁶ Написано над строкой.

⁵⁷ Одна буква зачеркнута.

⁵⁸ *чь* написано над строкой.

⁵⁹ В оригинале ЦЛН. 938 г. хиджры начался 15 августа 1531 г. и закончился 2 августа 1532 г. В Б — другими чернилами подписано: «...по смерти (sic!) великого пророка Магметове».

⁶⁰ АФЛЕ.

⁶¹ КВ.

⁶² Адрианополь (тур. Эдирне; в оригинале, вероятно, фраза выглядела как *بعقام ادرنه*), ср. напр. с такими вариантами названия этого города в русских переводах турецких документов: «наш государь отманской в Ядринеполи седит», или «великий государь в Ядринеграде со всеми своими рат(ь)ми румскими» (РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, лл.135об, 146).

⁶³ Ср., напр. ошибку в три года в польском переводе (1642 г.) письма султана Баязида: 894 г.х. переведен в христианское летоисчисление 1487-м г., тогда как это 1490 г. (Codex. S.368 (№ 361)).

⁶⁴ Советская Историческая Энциклопедия. Т.2. М., 1962. Стб.320.

⁶⁵ Хотя, может возникнуть соблазн отнести послание к следующему — 1537 г. (написание его цифирью будет отличаться от даты рукописи почти зеркальным исполнением последнего знака: АФЛЗ~АФЛЕ).

⁶⁶ *Anuñdur Rus Tatar ile Bugudan // Anuñdur Misr u Şâm ile Karaman (Eyyübî Menâkıb-ı Sultan Süleyman (Risâle-i Padişâh-nâme). Hazırlayan Dr. Mehmet Akkuş. Ankara, 1991. S.60).*

⁶⁷ *Gelüp 'askeri cümle Engürüs'üñ // Sipenya'nun Alaman'un Urus'uñ* (Там же. S.66).

⁶⁸ *Sinân-ı şevketiyle kahr-ı darbı // Kopardı Moskof'ın bagrını darbı* (Там же. S.64).

⁶⁹ Об этом периоде в московско-крымских отношениях см.: *Кузнецов А.Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI века // Россия, Польша и Причерноморье в XVI—XVIII веках. М., 1979. С.62—70; Он же Россия и Крымское ханство в 1533—1538 гг. // Российская провинция: история, культура, наука. Материалы II—III Сафаргалиевских чтений. Саранск, 1998. С.68—78.

⁷⁰ Имеется в виду артиллерийское орудие, по-турецки называвшееся *zarbzen* или *zarbuzan*. Существовало 3 типа таких пушек: *şâhi* (большие), *miyâne* (средние) и малые. Согласно турецкому источнику XVI в., малые стреляли ядрами весом 300 дирхемов, большие — ядрами весом 2 окка, а средние — ядрами весом 1 окка. Однако, самые маленькие зарбузаны весили при этом всего лишь 1 кантар (54 кг), а их длина достигала 6—7 пядей (1 пядь = 9 дюймов), а ядро для стрельбы из них весило 50 дирхемов (вес дирхема *Tabrîzî* — 3, 072 г). Такие легкие пушки были очень удобны в транспортировке и поэтому часто использовались в передвижных военных кампаниях: их перевозили по две на одной лошади. Вес среднего зарбузана был, очевидно, больше 1 кантара, и мог например, достигать 5, 5 или 4 кантара (297 и 216 кг соответственно). Несмотря на то, что есть сведения о существовании гигантских зарбузанов, обслуживавшихся расчетом в несколько человек (так, например, зарбузан, отлитый мастером Хайреддином бин Абдуллахом в 1531 г., описывался как весящий 40 кантаров (2 160 кг), длиной 357 см и калибром 26 см), обычный зарбузан был гораздо меньше и представлял среднюю пушку, приспособленную к легкой транспортировке (см. *Agoston G. Ottoman Artillery and European Military Technology in the Fifteenth and Seventeenth Centuries // Acta Orientalia. Tomus XLVII (1—2). Budapest, 1994. P.40—41).*

⁷¹ Сам Сахиб-Гирей в своем письме, доставленном в Москву в ноябре 1537 г., писал: «Оприч моеи рати будет со мною сто тысяч турецкой рати да пять тысяч янычен» (*Флоря Б.Н.* Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С.237—238).

⁷² РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.317об.-318об.

⁷³ Там же, лл.319—319об., 320; см. также *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.413—414.

⁷⁴ Там же, лл.323, 332

⁷⁵ Там же, лл.328об.-329об.

⁷⁶ Там же, лл.330—331; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.414.

⁷⁷ Акты. С.341—342, №189.

⁷⁸ Там же. С.342, *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.413.

⁷⁹ Бельское княжество вошло в состав Московского государства в 1503 г. Бела находилась на р. Орше к северу от Смоленска.

⁸⁰ Акты. С.343.

⁸¹ Подписан он был еще 18 февраля, а вступил в силу с 25 марта.

⁸² Кафинским санджак-беем был в это время, вероятно, уже известный нам Халиль, которого сменил Мехмед-бей Йешильдже (последний с 24 зульхиджа 950 г.х., т.е. 19 марта 1544 г. занимал должность в Нигде, он же потом был дядькой (*лала*) шахзаде Баязида). См.: *Emecen F., Şahin İ.* Osmanlı Taşra Teşkilâtının Kaynaklarından 957—958 (1550—1551) Tarihli Sancak Tevcih Defteri I. // *Belgeler. Türk Tarih Belgeleri Dergisi. Cilt XIX, Sayı 23.* 1998. Ankara, 1999. S.120. В Силистрии эту должность занимал тогда, кажется, Осман (по крайней мере, он упомянут в 1540 и 1542 гг.: см. *Dziennik Wilenski. S.228, 408, 412).*

- ⁸³ *Kolankowski* Op. cit. S.179; Polska. S.333.
- ⁸⁴ РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.364об.; ПСРЛ. Т.ХХ. С.443—444. В летописи имя посланца Ислам-Гирея — «Карача», что, вероятно, более правильно (это не имя, а титул; см. ниже сноску 113).
- ⁸⁵ Орудие (от османского tüfenk — ружье).
- ⁸⁶ РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.366.
- ⁸⁷ Или 22: сведения летописи и Посольской книги разнятся (см. ПСРЛ. Т.ХХ. С.444).
- ⁸⁸ ПСРЛ. Т.ХХ. С.444.
- ⁸⁹ Ассеб о-ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-ого до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (*Es-Seb' us-Seuyar fi ahbar-i muluk-i Tatar, араб. шрифт*). С.91.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т.ХХ. С.447.
- ⁹¹ Это, почти наверняка, правильная его генеалогия. Дело в том, что есть свидетельства, что Баки был сыном Тимура. Так, мирза Кошум (Хаджи-Мухаммад б. Муса — соправитель при ногайском бие Сайид-Ахмеде, правитель правого крыла Ногайской Орды, западных, поволжских ее улусов) обращаясь к Баки, говорит: «С упокойником со отцем твоим, с Темирем князем, князь Велики Василей колько меж себя добра делали...», а в том же тексте чуть выше называет его своим сыном. См. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489—1549 гг. Махачкала, 1995. С.208.
- ⁹² РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.360—361об.
- ⁹³ Сеунч — радостная весть, чаще всего о победе над врагом.
- ⁹⁴ РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.372—372об.; *Соловьев С.М.* Указ.соч. С.415.
- ⁹⁵ РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), л.403.; Посольские книги. С.265—266.
- ⁹⁶ Крымские ширины совершили тогда большой набег на ногайские кочевья, чтобы отогнать лошадей (пригнали около 30000). В этом набеге они захватили пленного, некоего «Изсеня» из рода кипчак, который и рассказал ширинам об обстановке в Астрахани и у ногаев (см. РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.412об.-413).
- ⁹⁷ Там же, л.413—413об. То есть боялся он родственников убитого им Ислам-Гирея — братьев его жены. Стало быть, жена Ислама была из ногаев. Хотя в источниках есть сведения, что Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша (РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.164об.). Скорее всего, жен-то у него было несколько.
- ⁹⁸ *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2003 (в печати).
- ⁹⁹ Посольские книги. С.206—207.
- ¹⁰⁰ Имеется в виду кафинский санджак-бей.

¹⁰¹ Там же. С.208.

¹⁰² Там же. Можно было бы предположить, что в опубликованном тексте отсутствует союз или запятая между словами *король* и *царь* (в первом случае имелся бы в виду Сигизмунд, а во втором — Сахиб-Гирей). Однако, далее (С.209) в письме Баки сочетание «Король царь» употребляется без всяких сомнений только по отношению к Сигизмунду.

¹⁰³ Там же. С.209—210. Перечень сам по себе чрезвычайно интересен. Между прочим, Баки намеревался получить за князя 11 человек «паробков» (т.е. рабов). Этот пункт вызвал особое возражение в Москве: «И у нас того в обычае не живет, чтоб крестьян велети давати кому в окупу». (Там же. С.226, 228).

¹⁰⁴ Там же. С.223

¹⁰⁵ Там же. С.225—226.

¹⁰⁶ От арабского *خراج харадж* (выход) — налог на иноверцев. В Османской империи как подушный, так и поземельный налог с немусульман. Уплатой хараджа С.Ф. Бельский признал бы статус данника-немусульманина. О соответствии арабского *харадж*, тюркского *тыш* и слав. *выход* см. *Golden P.V. Vychod: Aspects of Medieval Eastern Slavic-Altaiic Culturo-Linguistic Relations // Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1987—1991, Vol.VII, Wiesbaden. P.96—97.

¹⁰⁷ РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом), оп.1, ед.хр.8 (1533—1539 гг.), лл.415—415об. Может быть, в последнем предложении пропущено одно слово, глагол, например, «посылали».

¹⁰⁸ *Губогу М.* Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 г. в свете турецких летописей // Труды 25-го международного конгресса востоковедов. Т.II. М., 1963. С.438.

¹⁰⁹ Там же. С.440—441.

¹¹⁰ Автор, по происхождению турок, из семьи медиков, служил у Сахиб-Гирея с 1532 г. (поступил на службу при отъезде хана из Стамбула в Бахчисарай). Историю написал после убийства Сахиба в 1551 г. по просьбе дочери хана Нур-Султан. Закончил труд в конце реджеба 960 г.х. (13 июня-12 июля 1553 г.) Умер в 975 г. (1567/8) или 976 г.х. (1568/9). (*Дмитриева Л.В., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей института востоковедения. Т.II. М., 1975. С.48(№21); *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students* (Harvard Ukrainian Studies, Vol.III/IV). Harvard, 1979—1980. P.445—447). Выдающийся отечественный тюрколог В.Д. Смирнов (из последних работ о нем см. *Непомнящий А.А.* В.Д. Смирнов — историк Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып.II. Симферополь, 1991. С.156—160; *Мейер М.С.* В.Д. Смирнов — основоположник российской османистики // *Османская империя. События и люди. Сборник статей (к 70-летию со дня рождения Ю.А. Петросяна)*. М., 2000. С.34—42) подготовил перевод этого сочинения на русский язык, однако, этот перевод не увидел свет (см. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф.50 (Василия Дмитриевича Смирнова), оп.1, ед.хр.114, «Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского», далее — Архив). В.Д. Смирнов

пользовался двумя известными списками произведения: Санкт-Петербургской рукописью, с которой был выполнен первый вариант перевода (начат 31 октября 1881 г.), а также фотокопией Парижского манускрипта (la Bibliothéque Nationale de Paris, Supplément Turc № 61), которая также хранится в фонде учебного в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (ф.50, оп.1, ед.хр.11). Первый вариант работы подвергся затем существенной правке по Парижской рукописи. В.Д. Смирнов много занимался этим сочинением: наблюдения над текстом были сведены им в небольшую работу «Отметки, касающиеся языка, орфографии и неясностей в турецком сочинении под заглавием «Tävârihe Vakiâte Sahib Girêhan» Раммаль-Ходжи» (ф.50, оп.1, ед.хр.68). В виду высокого качества и художественных достоинств перевода В.Д. Смирнова я цитирую текст черновика перевода с небольшими уточнениями по сводному тексту, опубликованному О. Гёкбилгином (Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973; далее — Tarih).

¹¹¹ بلسیکی как его фамилия пишется в Парижской рукописи (Pag.29 v).

¹¹² В тексте «с нукерами» (nökerlerile). О слове *нукер* см. *Németh J. Wandlungen des mongolischen Wortes nökür 'Genosse' // Acta Orientalia. Tomus III. Budapest, 1953. P.1—23.*

¹¹³ В оригинале Karacı Bèglerine yanaşa... В.Д. Смирнов перевел — «Карацайских беков». О них см. *Shamiloglu U. The Qaraçi Beys of the later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol.4. Wiesbaden, 1984.*

¹¹⁴ Дословно — казну (hazine). О. Гёкбилгин не понял текста и привел транскрипцию Gürel Elçisi (вместо Корал (کورال) эльчиси, т.е. посол Короля, отчего Gürel стало непонятным личным именем; см. Tarih. S.55). Эта название польского монарха (а также польских и украинских земель) довольно распространено в османских, крымских и среднеазиатских источниках (см. напр. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. Л.41а, с.96 перевода), см. также экскурс А.П. Григорьева (*Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // УЗ ЛГУ № 419, Серия востоковедческих наук. Вып.29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987. С.133*). Страной «Король» называл украинские земли во владении Польши, например, Эвлия Челеби (Эвлия Челеби Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641—1667 г.). Симферополь, 1996. С.197, 214, прим.80 и 311). См. также Oeuvres Posthumes de Paul Pelliot. II. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949. P.115—162. В этой связи возможна другая интерпретация одного места в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека (1602 г.). В последней части дастана о Чингиз-хане упоминаются владения, доставшиеся сыновьям Чингиза: третьему сыну, которого звали كراى, досталась «Орда Королей» (کورال اورداسى). Исследователь сочинения М.А. Усманов предположил, что كراى испорченное كدای, т.е. Угудай, Угедей, а название *орда королей* оставил без комментариев. (см. *Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С.62*). Возможно, что нужды в конъектуре нет. Имя сына Чингиза передает наследственное династийное имя *Гирей*, которое носили крымские джучиды, а *орда королей* в данном случае — украинские земли, объект набегов крымских войск.

¹¹⁵ Дословно: «Толмач (tilmaç) же сообщил каждое слово из уст его превосходительства хана». О слове *толмач* см. *Németh J. Zur Geschichte des Wortes tolmács 'Dolmetscher' // Acta Orientalia. Tomus VIII. Budapest, 1958. P.1—8.*

¹¹⁶ Дословно: «Этот Ваш раб является сыном брата московского падишаха».

¹¹⁷ Думается, что это описка В.Д. Смирнова, т.к. в тексте издания стоит число пятнадцать.

¹¹⁸ Дословно: все солдаты будут утопать в добыче.

¹¹⁹ «Ve hem pehlivan yigitdir», т.е. дословно: «он также богатырь-джигит».

¹²⁰ Tarih. S.55—57; Архив. Л.30—31, 118об-120.

¹²¹ Там же.

¹²² ПСРЛ. Т.XIII. С.136—137; Т.XX. С.457; Смирнов И. Указ.соч. С.86.

¹²³ *Kolankowski* Op. cit. S.182; Polska. S.336. Это мнение основано, очевидно, на том, что в архиве Археографической комиссии имелись письма С.Ф. Бельского из Крыма польской королеве Боне, датированные 5 июля 1540 г. (*Курдюмов М.Г. Указ. соч. С.6, 7 (№40)*). Одно из них (о военных вестях) написано князем по возвращении из Перекопа (очевидно, в ставку хана).

¹²⁴ Акты. С.372, №206, 207; *Соловьев С.М. Указ. соч. С.441.*

¹²⁵ Акты. С.375 (№211); *Соловьев С.М. Указ. соч. С.441.*

¹²⁶ Tarih. S.62; Архив. Л.35.

¹²⁷ ПСРЛ. Т.XIII. С.100, 433; Т.XXXIV. С.173; *Соловьев С.М. Указ. соч. С.444; Tarih. S.62.*

¹²⁸ ПСРЛ. Т.XIII. С.109, 436.

¹²⁹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.403

¹³⁰ Греков. С.294—295, прим.31.

¹³¹ Акты. С.377—378 (№ 213).

¹³² Акты. С.391, № 224.

¹³³ Акты. С.392, № 226 (Коллекция С.В. Соловьева; издатели отмечали странное правописание текста и его крайне небрежное выполнение); *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506—1548). Warszawa, 1946. S.344.*

¹³⁴ *Смирнов И.* Указ. соч. С.83, прим.31. Следует внести поправку в чтение: имя первого крымского сановника не «Оталый-Гаджи», а Али-хаджи (издатели неправильно разделили слова «Брату нашему князю Бельскому от Альий-Гаджи...»; см. Акты С.382—383, № 218). Бек (князь) Али-хаджи — приближенный Сахиб-Гирея. Он («Алигачи») был послом Сахиб-Гирея в Польско-Литовском государстве (см. Литовская Метрика. Отделы 1—2. Часть 3. Книги публичных дел. Т.1. Юрьев, 1914 (РИБ. Т.XXX). Стб.77—81). И он, и другой высокопоставленный крымский аристократ Ибрахим-паша-бек принимали участие в походе 1541 г. Ибрахим-паша, кроме того, был аталыком (т.е. воспитателем, «дядькой») султана (ханского сына) Эмин-Гирея (см. Tarih. S.62, 49). Оба вельможи называются Бельским в числе сторонников Литвы в Крыму (Акты. С.375, № 211). Садык-челеби, судя по имени, не татарин, а турок (выехавший, наверное, в Крым вместе с ханом в 1532 г.; вероятно, именно поэтому его брат и выполнял посольское задание Бельского в Стамбуле).

Скорее всего, именно по возвращении князя в Литву была составлена и роспись подаркам, которые Бельский раздавал «в бытность его в Орде». В этом документе, между прочим, упоминается брат уже известного нам Садык-челеби. Он, как писал Бельский, «ездил до царя Турецкого в моей речи» (см. Акты. С.381, № 217). Это драгоценное свидетельство того, что князь не преста- вал сноситься с Сулейманом и во время своего пребывания в Крыму. Сам Са- дык-челеби и Али-хаджи также упомянуты среди получателей даров.

¹³⁵ Курдюмов М.Г. Указ. соч. С.11 (№ 74).

¹³⁶ Об убийстве Ивана Бельского, «мужа пресилного, зело храброго стра- тига и великородного... иже не токмо был мужествен, но и в разуме мног, и свя- щенных писаниих в некоторых искусен», как об одном из первых преступлений Иван IV, совершенных по навету синклита, вспоминал потом в «Истории о ве- ликом князе Московском» Андрей Курбский (Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.222). Его то ли уморили голодом, то ли убили по приказу князя Ивана Шуйского, антагониста Бельских (ПСРЛ. Т.XXXIV.С.27).

¹³⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С.27, 75.

¹³⁸ Мошин В.А. Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ. Т.24. Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., 1969. С.309—313.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ КАЗАНСКИЕ ПОСОЛЬСТВА 1549 г.

Под 1549 г. в Патриаршей или Никоновской летописи, а также в так называемой «Царственной книге» сохранилась следующая запись: «То- го же месяца марта 25 прииде весть царю великому князю, что в Каза- ни царь Казаньский Сафа-Кирей умер, убили в своих хоромех. И по- садили Казанцы и Крымцы, соодиначася, на царство Казаньское сына его Утемишь-Гиреа царевича дву лет, а в Крым послали многих послов просити помочи и сверстного царя. И царя великого князя казаки Урачко с товарищи послов Казаньских побили и ярлыки их поймали и к государю прислали и в Крым никакова человека не пропустили»¹. Казанцы везли в Крым 4 «ярлыка» и книгу «в поминок». Запись об этом событии, а также русский перевод текста одного из писем сохранились в четырех списках XVI—XVII вв.

1) список в составе сборника собрания И.Е. Забелина (ОР ГИМ, собр. И.Е. Забелина, № 419). Видимо, наиболее ранний; дефектный, не хватает конца (далее — З);

2) список в составе сборника Синодального собрания — вклад па- триарха Никона в Иерусалимский монастырь (ОР ГИМ № 272; да- лее — Н)²;

3) в составе сборника из собрания А.Н. Попова, хранящемся в От- деле рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, ф. 326, шифр 59, на корешке — № 2521; далее — П).

Текст письма по рукописи собрания И.Е. Забелина был издан М.Н. Тихомировым³, однако в печатном тексте наличествовали ошиб- ки, а значительная часть текста, сохранившаяся в двух других списках и отсутствующая в З, не вошла в публикацию. Приводим текст посла- ния, сверенный по трем рукописям. В основу положен текст З. Четвер- тый список, содержащий ряд важных разночтений, сохранился в руко- писи РГАДА и был полностью опубликован В.В. Трепавловым⁴.

«Высочайшаго порога великого государя великоюю власть дръжа- щаго и⁵ справедливаго повелителя и победителя царевуоу величеству⁶ Казанские земли Мамай князь в головах, и оуланы, и молны⁷, афизы,

и зей⁸, и все князи, и сотемные⁹ князи, и десятники, и горние люди, и арские князи, и все люди о твоём жаловании челом бьют. А челобитье то: От государя своего от оупокойника от Сафагирея царя и до своей смерти отстоупити есмя не хотели¹⁰. При его щастливомъ времени тех роуских людей воевати и сечи и осилити оуклонилися были есмя, или лаки те врази наши но войне нас победа[т], и мы тем раю достойни были¹¹, с такою надежею жили есмя истиннаго Бога соудьбами. Какъ остали есмя его, и нынеча земли твоя¹², на твое имя многолетное поем и о твоём счастье Бога молим. И ныне, государь, только похочеш, чтобы тотъ юртъ от тебя не отшоль и иномоу бы не достался; и какъ с сею нашею челобитною грамотою холопи твои, Янбарсь¹³ да Сялкишь, досдоут, и ты бы, государь, нашего Довлет Кирея царевича отпустишь. Ис сей земли люди мусоулмане¹⁴ о тебе стануотъ Бога молити и спасение себе примешь» (ОР ГИМ, собрание И.Е. Забелина № 419, лл. 95—95об.). В сборнике собрания И.Е. Забелина далее следует фраза «И как те люди», которой заканчивается лист 95об. Продолжения фразы не имеет: видимо, нескольких листов сборника не хватает. В списках **Н** и **П** далее следует: «И как те люди до тебя доидут, а ты толко не пришлешь, и юрт достанется иному. И ты б масулманских грехов на себя не взял. Коли упокойник Махмет царь на Божию волю отшел, а от роду от него не осталось и потому тот юрт достался иному. И ныне как пожалуешь о сеи земли и о людех породеш, чтоб тот юрт иному не достался и о том как помыслиш, сам ведаеш. В сей земли челобитье то, чтоб еси пожаловал поскорил и наборзе прислал, да с ним Янгурчия князя да Чалагозиня¹⁵ князя вместе бы прислал еси. Земля твоя и люди твои, как пожалуеш — ты ведаеш. Молвя, грамоту челобитную послали есмя» (ОР ГИМ, Синодальное собрание, № 272, лл. 405—406; ОР РГБ, ф. 236, шифр 59, лл. 135об.—136об.).

Документ не датирован, но о поимке казанских послов «в поле», как и о перехваченных «ярлыках», которые они везли, но без указания на их содержание, в летописи сообщается под 1549 годом (М.Н. Тихомиров, очевидно, ошибочно называет 1547 г.). Книга и письма были присланы в Москву 1 мая 1549 г. Текст, говорящий о «ярлыке» привлек внимание А.Д. Седельникова, сообщившего в печати об обстоятельствах поимки казанских послов и о персидской книге, отобранной у них вместе с письмами¹⁶.

Я. Пеленский считал, что письма были направлены из Казани в Османскую империю¹⁷, очевидно, основываясь на том, что Девлет-Гирей, отпустить которого просят в письме казанцы, находился в то время в Турции. Однако, в той же работе Я. Пеленского на страницах

42 и следующей автор утверждал, что посольство Утемыш-Гирея направлялось в Крым¹⁸. В.В. Трепавлов также склонялся к мнению, что казанское письмо было адресовано Сулейману Кануни¹⁹.

Э. Кинан в работе, посвященной так называемому «ярлыку Ахмеда Ивану III», высказывал сомнения в подлинности этого документа, дошедшего в составе той же рукописи (блока произведений), что и «ярлык Ахмеда». «Из пассажей, которые доступны [Э. Кинан не имел возможности пользоваться оригинальным текстом и судил на основе опубликованного фрагмента. — *И.З.*], становится ясным, что в нем ...имеются некоторые спорные черты. Предполагается, что ярлык был послан от имени князя Мамаю, который был в это время в Казани «в головах». Это обстоятельство сомнительно, т.к. летописи ... свидетельствуют довольно ясно, что после смерти казанского хана Сафа-Гирея в 1549 г., главой государства был, согласно обычаю, старейший князь клана Ширин — Нур-Али. Во-вторых, в то время как вежливое «государь» было очевидно de rigueur [необходимо. — *И.З.*] в московской практике при обращении «слуг» к их господину, оно не было принято ни в письмах, посылаемых ногайскими князьями в их контактах с Москвой, ни в татарской переписке между Крымом и Османской Портой, и его использование в этом тексте должно быть объяснено, перед тем, как текст будет принят как подлинный»²⁰.

Возражения Э. Кинана не во всем приемлемы. То, что некоторые тексты сборника № 272 внушают сомнения, само по себе еще не бросает тень на интересующий нас документ (копия шерти ногайского князя Ивану IV от 1557 г. в этом же сборнике несомненно подлинная, что признается и самим Э. Кинаном).

Имя князя Мамаю, показавшееся Э. Кинану подозрительным, поскольку оно в указанное время не встречается в русских летописях, упоминается в «Зафер-наме-и Вилайет-и Казан» — сочинении, написанном уроженцем Астрахани поэтом и писателем Шерифи и посвященном неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. «Зафер-наме» было послано автором в 1550 г. турецкому султану Сулейману Кануни. Текст «Победной книги» был обнаружен в 1965 г. Зеки Велиди Тоганом в фондах библиотеки Зейтиногуллары ильчи Таушанлы в области Кютахья в Турецкой республике. Сочинение сохранилось в сборнике рукописей № 2348 на листах 60а-64б. Без перевода и комментария опубликовано З.В. Тоганом в 1965 г.²¹. Во время штурма Казани русскими войсками в 1550 г. на «одних воротах крепости, собрав молодежь, стоял опора этого государства и указатель пути этим людям, сын покойного Полат-бика Мамай-бик с Нургали-мирзой — да возвы-

сится их значимость, — опытный в военных делах, победивший храбрцев, уничтожавший таких, как Дара и Искандер»²². Таким образом, в реальности Мамай-бика и в его чрезвычайно высоком социальном положении после смерти Сафа-Гирея (Мамай-бик среди защитников ворот города упомянут первым) сомневаться не приходится.

В тексте письма упомянуты и другие реальные исторические личности. «Коли упокойник Махмет царь на Божию волю отшел, а от роду от него не осталось и потому тот юрт достался иному», — писали казанцы. Несомненно, в этой фразе речь идет о Мухаммед-Эмине, не имевшем детей, со смертью которого в декабре 1518 г. линия потомков Улуг-Мухаммеда на казанском престоле прервалась, а трон «достался иному» — московскому ставленнику Шах-Али б. Шейх-Аулиару. Казанцы намеренно апеллировали к далеким событиям 1518—1519 гг.: ситуации были схожи, со смертью Сафа-Гирея Казани снова грозила кандидатура Москвы.

В письме упомянуты еще два человека: князя Ямгурчи и «Чалогозинь». Первый из них — это, скорее всего, Ямгурчи-бек, неоднократно упоминаемый среди приближенных Сахиб-Гирея²³. При перечислении крымских князей Реммал-ходжа пишет: «*Andan sonra kırçak beği Küçük Beğ ve oğulları ve Yağmurca Beğ Murtaza Beğ ve oğlan ve cümle uruğu...*», т.е. «Вслед за этим (потом) кыпчакский бег Кючук-бек и его сыновья, и Ягмурджа-бек, Муртаза-бек и его сын и весь его род...»²⁴. Вероятно, именно этому Ямгурчи в марте 1551 г. хан Девлет-Гирей выдал подтверждающий ярлык на бекство: в тексте ярлыка он назван Ямгурчи-хаджи²⁵.

Менее вероятно отождествление его с мирзой Ямгурчи, сыном ширини мирзы Мамаша. Он упоминается среди приближенных Багатырь-Гирея (калги Мухаммед-Гирея). В письмах калги великому князю Василию Ивановичу в 1519 г. Ямгурчи назван в числе сторонников великого князя²⁶.

Личность второго князя менее определена. Имя является, безусловно, искаженным. Можно предположить, что его настоящее имя было *Чалгазы*, во всяком случае, это имя встречается в посольских документах того времени, применительно к другому человеку²⁷. Можно сделать и другое предположение. Разночтение имени в списках может быть следствием неправильного прочтения нескольких слов как одного. Тогда «Чалогосиня» следует считать образованием из двух слов — «Чалого сына». Такое сочетание («Чалов сын») с личным именем также встречается в дипломатических документах²⁸.

Анализ формальной структуры текста также убеждает в его подлинности.

Э. Кинан сомневался в достоверности обращения «государь», употребленном в письме. Тем не менее, этот оборот, вызвавший у Э. Кинана подозрения в подлинности всего текста, несомненно, является аутентичным переводом. Сравним этот оборот, например, с обращением в послании мирзы Исмаила Ивану IV от 1552 г.: «Высочайшего Государя великую власть держащего повелителя от Исмаил мирзы хрестьянского государя величеству белому царю многом много поклон»²⁹. В письме Ших-Мамай Ивану IV (1548 г.): «Высочайшаго порога государя и повелителя от воина от благочестнаго Ших-Мамай князя московскому государю Иванову княжому сыну много-много поклон»³⁰. «Государь еси!» — пишет в своем письме Ивану IV мирза Али³¹. Титул «государь» неоднократно употребляется в посланиях ногайских мирз Юсуфа и Юнуса³². Показавшееся Э. Кинану подозрительным употребление титула «государь» было абсолютно закономерно при обращении политических лидеров пост-ордынских «юртов» (например, ногайских мирз) к равным и более высоким по рангу правителям. Очевидно, что казанские князья, предпринявшие в 1549 г. попытку пригласить на казанский трон крымского царевича, находились в таком же положении по отношению к крымскому хану. Так что утверждение Э. Кинана о том, что обращение «государь» «не было принято... в письмах, посылаемых ногайскими князьями в их контактах с Москвой», следует отклонить.

Сравним оборот казанского письма («Казанские земли Мамай князь в головах, и оулары, и молны, афизы, и зеи, и все князи, и сотемные князи, и десятники, и горние люди, и арские князи, и все люди о твоём жаловании челом бьют») с обозначением адресанта в другом казанском послании — челобитной грамоте, привезенной Ивану IV в 1551 г. тем же Янбарсом Растовым: «Царю государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси Кудайгул-улан *в головах* да Муралей-князь *и вся земля Казаньская, молны, и сеиты, и шихи, и шихзады, и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы, и мырзы, и ички, дворные и задворные казаки, и Чюваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и Можары, и вся земля Казаньская тебе, государю, челом бьют*» [курсив мой. — И.З.]. Налицо явная близость двух текстов.

Кроме того, отдельные выражения послания свидетельствуют о знакомстве его авторов с текстом Корана. Например, некоторые обороты в строке: «При его щастливом времени тех русских людей воевати и сечи и осилити уклонилися были есмь, или паки те врази наши на

войне нас победят, и мы тем раю достойны были, с такою надежою жили есмя истиннаго бога судьбами», — отдаленно напоминают отдельные аяты 2 суры (186—189, 247). Все это свидетельствует о безусловной подлинности послания.

В том, что посольство 1549 г. из Казани в Крым действительно имело место, не приходится сомневаться. Об этом событии кроме русской летописи упоминает и Мухаммед Риза в «Ассерб о-ссейяр», а также автор анонимной истории крымских ханов, опубликованной Г. Казимирским³³. Однако его изложение несколько не сходится с сообщением летописи. По Мухаммеду Ризе, казанцы просили в Крыму не Девлет-Гирея, а Буляк-Гирея, сына Сафа-Гирея. Крымский хан Сахиб-Гирей не согласился на это, заключив царевича в тюрьму. О предложении казанцев хан сообщил в Стамбул. Там решили сместить Сахиб-Гирея. Девлет-Гирей, назначенный будто бы на престол Казани, на самом деле был утвержден крымским ханом, и, прибыв в Крым, сверг Сахиба³⁴.

О захвате московскими казаками казанского посольства в 1549 г. было хорошо известно ногайским мирзам. Летом этого года мирза Юсуф писал Ивану IV: «И как Сафа Кирея не стало — и те бадраки, которые живут в Казани, в Крым послали царя просити Янбар Сарасова да Магметева сына Данила в головах, тридцать их человек. И ту тридцать человек взяли ваши люди, а которые утекли — и те попали в руки нашим людям. А после деи тех людей иные люди пошли ж царя и царевича просити в Крым»³⁵. Речь, безусловно, идет о уже знакомом нам посольстве.

В тексте упоминаются некие *бадраки*. Поиск непосредственного перевода слова, например, от турецкого *بادرک* «длинные охлопки бумаги, свернутые для пряжи»³⁶ не перспективен³⁷. Как кажется, казанское письмо не единственный источник, где встречается это название. Эвлия Челеби, повествуя о известных ему тюркских племенах и их языках, называет среди них «племя крымских бадраков» — «*kavm-i Badrak-ı (بادراتی) Kigim*»³⁸. Название *бадрак/бадарак/бардак* неоднократно встречается на страницах труда этого османского путешественника и писателя³⁹. В указателе иноязычных слов Эвлии, составленном Р. Данкофф, *badraq* упоминается как составляющая личного имени с «причудливой этимологией — «беглец, беженец» («*Türkman-ı Mogoli*»)⁴⁰. Коркут Бугдай, один из комментаторов труда Эвлии, считает это названием одного из тюркских народов⁴¹. А.П. Григорьев, автор комментариев к русскому переводу выдержек из сочинения Эвлии, предположил, что сочетание *бадарак* можно осмыслить как «с трезуб-

цем», «трезубные»⁴². Поскольку трезубец был тамгой Гиреев, то определением «трезубные» Эвлия Челеби мог обозначать вообще всех поданных крымского хана⁴³. Это объяснение допустимо еще и потому, что в упомянутом перечне известных Челеби тюркских народов специального обозначения для крымских татар нет, а «*kavm-i Badrak-ı Kigim*» логично занимает их место⁴⁴. Интересно свидетельство Эмиджио Дортелли д'Асколи в его «Описании Черного моря и Татариин» (1634 г.): «Крымские татары называются патрак (*Patrach*), по имени реки, протекающей в Татариин, оба берега которой покрыты множеством селений, ими обитаемых, откуда они потом рассеялись по всей Татариин»⁴⁵. Османский автор Неджати Эфенди, совершивший путешествие в Россию в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в., называет племя (*kavm-i Badrak*) среди племен татар и ногаев⁴⁶.

Такое понимание термина бадрак (как крымских татар), в принципе, не противоречит данным казанского письма и послания Юсуфа⁴⁷. Понятно, почему Юсуф объяснял Ивану, что просить царя в Крыму послали «бадраки, которые живут в Казани». Тем самым он хотел подчеркнуть, что инициаторами и вдохновителями посольства были жившие в Казани крымцы.

Однако, исходя из такой трактовки, термин не всегда можно истолковать однозначно. В документах московско-ногайского посольского обмена под 1534 г. встречается следующая запись: «И послал князь велики за Кудояром з грамотою татар своих резаньских *батраковских* Темеша Бахметева с товарищи» [курсив мой. — И.З]⁴⁸. Объяснить это место в упомянутом смысле довольно трудно. Поэтому, возможно, более предпочтительно другое толкование. Автор описания Крымского ханства (до 1783 г.) Тунманн называл Бадрак «малой ордой» Восточного Ногай, т.е. отдельным ногайским родом⁴⁹. Тогда *бадраки* нашего текста — представители этого рода, живущие в Казани.

Можно предположить, что слово в процессе употребления могло становиться собственным именем. Так, в Посольских книгах по связям с Ногайской Ордой под 1533 г. упомянут гонец ногайского бия Сейид-Ахмеда Батрак, а под 1536 г. некий «Янсуба Бадраков племянник»⁵⁰. Позже термин из этнонима или обозначения рода трансформировался в топоним. Например, в 50-е гг. XVII в. упоминается Бардакова волость⁵¹.

Необходимо внести изменение в прочтение (и, следовательно, понимание) процитированного текста его публикаторами. Имя одного из организаторов посольства следует читать не «Янбар Сарасова», а «Янбарса Расова». Несомненно, что это тот самый «Енбарс-мурза Растов

сын», который был отправлен казанцами в Москву в июле 1551 г. для переговоров о мире⁵². Возможно, что упоминаемый в Никоновской летописи и Царственной книге «Тюменской князь Бибарс Растов» был его братом⁵³. Вероятно, последний — это тот самый Бейбарс-бик, который упоминается Шерифи в «Зафер-наме» среди защитников ворот Казани во время неудачной осады города Иваном IV в 1550 г. В тексте поэмы он назван «беем города и правителем Булгарской страны», а также «хранителем ханской казны»⁵⁴. Если это так, то Янбарс мог быть убит в начале ноября 1552 г. в Казани вместе с Бибарсом, заподозренным в сношениях с ногайцами и планах устранения Шигалея: «... и убил царь Бибарса-князя з братиею...», — сказано в летописи⁵⁵.

Братья Рас[т]овы в источниках выступают как последовательные сторонники крымской ориентации. Так, в письмах Абдулы Бакшея Ивану IV и казанским князьям упоминается, что во время похода мирзы Юнуса на Казань «Расовы дети» были «с крымцы в одиначестве», «Булатовы княжие дети да Расовы же дети с крымцы задин стояли у города». «Мы с крымцы съединачилися, от крымцов нам отступити немочно», — передает Абдула Бакшей их слова⁵⁶. Сыновья ногайского мирзы Юсуфа Юнус и Али писали в Москву, что в Казани «Булатов княжой Робай сын да Мордвиновы Расовы дети да и с ними некоторые азеи» говорили: «нам, деи, не умерши, от крымцов не отстати»⁵⁷. Понятно, что сын Булата Мамай послал в Крым своих единомышленников, детей Раста.

Отец братьев князь Раст упоминается в Никоновской летописи при описании событий мая 1531 г. После высылки из города Сафа-Гирея и «царевых советников Крымцов и Ногай», казанцы из них «иных побили, которые царю думали на лихо, Раста князя з детми и Али, Шукурова⁵⁸ сына и иных князей; а опосле его и царицу его ис Казани выслали в Нагаи, ко отцу ее к Мамаю»⁵⁹. Из этого сообщения летописи М. Худяков делал вывод, что «сибирский», как его называет автор, князь Раст был казнен в мае 1531 г.⁶⁰ Судя по всему у Раста было несколько сыновей. Помимо уже известных нам Янбарса и Байбарса, а также детей, погибших с ним в Казани в мае 1531 г., известен еще один его сын. В сентябре 1551 г. из Казани в Москву Шах-Али послал гонца «Кулаа-мурзу, Растова сына, казанца да Муралея-мырзу, ясоул Городецкой»⁶¹.

Можно отметить, что имя Рас (применительно к другому человеку) встречается и в других источниках: например, в списке ногайцев, отъехавших «с торгом и полону искать» в Москву⁶².

Большие затруднения вызывает отождествление второго руководителя посольства. В самом документе он назван «Сялкишь». В письме Юсуфа — «Магметев сын Данил(а)». Вполне возможно, что речь идет об одном человеке. Однако, кем он был, остается неясным. Понятно, что имя Данил/Данила, скорее всего испорченное или непонятое русским переводчиком имя мусульманское (т.е. арабское по происхождению) или татарское. Таким испорченным именем может быть, например, Дана. Известен некий Дана-князь (или Данай — в разночтениях), который в 1528 г. был послан с миссией из Казани в Москву⁶³. Трудности вызывает даже отождествление его отца («Магмета») с кем-либо из известных казанских деятелей того времени. В письме казанского хана Сафа-Гирея польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду I Старому, написанном между 1539 и 1544 гг.⁶⁴, упоминается оглан «Ахмагма», т.е. Ак-Мухаммед⁶⁵. Именно он защищал одни из ворот Казани во время осады города 1550 г.⁶⁶ Вероятно, его имя (Мухаммед-бик) упомянуто и в «Дастане о Хаджи-Гирее» «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека (1602 г.)⁶⁷. Может быть, он и был отцом спутника Янбарса Растова в 1549 г.

Из письма Юсуфа следует, что после посольства, перехваченного в конце апреля 1549 г., казанцы направили в Крым еще одно. Байсунгур, человек Юсуфа, привезший в Москву письмо мирзы, приехал в столицу 18 июля. Таким образом, второе посольство в Крым из Казани могло состояться между 1 мая (дата доставки материалов первого посольства в Москву) и 18 июля 1549 г. Учитывая дорогу от ногайских кочевий до Москвы, можно предположить, что наиболее вероятное время отправки второго посольства — июнь. Возможно, что предложение прислать на казанский престол именно Буляка было сформулировано в материалах второго посольства. Косвенно, такую возможность, допускал В.В. Вельяминов-Зернов⁶⁸. Современный историк С.Х. Алишев также пишет о том, что посольство, перехваченное Ураком и его людьми, не было единственным⁶⁹.

В нашем распоряжении есть еще одно свидетельство о втором казанском посольстве в Крым. В ноябре 1549 г. к Ивану IV из Владимира были присланы два служилых татарина — Кадыш Кудинов и Енгарай Янсубин. Они провели две недели у ногайского мирзы Юсуфа. «А при них прибежал в Нагаи ис Крыма Али мирзин человек и сказывал, что в Крым приходили казанские послы царевича просить на Казань. И царь их ис Крыма отпустил, а царевича не дал, потому что со царем и великим князем и с нагаи в недружбе»⁷⁰.

Из этого указания можно сделать несколько выводов. Во-первых, ясно, учитывая срок пребывания Кудинова и Янсубина у Юсуфа и время, прошедшее с момента их отъезда оттуда (6 недель), что к сентябрю 1549 г. казанского посольства в Крым уже не было.

Во-вторых, не совсем ясна причина того, почему Сахиб-Гирей не отпустил царевича в Казань. Ответ хана можно понимать двояко. Либо царевич не был отпущен из-за небезопасности дороги из Крыма в Казань, (т.е. хан опасался, что он будет перехвачен великокняжескими казаками или ногайцами), либо хан рассматривал Казань как юрт, дружественный Москве и ногайцам.

Воцарение Девлета в Крыму и убийство Сахиба произошло в 1551 г. Однако, в Казани не дождалось разрешения этого конфликта: в том же 1549 г. ханом был провозглашен малолетний Утямыш, а его мать Сююн-бике стала регентшей⁷¹.

Наконец, можно сделать и еще одно предположение. А. Рахим в 20-е годы первым обратил внимание на то, что в «Дастане о Хаджи-Гирее» «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека (1602 г.), в рассказе о приглашении Хаджи на царство упомянут ряд топонимов, встречающихся на территории бывшего Казанского ханства. А. Рахим нашел в Татарстане три селения с названием *سردہ*, два — *اوبماس*, два — *تورت اولي* и несколько названий селений, встречающихся по одному разу и представленных в дастане⁷². К ним относятся и селения *جيجق* — Чыпчык / Чепчуги⁷³, *كاجي* — Кэче / Качелино⁷⁴ и *بيزنه* (Бизнэ / Бездна — приток Волги), *اوتته* — совр. Венета⁷⁵, *نورما* — Нурма⁷⁶, *قرا دولت* — Кара-Девлет, совр. Карадули⁷⁷, *قرا ايشه* — Кара-Айша, совр. Караишево (или Айша)⁷⁸, *سلطان* — Султан⁷⁹, *شيخ زاده* — Шейх-Заде⁸⁰, *شايشي* (شاشي в списке Хальфина) — Шапши⁸¹, *ايسكى يورت* — Эски-Юрт⁸², *خيربي* — Каирби, или Харибей⁸³.

Как известно, Хаджи-Гирей занял крымский престол в 30–40-х гг. XV в., тогда как дата избрания его на ханство представителями упомянутых селений, приведенная в одном из списков «Сборника летописей» — джумади ал-ахир 954 г.х. (19 июля — 16 августа 1547 г.). Второй список (хальфинский) дает дату джумади ал-ахир 956 г.х., что соответствует 27 июня — 25 июля 1549 г.⁸⁴. Как справедливо указывал М.А. Усманов, «генеалогические данные не дают возможность объявлять Хаджи-Гирея казанским ханом... наличие некоторых топонимических совпадений еще не дает достаточных сведений делать категоричные выводы»⁸⁵, однако можно заметить, что дата избрания Хаджи-Гирея, приведенная в хальфинском списке сочинения Кадыр-Али-бека, очень близка времени отправления второго посольства из Казани в Крым

в 1549 г., о котором писал мирза Юсуф, и, возможно, упоминал Мухаммед Риза. «Дастан-и Хаджи-Гирей-хан», действительно, самый запутанный «Сборника» Кадыр-Али-бека. Нет никаких оснований слепо верить автору этого сочинения, однако, возможно, в его распоряжении были источники, «о которых, к сожалению, мы еще не располагаем достаточными данными»⁸⁶. Возможно, сведения о посольстве июня 1549 г. из Казани в Крым с просьбой о новом хане и указанием населенных мест Казанского ханства, избравших его на престол, соединились в «Сборнике» с шаджара Хаджи-Гирея (тоже весьма путаной). Селения, упомянутые в дастане, расположены на левой стороне Волги, что, возможно, свидетельствует в пользу нашего предположения: после московского похода на Казань в феврале-марте 1549 г. правобережье оставалось политически менее активным.

Посольства из Казани в Крым 1549 г. не были последними в крымско-казанских отношениях. Накануне русского завоевания правящие круги Казанского ханства искали дипломатической поддержки не только в Крыму, но и других государствах-соседах. Так, с 1 марта до 20 апреля 1551 г. в Польше вместе с посольством из Крыма находилось и казанское посольство⁸⁷. Казанцы, видимо, не рисковали отправлять послов в Польшу полем, опасаясь, очевидно, московских казаков. Связующим звеном между Ягеллонами и Казанью был Крым. Мы не знаем, добились ли казанцы поддержки у Сигизмунда Августа в 1551 г., и чем закончилась эта миссия. Активная деятельность казанских дипломатов в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в., безусловно, основной своей причиной имело московскую угрозу независимости ханства. Однако, изменить расклад сил казанцы не смогли. Войну, которая привела к падению государства, им пришлось вести фактически одним.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 157, 459. Далее: ПСРЛ 1904.

² О рукописи Синодального собрания см. *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948, № 1. С. 30–31.

³ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 489–490.

⁴ *Трепавлов В.* Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного // Гасырлар Авазы / Эхо веков. Казань, 1999, № 3/4. С. 37.

⁵ «и» написано дважды. В списках Н и П «и» также дважды.

⁶ «величеству» написано дважды.

⁷ В П далее «и».

- ⁸ В Н и П — «азеи».
- ⁹ В Н — «сетемные».
- ¹⁰ В Н далее «и».
- ¹¹ В П далее «и».
- ¹² В Н «земли твоя» отсутствуют.
- ¹³ В Н — «Янбрас».
- ¹⁴ В Н — «малсумане».
- ¹⁵ В П — «Чалогосиня».
- ¹⁶ *Седельников А.Д.* Две заметки по эпохе Ивана Грозного // Сборник статей к сороколетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С.165—167; *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С.490.
- ¹⁷ *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague-Paris, 1974. P.15.
- ¹⁸ *Ibid.* P.42—43.
- ¹⁹ *Трепавлов В.* Приключения. С.36.
- ²⁰ *Keenan E.L.* The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III: A New Reading. A Study in Literal Diplomata and Literary Turcica // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XII. Mouton-The Hague, 1969. P.36.
- ²¹ *Togan A.Z.V.* Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü // İslâm Türkleri Enstitüsü Dergisi. 1965, с. III, S. 3/4. S.194—195. Переводы: на татарский М.И. Ахметзянова (*Хажитархани Шериф* Казан вилайятенен жинусе. Искермелер // Идел. № 1. 1995), а также более новая перепечатка того же татарского перевода с комментарием: *Кол Шәриф* И куңел, бу дөньядыр. Казан, 1997; на русский — Ф. Хакимзянова в публикации текста А. Мелек Озъетгин: *Шерифи Х.* Зафер-наме-и вилайет-и Казан (публ. А. Мелек Узйетгин) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. Казань, май 1995. С.83—92.
- ²² Т.е. Дарий и Александр Македонский. *Шерифи Х.* Зафер-наме-и вилайет-и Казан. С.89. Мамай-бик и Нур-Али, по-видимому, были родными братьями. См. Послание царя Казанского (Письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. Казань, 1/2, 1997. С.34, 38.
- ²³ В.В. Трепавлов по сведениям А.М. Некрасова считает его одним из ближайших соратников Сафа-Гирея во время жизни того в Крыму (см. *Трепавлов В.В.* Приключения. С.38. прим.11).
- ²⁴ *Tagih-i Sahib Giray Han.* Ankara, 1973. S.61.
- ²⁵ *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С.42.
- ²⁶ Сборник Русского исторического общества. Т.95. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т.II. Спб., 1895. С.610, 616, 641.
- ²⁷ См., напр.: РГАДА, ф. 127, ед. хр. 4, л. 97об.
- ²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549. Махачкала, 1995. С.203.
- ²⁹ РГАДА ф. 127, оп. 4, л. 66.

- ³⁰ Посольские книги. С.245.
- ³¹ Там же. С.311.
- ³² Там же. С.306, 309, 312, 319.
- ³³ *Казем-Бек М.А.* О взятии Астрахани в 1660 году. Казань, 1835. С.12—13.
- ³⁴ *Ассеб о-ссейяр* или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-ого до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832. (Es-Seb' us-Seyyar fi ahbar-i muluk-i Tatar, араб. шрифт) 1832. С.94; Précis de l'Histoire des Khans de Crimée (traduit du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. T.XII. Paris, 1833. С.369—370; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. Спб., 1863. С.336—337, 420—422; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С.115—116.
- ³⁵ Посольские книги. С.294.
- ³⁶ *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.I. Спб., 1869. С.247.
- ³⁷ П. Кёппен некогда предложил греческую этимологию слова (от βάρραχος лягушка). *Кёппен П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Спб., 1837 (Крымский Сборник). С.322.
- ³⁸ *Evliya Çelebis Anatolienreise: aus dem Dritten Band des Seyahatname. Edition, übersetzung und kommentar von K.M. Buğday.* Leiden-New York-Köln, 1996. 98, 62b, 16.
- ³⁹ *Эвлия Челеби* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 192, 215, 223; Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С.29, 68.
- ⁴⁰ *Dankoff R.* Evliya Çelebi Lügati. Seyahat-name'deki Yabancı Kelimler, Mahallî İfadeler. Harvard, 1991. С.15.
- ⁴¹ *Evliya Çelebis Anatolienreise.* S.373.
- ⁴² На мой взгляд, если следовать предположению А.П. Григорьева, более предпочтителен перевод «гребенчатые» (от *тарак* — гребень).
- ⁴³ *Эвлия Челеби* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С.222. Справедливости ради следует отметить, что гребенка была тамгой далеко не только одних Гиреев. *Тарак* тамга употреблялась и ногайскими родами.
- ⁴⁴ *Evliya Çelebis Anatolienreise.* S.1996. 98, 62b, 16.
- ⁴⁵ *д'Асколи Эмиддио Дортелли* Описание Черного моря и Татарии // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т.XXIV. Одесса, 1902. С.129.
- ⁴⁶ *Kırım Tarihi veya Necati Efendi'nin Rusya Sefaretnamesi // Tarih Vesikalari. Cilt II, Sayı 13—14.* Ankara, 1944. С.149. Род *Бодрак* среди ногайских родо-племенных объединений упоминает В.В. Трепавлов (См. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С.499). См. также *Смирнов В.Д.* Записки Мухамме-

да-Наджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 гг. // Русская старина, 1894 (год 25), апрель. С.190.

⁴⁷ Специальный этюд посвятил недавно этнониму *бадрак* В. Бушаков. (См. *Бушаков В.* Етноніми Бодрак і Буртас. До питання про історичну долю Буртасів // *Східний Світ* [6, 7]. № 2'1995 — 1'1996. С.94—103.

⁴⁸ Посольские книги. С.121.

⁴⁹ *Туманин* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С.46, 50.

⁵⁰ Посольские книги. С.86 и далее, 145—146.

⁵¹ *Иванов П.И.* О знаках, заменявших подписи в Древней России // *Известия Императорского Русского Археологического общества*. Т.II. СПб., 1861. С.103—104.

⁵² ПСРЛ 1904. С.166, 469; *Худяков М.Г.* Указ. соч. С.135.

⁵³ ПСРЛ 1904. С.167, 468—469.

⁵⁴ *Kurat A.N.* IV—XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972. С.364—365; *Шерифи Х.* Зафер-наме-и вилайет-и Казан. С.90.

⁵⁵ ПСРЛ 1904. С.172, 472.

⁵⁶ Посольские книги 1995. С.321, 324.

⁵⁷ РГАДА, ф. 127, ед. хр. 4, лл. 46об-47.

⁵⁸ Али-Шахкул. См. *Худяков М.Г.* Указ. соч. С.96.

⁵⁹ ПСРЛ 1904. С.57.

⁶⁰ *Худяков М.Г.* Указ. соч. С.96.

⁶¹ ПСРЛ 1904. С.171.

⁶² Посольские книги. С.162.

⁶³ ПСРЛ 1904. С.46.

⁶⁴ «Нижняя» дата письма Сафа-Гирея Сигизмунду — это не апрель 1538 г., как считал его публикатор, а сентябрь 1539 г., когда в Астрахани вторично воцарился Абд-ар-рахман, потерявший престол в октябре 1537 г. Этот хан упоминается в письме как правящий, следовательно, письмо не могло быть направлено Сигизмунду до сентября 1539 г.

⁶⁵ Послание царя Казанского. С.33.

⁶⁶ *Шерифи Х.* Зафер-наме-и вилайет-и Казан. С.89. См. также о нем *Кол Шэриф* И кунел... С.89—90.

⁶⁷ Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т.II. Ч.1 (Сборник летописей). Казань, 1854. С.160; *Рахим Али (Абдрахимов)* О новом списке татарского исторического сочинения XVII в. // *Вестник научного общества татароведения*. № 7. Казань, 1927. С.147; *Борынгы татар әдәбияты*. Казан, 1963. С.477, см. ниже.

⁶⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С.336.

⁶⁹ *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. Казань, 1995. С.86—87.

⁷⁰ Посольские книги. С.318.

⁷¹ *Худяков М.Г.* Указ. соч. С.116.

⁷² *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С.81; *Рахим Али* Указ. соч. С.147.

⁷³ *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Казань, 1971 (Археология и этнография Татарии. Вып.1). С.289, № 436.

⁷⁴ Там же. С.286, № 194.

⁷⁵ Там же. С.285, № 90.

⁷⁶ В Казанском ханстве деревень с таким названием было несколько; Там же. С.287 №№ 295—298.

⁷⁷ Там же. С.286, № 171.

⁷⁸ Там же. С.286, № 173; С.284, № 46—49.

⁷⁹ Там же. С.287, № 328

⁸⁰ Там же. С.289, № 466, или №№ 474—475.

⁸¹ Там же. С.289, № 457—461.

⁸² Там же. С.285, № 138—139.

⁸³ Там же. С.286, № 163, С.289, № 420; Библиотека восточных историков. С.160; *Рахим Али* Указ. соч. С.147.

⁸⁴ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники. С.81.

⁸⁵ Там же. С.82.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Tomczak A. Z dziejów stosunków Polsko-Tureckich za Zygmunta Augusta. 1548—1553 // *Księga Pamiątkowa 150-lecia Archiwum Głównego Akt Dawnych w Warszawie*. Warszawa, 1958. С.454; *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie*. Przewodnik po zespołach I Archiwa dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975. С.127. Тогда же в Кракове находился и бухарский посол. См. *Abrahamowicz Z.* Poseł bucharski w Krakowie w roku 1551 // *Sprawozdania z posiedzen komisji oddziału PAN w Krakowie*. Krakow, 1965 (только название доклада).

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ
ОПИСАНИЕ СИБИРСКОГО ХАНСТВА
В КОСМОГРАФИИ ДЕФТЕРДАРА СЕЙФИ ЧЕЛЕБИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Известны непосредственные контакты султанов Османской империи с узбекскими Шейбанидами. Образование Сефевидского государства в 1502 г. было враждебно встречено Турцией с одной стороны и государством Мухаммеда Шейбани хана — с другой. Поскольку шах Исмаил являлся и для узбеков, и для турок общим врагом, возникли условия для развития дипломатических отношений Шейбанидов и Османской империи. Неслучайно в 1510 г. после падения Мерва в ходе борьбы за Хоросан голова Шейбани хана, набитая соломой, по приказу Исмаила была отослана в знак устрашения в Стамбул¹. После победы на Чалдыранском поле над кызылбашами султан Селим из Хоя отправил грамоту с извещением о победе венецианскому дожу, сыну Сулейману, крымскому хану, а также узбекскому хану Убайдулле². Вероятно какие-то контакты существовали и между сибирскими джучидами (Шибанидами) и османскими султанами.

К сожалению, утрачены посольские «сибирские книги», отражавшие отношения Москвы с Сибирскими Джучидами (Шибанидами) и Тайбугидами, в которых, возможно имелись сведения об этом. По мнению Н.М. Рогожина, книги эти, вероятно, датировались 1555—1563 гг. и содержали документы посольств в Москву «от сибирского князя Едигера ото всей земли Сибирской»³. Документы посольского обмена Сибири с османами неизвестны вовсе.

Ко второй половине XVI в. относится описание Сибирского ханства в космографии османского дефтердара Сейфи Челеби (он умер в 990 г.х.: 26 января 1582 — 24 января 1583 г.)⁴. В его космографии описывались те местности в Азии, которые не входили в состав Османской империи (напр. Китай, Тибет, Индия, Иран, Кашгар и калмыки)⁵. В третьей главе своего труда Челеби вместе с Кашгаром и казахами описывается Тура, т.е. Сибирское ханство. Автор везде называет ханство Тура и не употребляет название Сибирское⁶. Точно не известно, откуда Сейфи Челеби черпал свои сведения. Но вполне возможно, что его сочинение основано не на личном опыте, а является скорее компи-

ляцией, значит, можно предполагать наличие в Османской историографии сочинений, относящихся к истории Сибирского ханства.

Описание Сейфи относится к сложному и довольно темному времени истории ханства. Еще около 1500 г. к власти в государстве Шибанидов пришел сын Сайид Ибрахима (Ибака русских источников) Кутлук. В 1505 г. он совершил набег на русские владения в Приуралье, но потерпел там поражение, а город Чимги-Тура был разрушен⁷. Преемниками Шибанидов в Сибири стали Тайбугиды⁸ — род местного происхождения, первоначальным центром владений которого была Кызыл-Тура на Ишиме, а потом Искер. Основателем государства (княжества) Тайбугидов был бек Искера Мухаммад, убивший Сайид Ибрахима. «К сожалению, политическая история Тайбугидского государства в 1495—1555 гг. остается полностью неизвестной. В этот период княжество Тайбугидов представляло собой своеобразную федерацию владений угорских племенных князей и сибирско-татарских феодалов с крайне слабой центральной властью»⁹. Преемником бека Мухаммада был бек Касим. Ему в свою очередь наследовали братья Йадигар (Едигер) и Бекбулат.

Середина XVI в. стала переломной в истории Сибирского юрта. Присоединение поволжских ханств к Московскому государству превратило Сибирский юрт в соседа Москвы на всем протяжении западной границы. Тайбугиды утратили возможность прямой связи с Крымом и Османской империей, а также потеряли поддержку Казани¹⁰. Шибаниды еще в 50-е гг. XVI в. при поддержке правителя Бухары Абдаллах хана II начали борьбу за реставрацию своей власти над Сибирским юртом. Йадигар, сознавая серьезность этой угрозы, в январе 1555 г. обратился к Ивану Грозному за военной помощью, которая и была обещана в обмен на признание вассальной зависимости Йадигара от Русского государства и выплату ежегодной дани пушниной. Б. Ишболдин в числе причин, побудивших Йадигара признать вассальную зависимость от Москвы, называет причину религиозную: Кучум был ревностным мусульманином, а Йадигар язычником¹¹. Однако военная помощь со стороны Московского государства Йадигару (несмотря на несколько известных посольств в Москву в 1556—1557 гг.) оказана не была. В 1563 г. государство Тайбугидов пало под натиском потомков сибирских Шибанидов, действовавших вместе с ногаями¹².

Восстановленное Кучумом государство превратилось в вассала узбекских Шейбанидов и входило в его состав, подобно ханству Балха. «Верховные правители государства имели право и возможность менять ханов Сибири: так, в середине 1560-х гг. на место хана Кучума, внука

Сайид Ибрахим хана, был назначен его брат Ахмед Гирей хан, а после его смерти на ханский престол Сибири был возвращен Кучум хан»¹³. Для периода Кучума и Ахмеда также характерна слабость центральной власти, сепаратизм местной аристократии и неэффективность государственного аппарата. В плане организации государство продолжало оставаться федерацией полузависимых владений. В борьбе с местной элитой Кучум ориентировался на Бухару. Усилились культурные и торговые связи со Средней Азией, шла активная пропаганда ислама, которую поддерживал Абдаллах II, приславший из Бухары проповедников¹⁴. Первоначально Кучум и Ахмед Гирей подтвердили даннические обязательства Йадигара Москве, но реально они не выполнялись. Иван IV в 1569—1571 гг. пытался получить от Кучума шерть с признанием зависимости, но сделать этого ему не удалось. В 1573 г. племянник Кучума Мухаммад Кули султан совершил набег на Чусовские волости Русского государства. «Русское правительство пыталось установить контакт с противником Шейбанидов — казахским ханом Хакк Назар, но в 1580 г. Хакк Назар погиб, а к власти в Казахском ханстве пришел союзник и вассал Абдаллах хана II Шигай хан, на одной из дочерей которого был женат Кучум хан»¹⁵. Конец Шейбанидскому государству в Сибири положил стремительный поход Ермака¹⁶. Его отряд занял 25 октября 1582 г. Искер. До конца года Ермак действовал как фактически независимый правитель Искера, и только после битвы над войсками Кучума при Абалаке (5 декабря 1582 г.) принял решение обратиться за помощью к московскому правительству. Параллельно военные действия против Кучума вел Тайбугид Сайид Ахмед б. Бекбулат. В ходе длительной борьбы Сайид Ахмед бек в 1586 г. восстановил государство Тайбугидов, изгнав шейбанидского наместника из Искера, но в 1598 г. воевода Д. Чулков занял Искер и захватил Сайид Ахмеда в плен. Борьба с Кучумом, в ходе которой ему удавалось на непродолжительное время восстанавливать свою власть над отдельными областями востока и юга Сибири, затянулась до августа 1598 г., когда хан был разгромлен и вскоре погиб в стычке с мангытами¹⁷. Наследники Кучума продолжали при поддержке калмыков предпринимать бесплодные попытки борьбы за Сибирь вплоть до 1660-х гг.¹⁸

Очевидно, что источники Сейфи могли быть составлены в промежуток времени между походом Ермака и гибелью Кучума. «Сын» Кучума, отосланный, согласно Сейфи Челеби, в Москву — в действительности, возможно, его племянник «Маметкул», попавший в столицу, видимо, в 1585 г. (не позднее зимы 1584/85 гг.)¹⁹. Англичанин Джером Горсей, неоднократно бывавший в России с 1573 по 1591 гг., в своих

«Путешествиях» упоминает о захваченном русскими «царе Сибири» по имени Чиглик Алот (Chiglicke Aloth), которого «привезли в Москву вместе с его матерью и лучшими советниками и мурзами (murseys), как они их называют»: «я видел, как он упражнялся с оружием и верхом, как принято у его народа, и слышал, как он рассказывал, что в его стране живут несколько англичан или по крайней мере людей, похожих на меня»²⁰.

«Страна Тура (تراولایتی) расположена сбоку от народа казахов. Ширина и длина 20 дней пути. С другой стороны кипчакская степь. Имя правителя Кючюм хан, потомок Чингиза. Он мусульманин, принадлежащий к вероисповеданию Имама А'зама (امام اعظم مذهبی دین)²¹.

Кючюм хан куда-то уехал. Неверные русские пришли и ночью захватили город Туру. Как только Кючюм хан узнал об этом, он окружил город. Год или два он не позволял неверным выходить из города. Он ослабил их, а затем захватил. Это событие произошло в Туре совсем недавно. Но когда русские захватили Туру, один из сыновей Кючюма был отправлен в Москву.

Вокруг страны Кючюма есть весьма удивительные люди. Их вид совсем странный. Никто не может понять их язык. У них нет никакой религии или вероисповедания (دینلری و مذهبلری یوقدن). Они почти похожи на животных.

В этой стране ночи исключительно коротки летом. В продолжении 40 ночей день прерывается так быстро, что даже нельзя совершить ночную молитву. Общеизвестно, [что ночь] крайне коротка.

Предки Кючюм хана управляли этой страной со времен Чингиз хана...»²².

¹ Интересно, что после Чалдыранского сражения шах Исмаил заключил союз с султаном Египта и находящимся под его покровительством правителем Зулькадыра Ала-уд-даулой, направленный против османов. Но в феврале 1515 г., османские войска, вернувшись из Тебриза, были отправлены на бейлик Зулькадырогуллары, а уже в мае территория этого государства, граничившего с Египтом, была присоединена к Османской империи. Голова Ала-уд-даулы была отправлена египетскому султану Ашрафу Гансу ал-Гури. (Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961. С.111).

² Hammer J. von Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd.3. Pest, 1828. S.203; Эфендиев О.А. Указ. соч. С.118.

³ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVI вв. М., 1994. С.54.

⁴ Существует некоторое противоречие между датой смерти автора и датой Лейденского списка. Возможно, сочинение было дополнено и датировано после его смерти. Сейфи Челеби писал также стихи на персидском и турецком языках (см. списки: *Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Persans. I. Ancien Fonds. Par Francis Richard. P., 1989. P.321—322, № 317:X—XIII).*

⁵ *L'Ouvrage de Seyfi Çelebi, Historien Ottoman du XVIe siècle. Édition critique, traduction et commentaires par J. Matuz. Paris, 1968; Matuz J.E. The Tartar Khanate of Siberia in a late-sixteenth century Ottoman Cosmography // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Т.3. М., 1997. С.118—119. См. Также французский перевод: Histoire de L'Asie Centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Paris, 1876. Appendice. P.302—304. На русском языке о Сейфи также есть немного: Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. I. (Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы). М., 1963. С.96 и 517; Султанов Т.И. Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.) // Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. Алма-Ата, 1970. № 1 (январь-февраль). С.46—50; Санчиоров В.П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987. С.6—27.*

⁶ В письме некоего Рахмана-Кулу (возможно, казанца), которое было написано около 1635 г. (скорее всего, крымскому муфтию), выражается надежда, что Казань, в которой ислам утвердился еще во времена халифа Умара, удастся спасти от рук неверных русских. Между прочим, автор перечисляет богатства казанской страны и окружающих народов, а также их военную мощь. Пишет он и о стране Тура (т.е. Сибири), в которой 7 городов, а приносит она «8 раз по сто тысяч соболей и бесчисленное количество черной лисицы». См. *Kurat A.N. IV—XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972. S.374, 376.*

⁷ *Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV—XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С.116. Об отношениях сибирских Шибанидов с Москвой в 1481—1505 гг. см. Martin J. The Tiumen' Khanate's Encounters with Muscovy 1481—1505 // Passé Turco-Tatar Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Turco-Tatar Past Soviet Present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Paris, 1986. P.79—87. О роли мехов в русско-османской торговле см. также Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986; Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Les Marchands de la Cour Ottomane et le Commerce des Fourtures Moscovites dans la Seconde Moitié du XVIe Siècle // CMRS. Vol.XI/3. Paris, 1970. P.363—388.*

⁸ *Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском Юрте третий государь» // Tatarica. Звездный час татарской истории. №1. Зима 1997/98. Казань, 1997.*

⁹ *Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: археология и история. АКД. М., 1988. С.16; Нестеров А.Г. Формирование государственности. С.118.*

¹⁰ *Нестеров А.Г. Формирование государственности. С.118.*

¹¹ *Ischboldin B. Essays on Tatar History. New Delhi, 1963. P.100.*

¹² О ногайско-сибирских связях см., напр.: *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). / Подготовка к печати, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М., 2003. С.27.*

¹³ *Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов. С.17.*

¹⁴ *Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в город Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. 1897; Он же О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV. 1904 (1905); Нестеров А.Г. Указ. соч. С.17; Соболев В.И. Распространение ислама в Сибирских ханствах (к постановке проблемы) // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. См. также İnan A. Sibirya'da İslamiyetin Yayılışı // Necati Lugal Atmağanı. Ankara, 1968. Исламу в Сибири посвящен специальный выпуск французского Cahiers du monde russe (41/2—3) под названием. En Islam Sibirien, ed. Stephane A. Dudoignon, Paris, 2000. Где, кроме предисловия С. Додуаньона, к теме имеют некоторое отношение несколько статей: Tomilov N.A. Ethnic Processes within the Turkic Population of the West Siberian Plain (Sixteenth-Twentieth Centuries) (P. 221—232); Korusenko S.N. Composition ethnique et relations intercommunautaires des Tatars du Moyen-Irtysh (fin XVIIIe — fin XXe siècles): etude de quelques releves demographiques et genealogiques (P.233—244); Frank A.J. Varieties of Islamization in Inner Asia: The Case of the Baraba Tatars (1740—1917) (P.245—262); Noack Ch. Die sibirischen Bucharjoten — eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft (P.263—278); Zarcone Th. Les confreries soufies en Siberie (XIXe siecle et debut du XXe siecle) (P.279—296); Dudoignon S.A. Un islam peripherique? Quelques reflexions sur la presse musulmane de Siberie a la veille de la Premiere guerre mondiale (P.297—340); Seleznev A.G. Le syncrétisme islam-paganisme chez les peuples türks de Sibirie occidentale (P.341—356); Ahmetova Sh.K. L'islam dans la culture des Qazaqs de Siberie occidentale (P.357—368).*

¹⁵ *Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов. С.18.*

¹⁶ *Скрынников П.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. См. также Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии / Acta Eurasica. № 3 (10). М., 2000. С.38—60.*

¹⁷ *Zaitsev I.V. Sibir Hanlığı // Türkler. Cilt 8. Ankara, 2002. S.472—479. Тогда же, в августе 1598 г., на Оби в плен был захвачен и внук Кучума Араслан, с 1614 г. ставший касимовским ханом (Беляков А.В. Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003. С.191).*

¹⁸ *Нестеров А.Г. Формирование государственности. С.121.*

**«ДЕШТ-И КЫПЧАК» В ОСМАНСКОЙ ТИТУЛАТУРЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ И РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
В СИСТЕМЕ ОСМАНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ**

¹⁹ См. Дополнение к Актам историческим. СПб., 1846. Т. I. № 128. С. 184—185; *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 90—109; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 178. См. также *Султанов Т.И.* Краткое описание. С. 49, прим. 17. Московский дипломат Г. Б. Васильчиков, находившийся в 1588—1589 гг. с посольской миссией в Иране, так передавал обстоятельства завоевания Сибири. Кучум платил Ивану Грозному дань, а Федору Ивановичу перестал. Поэтому «государь наш послал на него ратью с Перми казаков своих, и казаки, пришед, Сибирское царство взяли, а царь Кучом убежал в поле и ныне казакует на поле, а племянника его Магмет Кула царевича жива взяли». См. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Издано под редакцией Н. И. Веселовского. Т. I. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890. С. 94.

²⁰ *Горсей Джерам* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 106. Эта форма очень напоминает имя Шигалей (Шах-Али) — касимовского и казанского хана.

²¹ Имеется в виду Абу Ханифа, т.е. он придерживается ханифитского мазхаба.

²² L'Ouvrage de Seyfi Çelebi, Historien Ottoman du XVIe siècle. Édition critique, traduction et commentaires par J. Matuz. Paris, 1968. P. 180—181, 89.

Интерпретация монарших титулов Средневековья невозможна без изучения контекста их употребления. Например, от 1492 г. сохранился такой московский текст, донесший до нас титул османского падишаха в его русской интерпретации: «А се такова грамота послана к турскому ... руским писмом...: Салтану великому царю. Межи бесерменских государей великой еси государь над турскими и над азияскими государи волен еси, полской и морской государь еси, салтан Баазит»¹. Понятно, что наименование «полской» не имеет никакого отношения к Польше, а в сочетании с парным определением «морской» значит «государь морей и полей (=земель)». Выражение «над турскими и над азияскими государи волен еси», по всей видимости, отражает верховенство османского падишаха над другими тюркскими и иранскими правителями.

Совершенно не понятен без знания историко-политического и языкового контекста такой, например, оборот, зафиксированный в крымских дипломатических документах (*мохаббат-наме*) XVII в. применительно к московскому царю: «Улуг Уруснынг ве Пуруснынг... Улуг падишахы»². Включение Пруссии в московский титул крымских документах представляло собой, как полагает С. Фаизов, реминисценцию притязаний России на обладание Восточной Пруссией в ходе Ливонской войны XVI в. ³. Правда, возможно, в данном случае имеет место явление, близкое к идее звукового символизма — так называемых «парных слов», широко распространенных в тюркских языках и фарси, а через них вошедших и в русский⁴.

Язык канцелярии полон символов, иносказаний и намеков. Оборот «Rus ve Brus knazlaringa aqbaş ve kara tonlaringa» в ханском ярлыке 1592 г. следовало бы буквально перевести как «русским и прусским князьям, белым головам и черным одеждам»: на самом деле речь идет о князьях, высшем духовенстве и священниках⁵.

Вероятно, также, исходя из контекста, в данном случае, политического, необходимо решать вопрос о «дешт-и кыпчакском» титуле падишаха.

Включение в титул османского султана упоминания Дешт-и Кипчака относится еще как минимум ко второй половине 20-х годов: в письме Сулеймана польскому королю Сигизмунду относительно войны с венграми (1527 г.) адресант назван «господином и султаном кипчакских полей» («у pol kurczakskich pan u sultan»)⁶. Есть упоминание «Скифии» и «Татарии» и в латинском переводе письма Сулеймана Сигизмунду от 1529 г.⁷ В польском переводе письма падишаха королю от второй половины января 1533 г. этого титула нет⁸, однако, в его же письме Сигизмунду, датированном 22 декабря 1535 г. (но, скорее всего, написанном в конце 1536 г.), хранящемся в составе коллекции профессора Александровского Гельсингфоргского университета С.В. Соловьева, вошедшей в собрание Археографической комиссии, употреблен титул «землям татарским господарь»⁹. Упоминания о владении «Татарией» включается в султанский титул и в других документах¹⁰.

Османы, в действительности, не владели сколько-нибудь значительной частью Дешта, и в документах османской канцелярии, направленных в другие страны, упоминания Дешт-и Кыпчака как правило нет. Хотя С. Швайгер (1551 — до 1622 гг.), австрийский посол в Стамбуле при султанах Мураде III (1574—1595 гг.), в своих записках приводит такой титул: «Sultan Murad, Sultan Selims Sohn, Herr zu Constantinopel oder neuen Rom, König in Aphrica und zu Trapezunto, in Ponto ind Bende, in Cappadocia, Paphlagonia, Cicilia (= Cilicia), Pamphilia, Lycia, Caria, Sigea, Scuntia, Armenia und Albania, Herr in Tartarei und in Ungern...»¹¹. Думается, в последнем случае под Татарией скрывается Крымское ханство. Например, в письме султана от 1606 г. встречается выражение «Capitain de la Tartarie», а в письме Сулеймана Гийому принцу Оранжевому 1690 г. (1102 г.х.) развернутый титул таков: «A sçavoir, des Pais et Roiaumes.....de la Tartarie, de Krim, ainsi que de la Grande Tartarie»¹². В последнем случае, возможно, правильным было бы чтение без запятой между Татарией и Крымом, хотя «Великая Татария» здесь явно не Крым.

В действительности законным носителем этого наименования (*Дешт-и Кыпчак падишахы*) в титулатуре являлся только крымский хан. И совершенно естественно титул в 1592 г. был почти полностью продублирован ханом Гази-Гиреем II («Дешт-и Кыпчакнын улуг падишахы» наряду с «Дешт-и Кыпчак ханы»)¹³. Османы владели лишь узкой прибрежной полосой полуострова, и их юрисдикция не распространялась за ее пределы¹⁴.

В данном случае с османской точки зрения использование этого титула в переписке с польским королем и рядом западных монархов отражало подчиненное положение крымского хана (соседа Польши, постоянного источника опасности ее южных границ) по отношению к султану: его титул включался в титул его сюзерена.

Упоминание Дешта в османском титуле тем более любопытно в связи с тем, что, вероятно, непродолжительное время в конце XV — XVI Османская империя, внимательно следившая за развитием событий в регионе, скорее всего, официально признавала за Московским государством права на часть золотоордынского наследства. В послании Баязида Ивану III от 1500 г. султан так обращался к великому князю: «А ты Божиим велением Русской и Восточной и Дешской стороны колка городов государь еси, великий князь Иван»¹⁵. Под «Дешскими»¹⁶ городами подразумевалась, очевидно, какая-то часть владений Золотой Орды, а возможно, это означало признание падишахом включения не сколько ранее определения «болгарский» в великокняжеский титул.

В 1487 г. русские войска овладели Казанью. Хан Ильхан¹⁷ был низложен и отправлен в Вологду, а его место занял прорусски настроенный Мухаммед-Эмин. Было положено начало вовлечению пост-ордынских государств в орбиту московской политики. Московское государство как равноправный претендент начинает бороться за джучидское наследство в Восточной Европе. Казанской победе 1487 г. современники событий в Москве придавали даже большее значение, чем знаменитому стоянию на Угре. Видимо, сразу же после 1487 г. московский великий князь включает в свою титулатуру титул князя «Болгарского»¹⁸ (впервые в сохранившихся источниках это сочетание встречается в 1493 г.). Одновременно он пытается поднять свой международный престиж путем принятия титула короля или царя: в 1487 г. в немецком противне договора Московского княжества с ганзейскими городами упомянут титул *kayser*, а в записи Д. Малипьеро о приеме московских послов — греков братьев Ралевых (3 сентября 1488 г.) великий князь назван «королем России»¹⁹. В Новгороде налаживается чеканка монет с двуязычной русско-татарской легендой²⁰, ее обращение в московских землях и Казанском ханстве должно было продемонстрировать претензии великого князя на «кусочек» в разделе джучидского «пирога». Сообщение о победе московских войск были доставлены в Венецию, откуда послы Ивана собирались ехать с этим известием в Рим²¹. Никаких протестов со стороны Крыма, а тем более Турции, не последовало. Лишь Сайид Ибрахим, приютивший казанских эмигрантов, требовал отпустить Ильхана из плена. Такой расклад сил полностью устраивал Крым. На престол, вме-

сто сторонника Ногайской Орды, был возведен сын жены Менгли-Гирея. Крым не только не препятствовал устремлениям Москвы, но, видимо, сочувственно к ним относился, поскольку подчинение Казани Москве и новый хан, приходившийся Менгли-Гирею пасынком, только укрепляли московско-крымский союз.

¹ Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т.1. Спб., 1884. С.162 (далее РИО 1884).

² Титул *падишах* в османской табели о рангах — высочайший из возможных, применительно к христианским монархам (поскольку он единственный до исламский в противоположность *халифу* или *султану*). См. *Inalcık H. Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // Passé Turco-Tatar Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Turco-Tatar Past Soviet Present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Paris, 1986. P.196.* Наименование *падишах*, в принципе, соответствует только западному *император* (слово, которое значительно позже также попало в турецкий). Даже такой титул как король рассматривался существенно ниже. Это, кстати, прекрасно знали дипломаты (как западные, так и русские). Несоответствие титула монарха его действительному статусу ощущалось как величайшее оскорбление. Когда в начале XVIII в. великий везир в письме французскому послу называл французского же монарха «королем» (*França kralı*), посол настаивал на изменении титула на *França padişahi*, на основании того, что именно в этой форме король упомянут в торговых капитуляциях (впервые в 1604 г.). См. *Schmidt J. French-Ottoman Relations in the Early Modern Period and the John Rylands Library MSS Turkish 45&46 // Turcica. Revue d'études turques 31, 1999. P.417—418.* Вместе с тем, своего рода исключением из этого правила были женщины на престоле. Когда османы в сочинениях XVIII в. называли Екатерину II «красице», это не было непризнанием титула императрицы, а скорее невозможностью образовать женскую форму от слова *падишах*.

³ *Фаизов С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М. — Бахчисарай, 2002. С.18, 32 (прим. 14).*

⁴ См. *Мирза Джафар Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Под редакцией Н.А. Янчука. М., 1900; Аганин Р.А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959. С.18, 95—96; Иванов Вяч.Вс. Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.11. Статьи о русской литературе. М., 2000. С.332—333. К отмеченным Вяч.Вс. Ивановым примерам*

(с большой литературой на с. 341), которые ученый не связывает с тюркскими языками, а склонен считать проявлениями некоторых общечеловеческих языковых устремлений, добавлю выражение «Ходик-модик» в речи дореволюционных московских антиквариев (*Иванов Е.П. Меткое московское слово. М., 1982. С.124*), а также выражение «йасир-йабир» в значении «живой товар, пленники» (*Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (Историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С.27.*

⁵ *Deny J. Turc AÇ-BAŞ // Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinentia. Praha, 1956. P.76.*

⁶ *Dziennik Wilenski. Historia i Literatura. T. 1. Wilno, 1826. S.187.*

⁷ *Acta Tomiciana. Tomus Undecimus. A.D. MDXXIX. Posnaniae, MDCCCXI. P.144, № 181.*

⁸ *Acta Tomiciana. Tomus Quintus Decimus. A.D. MDXXXIII. Wratislaviae-Cracoviae, MCMLVII. P.64.*

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН, Русская секция, коллекция С.В. Соловьева, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 27. Подробнее см. очерк «Позабыв Бога, и наше жалованье, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского).

¹⁰ *Acta Tomiciana. Tomus Tertius Decimus. A.D. MDXXXI. Posnaniae, MDCXXXV. P.83, № 82, 151, № 158.*

¹¹ *Schweigger Salomon. Zum Hofe des Türkischen Sultans / Bearbeitet und herausgegeben von H. Stein. Leipzig, 1986. S.144.*

¹² См. *Koloğlu O. Le Turc dans la Presse Française (Des débuts jusqu'à 1815). Beyrouth, 1971. P.18, 306.*

¹³ Например, Тунманн (XVIII в.) в своем труде приводит образец подписи-титула крымского хана: *Улуг Йортнынг, ве Техти Кырымнинг, ве Дешти Кыпчакнинг, улуг хани.* (См. *Тунманн Крымское ханство. Симферополь, 1991. С.23*). Эта подпись абсолютно правильна и соответствует действительным титулованиям ханов в официальных посланиях. Интересно было бы установить источник этой цитаты Тунманна.

¹⁴ Особняком стоят некоторые произведения османской историографии. Так, у Лютфи-паши в его «Теварих-и Ал-и Осман» (сер. XVI в.) сказано, что после завоевания Кафы и Мангула в 880 г.х. (1475 г.) и захвата лежащих за ними территорий, войско Крыма и Дешта (в тексте *Решта*; частая описка из-за смешения *ра* и *даль*) покорило османам. См. *Atik K. Lütü Paşa ve Tevârihi-î Âli Osman. Ankara, 2001. S.188.*

¹⁵ РИО 1884: 289.

¹⁶ В данном случае подразумевался, конечно, именно «Дешт-и кипчак». Дешт вполне мог упоминаться в документах и без определения «кипчакский». См. поправку В. Остапчука: *Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d'études turques. 19 (1987). P.261.*

сто сторонника Ногайской Орды, был возведен сын жены Менгли-Гирея. Крым не только не препятствовал устремлениям Москвы, но, видимо, сочувственно к ним относился, поскольку подчинение Казани Москве и новый хан, приходившийся Менгли-Гирею пасынком, только укрепляли московско-крымский союз.

¹ Сборник Русского исторического общества. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т.1. Спб., 1884. С.162 (далее РИО 1884).

² Титул *падишах* в османской табели о рангах — высочайший из возможных, применительно к христианским монархам (поскольку он единственный до исламский в противоположность *халифу* или *султану*). См. *Inalcık H. Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // Passé Turco-Tatar Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Turco-Tatar Past Soviet Present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Paris, 1986. P.196.* Наименование *падишах*, в принципе, соответствует только западному *император* (слово, которое значительно позже также попало в турецкий). Даже такой титул как король рассматривался существенно ниже. Это, кстати, прекрасно знали дипломаты (как западные, так и русские). Несоответствие титула монарха его действительному статусу ощущалось как величайшее оскорбление. Когда в начале XVIII в. великий везир в письме французскому послу называл французского же монарха «королем» (*França kralı*), посол настаивал на изменении титула на *França padişahı*, на основании того, что именно в этой форме король упомянут в торговых капитуляциях (впервые в 1604 г.). См. *Schmidt J. French-Ottoman Relations in the Early Modern Period and the John Rylands Library MSS Turkish 45&46 // Turcica. Revue d'études turques 31, 1999. P.417—418.* Вместе с тем, своего рода исключением из этого правила были женщины на престоле. Когда османы в сочинениях XVIII в. называли Екатерину II «краличе», это не было непризнанием титула императрицы, а скорее невозможностью образовать женскую форму от слова *падишах*.

³ *Фаизов С. Тутра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М. — Бахчисарай, 2002. С.18, 32 (прим. 14).*

⁴ См. *Мирза Джафар Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Под редакцией Н.А. Янчука. М., 1900; Аганин Р.А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959. С.18, 95—96; Иванов Вяч.Вс. Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.11. Статьи о русской литературе. М., 2000. С.332—333. К отмеченным Вяч.Вс. Ивановым примерам*

(с большой литературой на с. 341), которые ученый не связывает с тюркскими языками, а склонен считать проявлениями некоторых общечеловеческих языковых устремлений, добавлю выражение «Ходик-модик» в речи дореволюционных московских антиквариетов (*Иванов Е.П. Меткое московское слово. М., 1982. С.124*), а также выражение «йасир-йабир» в значении «живой товар, пленники» (*Юдин В.П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (Историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С.27.*

⁵ *Deny J. Turc AÇ-BAŞ // Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinentia. Praha, 1956. P.76.*

⁶ *Dziennik Wilenski. Historya i Literatura. T. 1. Wilno, 1826. S.187.*

⁷ *Acta Tomiciana. Tomus Undecimus. A.D. MDXXIX. Posnaniae, MDCCCCI. P.144, № 181.*

⁸ *Acta Tomiciana. Tomus Quintus Decimus. A.D. MDXXXIII. Wratislaviae-Gracoviae, MCMLVII. P.64.*

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН, Русская секция, коллекция С.В. Соловьева, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 27. Подробнее см. очерк «Позабыв Бога, и наше жалованье, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского).

¹⁰ *Acta Tomiciana. Tomus Tertius Decimus. A.D. MDXXXI. Posnaniae, MDCCCXV. P.83, № 82, 151, № 158.*

¹¹ *Schweigger Salomon. Zum Hofe des Türkischen Sultans / Bearbeitet und herausgegeben von H. Stein. Leipzig, 1986. S.144.*

¹² См. *Koloğlu O. Le Turc dans la Presse Française (Des débuts jusqu'à 1815). Beyrouth, 1971. P.18, 306.*

¹³ Например, Тунманн (XVIII в.) в своем труде приводит образец подписи-титула крымского хана: *Улуг Йортнынг, ве Тексти Кырымнынг, ве Дешти Кыпчакнынг, улуг хани.* (См. *Тунманн Крымское ханство. Симферополь, 1991. С.23*). Эта подпись абсолютно правильна и соответствует действительным титулованиям ханов в официальных посланиях. Интересно было бы установить источник этой цитаты Тунманна.

¹⁴ Особняком стоят некоторые произведения османской историографии. Так, у Лютфи-паши в его «Теварих-и Ал-и Осман» (сер. XVI в.) сказано, что после завоевания Кафы и Мангула в 880 г.х. (1475 г.) и захвата лежащих за ними территорий, войско Крыма и Дешта (в тексте *Решта*; частая описка из-за смешения *ра* и *даль*) покорило османам. См. *Atik K. Lütüfi Paşa ve Tevârihi-i Âli-i Osman. Ankara, 2001. S.188.*

¹⁵ РИО 1884: 289.

¹⁶ В данном случае подразумевался, конечно, именно «Дешт-и кипчак». Дешт вполне мог упоминаться в документах и без определения «кипчакский». См. поправку В. Остапчука: *Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d'études turques. 19 (1987). P.261.*

¹⁷ См. *Ousmanov M.A.* Y eut-il un Khan de Kazan nommé Ali? // *Turcica. Revue d'études turques.* 30 (1998). P.279—285.

¹⁸ *Lebedeff O.* de Abrege de l'Histoire de Kazan offert aux membres du XIIme congres des orientalistes. Roma, 1899. P.35. Правда, как попытался показать Д.М. Исхаков, титул «князь Болгарский» мог оказаться в титулатуре московских великих князей и после присоединения Нижегородского княжества: в «местной грамоте» нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича (1367—1368) его титул таков: «князь великий новгородский Нижнева Новгорода и суздальский, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и балымецкой...». Дмитрий Константинович принимал активное участие в походах Казань (см. *Исхаков Д.М.* Из истории титула «Булгарский князь» // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Казань, 2000. С.47—48).

¹⁹ *Хорошкевич А.Л.* Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татари. Сб. V (УЗ Казанского гос. пед. ин-та, Вып. 116). Казань, 1963. С.115—116.

²⁰ *Калинин В.А.* Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Труды ГЭ. Т. XXI. Л., 1981. С.111—116.

²¹ *Пирлинг П.* Россия и Восток. СПб., 1892. С.141, 144, 251; Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С.12—15.

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ

ТАТАРЫ И РУССКИЕ ДРУГ О ДРУГЕ: SINE IRA ET STUDIO

В насмешку и в позор моей родной земли,
Так некогда сказал наш враг иноплеменный:
«Лишь внешность русского немножко поскобли,
Под ней — татарин непременно».

Теперь проявимся мы в образе ином.
Так отатарит нас «народников» дружина,
Что сколько ни скреби татарина потом, —
Не доскребешь до славянина.

Алексей Жемчужников (1883 г.)¹

Восприятие одного народа другим — тема особая, весьма тонкая и деликатная, требующая от историка особой осторожности. Не стоит объяснять, что и сегодня она чрезвычайно актуальна. В последнее время появляются работы, посвященные взаимным представлениям, например, русских и турок², однако, насколько мне известно, о русско-татарской *имагологии* написано мало. Естественно, русские и татары (а шире — славяне и турки), живя бок о бок на протяжении столетий, не могли не зафиксировать в собственном сознании и творчестве противоречивые образы друг друга. «Едва ли не половина страниц южно-русской истории наполнена такими или иными отношениями к народам турецкого племени... Наши предки, в течение тысячелетия... то воевали с народами турецкого племени, то дружили с ними: женились, перемещивались в колонизации, менялись национальностями... и т.п.»³.

Попробуем увидеть эти образы и, по возможности, проследить динамику изменений этих взаимных представлений. Какие источники могут нам в этом помочь? Это исторические хроники, летописи, фольклор и особенно пословицы и поговорки, которые едва ли не лучше и ярче всего отражают взаимные симпатии, претензии и неприятия. Совершенно очевидно, что нужно сразу же отказаться от попыток определить некий стабильный и неизменный образ одного народа в сознании другого: конечно, в зависимости от исторических обстоятельств эти конкретные представления колебались в очень большой амплитуде от образа врага до образа друга.

Вопрос об *имени* татар, эсхатологическом смысле их появления был чрезвычайно актуален в контексте концепций русских книжников

XIII в. Особенно показателен в этой связи парадоксальный по существу текст, которым открывается повесть о битве на Калке: с одной стороны — «их же [т.е. татар. — И.З.] никто же добре ясно не весть, кто сугь...», с другой стороны — «премудрии мужи ведать я добре, кто книги разумно умееть»⁴. В этом отрывке хорошо видно, как, столкнувшись с новым, дотоле неизвестным народом, русский летописец заранее пытается определить его место в знакомой картине мира: для этого нужно было определить предка этого народа среди сыновей Ноя. Именно от этого зависело определение места народа в картине: «измаильтяне» (т.е. потомки Измаила, в конечном счете, народ, вписывающийся в картину библейской истории) или «нечистые человеки».

Древнерусскому обществу, насколько позволяют судить источники, вообще, было присуще достаточно терпимое отношение к иноверцам: бытовая обособленность конфессиональных общин, естественно, имела место, и памятники канонического права Руси XI — XIII вв., разумеется, регулируют повседневную жизнь христиан, в том числе их общение с иноверцами (употребление пищи, сожителство и брак, нахождение в плену и проч.), но религиозных гонений Русь не знала⁵.

Проходит каких-то 15 лет, и Русь сталкивается с новым народом уже вплотную. И вот в той же Лаврентьевской летописи появляется эпизод об осаде Владимира войсками Бату. В описании этих событий летописец особо подчеркивает отказ сыновей владимирского князя от борьбы, причем этот отказ не осуждается автором. Если проанализировать это известие и интерпретацию события в более поздних летописных произведениях, можно прийти к выводу, что во второй половине XIII в. нашествие воспринималось как «наказание Божие за грехи людские», и в соответствии с этим восприятием книжники моделировали поведение своих персонажей: отказ от сопротивления, вызванный не трусостью, а подлинным христианским смирением перед карой господней. Татары в XIII — XIV вв. для русского сознания это по преимуществу «бич Божий» (можно было бы привести в качестве примера и произведения Серапиона Владимирского — церковного иерарха, писания которого — реакция современника на события). Момент наказания за грехи, в котором татары — инструмент Божьей кары, явно преобладает в оценке и практически снимает собственно восприятие татар как таковых, по крайней мере, враждебность к ним значительно ниже, чем позже. Как мне кажется, важным здесь было то, что русские столкнулись с язычниками (возможно, до XIV в. в среде русского духовенства существовала надежда на успех миссии среди татар, добавлю — не столь уж иллюзорная надежда, если вспомнить хотя бы Сарайскую епи-

скопию, покровительство церкви, золотоордынские ярлыки митрополитам, массовый переход татар в православие и складывание целого слоя служилых татар и проч.). Принятие Ордой ислама резко усилило противостояние (хотя крещение выходцев из Орды продолжалось). Теперь вражда распространялась на сферу религии, а примирить ислам с христианством тогда — несомненная утопия, после этого до разрешения конфликта было уже очень далеко. Особенно заметно это изменение образов завоевателей в разных интерпретациях одной темы или даже редакциях одного памятника. В середине XIII в. возникло Житие Михаила Черниговского, в ранних версиях которого Батый еще не получил черт борца против христианства. В памятнике же первой половины XVI в. («Слове похвальном Филолога Черноризца Михаилу Черниговскому и боярину его Федору») татарское нашествие — вражье ополчение на святую церковь⁶.

В XV — XVI вв. отказ от борьбы с татарами начал восприниматься как недостойный поступок, и вместе с этим новым восприятием подверглось «пересмотру и редакции» и поведение исторических лиц — героев летописей⁷.

Изменение образов татар в русском общественном сознании XV — XVI вв. подробно проследил А.О. Амелькин. Согласно его исследованию, уже в «Повести о Меркурии Смоленском» «образы врага... отличаются от известных ранее по житиям XIII — XIV вв. Это отличие обусловлено отчасти влиянием фольклорных традиций, отчасти же изменением представлений о противнике в сторону усиления его негативной характеристики именно как противостоящего России иного в культурно-историческом отношении сообщества». В русском общественном сознании конца XV — первой половины XVI вв. «используемые в качестве орудия наказания татары оцениваются как неразумная, разрушительная, безликая, некультуренная стихия. Особо подчеркивается их коварство и стремление изменить уклад жизни покоренных народов»⁸.

Вместе с тем, следы русско-татарского синтеза, двойственность восприятия татар и их оценок можно обнаружить еще в памятниках литературы XVI — XVII вв., затем эта линия будет по-разному проявляться вплоть до сегодняшнего дня. Так, в «Казанской истории» — довольно загадочном произведении второй половины XVI в. автор, который в целом разделял «традиционно-православные взгляды своего времени», контрастно изображает казанцев, то сочувствуя им, то признавая их антагонистами Русского государства⁹. По мнению Я.Г. Солодкина, автор этого сочинения, «проведя 20 лет в Казани, ...мог проникнуться

симпатиями к ее жителям. Он видел положение там изнутри, и этот взгляд побудил его изобразить людей иначе, чем диктовала традиция»¹⁰. Согласно исследованию А.О. Амелькина, в первой половине XVI в. в русской литературе даже Батый «наделается некоторыми чертами мудрого и грозного царя»¹¹.

«Корни озлобления, которое определяло отношение правящих кругов феодально-дворянской России к казанским татарам, — пишет Г.С. Сабирзянов, — в трех десятилетиях после 1521 г., когда в Казани господствовали ханы крымской династии»¹². Однако, и в XVI столетии в отношениях двух народов не наблюдается национально-расового противостояния, а только политическое и религиозное¹³.

Изучая Жития Петра и Иоанна Казанских, А.О. Амелькин приходит к обоснованному выводу: «Для агиографа не имеет значения этническая сторона вопроса. Русский полоняник из Нижнего Новгорода и принявший православие житель Казани, находящийся на службе у великого князя, равнозначны для него»¹⁴. Во взаимоотношениях русских и татар в конце XV — первой половине XVI вв. доминировали не этнические, а религиозно-политические моменты, важен был религиозный и политический аспекты, а не этнос.

Прекрасным источником для нас могли бы служить пословицы того времени, однако записи русских пословиц известны только с XVII в.¹⁵. И вот в одной из самых ранних записей мы встречаем огромное количество пословиц и поговорок, так или иначе связанных с татарской темой (что само по себе уже свидетельствует о ее значимости и важности в русском сознании). Среди них можно выделить несколько групп. Преобладают, безусловно, оценочные с отрицательным оттенком: «Алай булай крымские песни, там их и тресни» (с.74)¹⁶, «Голец из Крыму что таракан из дыму» (с.92); «Жить в Крыму что суме в дыму» (с.101); «Рано Татаром на Русь ити» (с.136); «Целование татарское назад руки задрав буди» (с.154), «Азов не о сте глазов, а Крым не крив», «Азов был славен, Смоленск страшен, а Вилня дивна» (с.76). Довольно большое их число отражает различия в хозяйственно-бытовом укладе двух великих народов с русской точки зрения: «Татарскому мясоеду конца нет» (с.143 — в смысле отсутствия постов в исламе и того, что есть *ураза* с точки зрения православного). Есть достаточно нейтральные, в которых крымская, татарская тема — лишь повод, инструмент для иллюстрации каких-то общечеловеческих тем: «Болшой в дому, что хан в Крыму» (с.82), «Женские умы что татарские сумы» (с.103). «Тетива порветца и Татарин не бьётца» (с.143, т.е. подчеркивается роль лучников в татарском войске). С другой стороны совершен-

но доброжелательные, показывающие относительность этнических, религиозных и государственных ценностей и абсолют морали: «Жил бы и в Орде, толко бы в добре» (с.104; вар. «Хотя бы в орде тако бы в добре», с.148), «Отнимается дьявол окоянными Турки» (с.152), «Царь турской противник русской» (с.154), «Штаны сняли турецкие, а батоги кладут русские» (с.157), «Ежь медведь Татарина, а ока не надобе» (с.160); и даже смешные: «Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу» (с.120).

Эта двойственность в восприятии татар и зависимость образа и оценки от времени бытования пословицы хорошо видны в тех пословицах, которые до сих пор существуют в русском языке. С одной стороны, до сих пор бытующая русская пословица — Незванный гость хуже татарина (при том, что в XVII в. был вариант «Не зван гость лутче и званова»¹⁷, где, как видим, этнический момент вовсе отсутствует). С другой стороны — как мы могли убедиться, сочувственное или даже чрезвычайно теплое, дружественное отношение к татарам авторов некоторых литературных и публицистических сочинений эпохи средневековья.

Тут, возможно, уместно сопоставить это отношение к татарам со стороны османов. Османский историк конца XVI в. Али-эфенди передает слова султана Селима Явуза: «я больше всего опасаясь татар, быстрых как ветер охотников на неприятелей, потому что если они пустятся, то в один день сделают пяти-шести-дневную дорогу; а если побегут, то таким же образом мчатся. Особенно важно то, что их лошадям не нужно ни подков, ни гвоздей, ни фуража; когда они встречают глубокие реки, то не дожидаются, как наши войска, лодок. Пища их, как и самое тело, не велика; а что они хлопочут о комфорте, это только доказывает их силу. Теперь гром барабана могущества моего донесся до небес... Если хан крымский тоже будет повиноваться моей власти, то есть если он, поступив в список пользующихся моею милостию рабов моих, станет есть жалованье из нашей казны и носить наше знамя и если он из славных сыновей своих доблестного сына своего Сеадет-Герая пришлет на службу к нашему августейшему стремени в качестве заложника, так ладно будет; если же нет, то вот уж готово и поле войны и арена битвы; вот уж готовы герои побоища и мужи брани и кровопролития»¹⁸. Как видим, с одной стороны это страх, а с другой — отвращение и презрение. Сам Али-эфенди в своих характеристиках добавляет к словам Селима: «То, чего они [т.е. татары, — И.З.] не могут унести с собой из съестного ли, или из одежного, или из утвари, не исключая и постоянных жилищ человеческих, они предают пламени и пепел развевают по ветру. Распарывать, по умершвлении, утробы чреватых женщин и живьем вы-

таскивать находящийся внутри плод, а также убивать с разными мучительствами — это также старинный их обычай»¹⁹.

Кемаль Паша-заде в своей «Истории дома Османа» также довольно нелестно отзывается о «шайках татар», подобных морским волнам²⁰.

У Фундуклулу в «Истории Силяхдара» есть несколько нелицеприятных описаний поведения крымцев во время военных кампаний. После одного сражения татары бросились обирать убитых с таким видом, как будто, пишет историк, они считали: «теперь на нашей улице праздник» (ارتق میدان بزمدر)²¹. Тот же Фундуклулу с отвращением описывает поведение татар на пиру во время османского похода на Каменец с участием Селим-Гирея (1672 г.): тысяча татар жадно пожирала быков и баранов целыми тушами²².

В истории Мухаммед-Гирея описываются бедствия татар в 1691 г. под Белградом. Крымцы умирали с голоду, питаясь одной кукурузной мукой. Турецкий главнокомандующий (*сердар*) Халиль-паша при этом говорил: «Этот татарский народ будет есть все, что ни попало». Халиль, считая татар скотами, отдал им оставшиеся еще со времен султана Сулеймана заплесневелые сухари со словами: «Вот провиант, пусть они его жрут». Естественно, что эта мера ухудшила положение среди татар, многие стали умирать от голода и болезней, а сам сердар, доложив в Стамбул об отпуске фуража, положил казенные деньги, отпущенные на это, себе в карман²³. Татары, естественно, платили османам тем же. В истории Фундуклулу события этой кампании описаны так: татары от стужи и зимней бескормицы стали умирать, резать лошадей на пищу, и ширинские и ногайские беки собрались к калге (хан тогда был в Стамбуле) и говорили ему: «... Османлы, небось, забрав что им следовало, покончили свое дело да и ушли по своим краям... Твой отец опять уехал в Стамбул облизывать османские блюда»²⁴. Ислам-Гирей I также не испытывал приязни к османам. В марте 943 г. хиджры, т.е. 1537 г. он написал письмо в Москву великому князю относительно С.Ф. Бельского, бежавшего через Литву в Стамбул и Крым, в котором писал: «И совета похочешь — и ты ведай, что те отманцы — лихие люди, не княж Семенова для пригодства, ни пак пригоже ли ему княжен(ь)е, не пригоже ли. Камен(ь) на камен(ь) ударит, тол(ь)ко бы ему что к себе приволочи(л), а он и нашей земле упокою не даст — с таким устремленьем живет, не молвит того, кто ему земл(ю) доставает, пригоже ли, непригоже ли ко государству, ни пак, кто от холопа или от робы родился — так и ему дает, толко бы ему земли привел». «Коли к тебе придут, толды и к нам придут», — писал Ислам-Гирей великому князю²⁵.

Поведение турок во время битвы у Перекопа весной 1523 г., во время ногайского нашествия наглядно продемонстрировало их нежелание активно помогать крымчанам в борьбе с ногаями и Астраханью: после битвы Шейх-Хайдара с крымцами у Перекопа крымские «князи...и мурзы утекли пеши х каменому городу, и турки их взволочили ужищем на город, а воротец им малых не отперли, да и никакова...татарина в город не пустили»²⁶. В Литовской метрике сохранилось такое описание осады Бреславльского замка турками в 1552 г., в котором участвовали и татары под предводительством Девлет-Гирея: «Добывали замку все Турцы, припуживано и Татаров, бьючи их палицами»²⁷.

Ахмед б. Ибрахим Ресми-эфенди, автор записок о событиях, случившихся после заключения Кучук-Кайнарджийского мира, так отзывался о крымчанах, прибывших в Османскую империю: «А татары, известно, каков народ: за трубку табаку они готовы пять часов карабкаться по горам!»²⁸. Он вообще отзывался о крымских татарах крайне пренебрежительно: «Когда наконец Татары, оставив свое толкно и свою бузу, начали покушивать борщ, и покуривать опиум, запивая его чаем да кофе, эти пьяницы, натурально, сделались слабыми и тяжелыми, а между тем Москва усилилась и пожелала отмстить им за свои обиды»²⁹. Заключительную статью своего произведения Ресми начал так: «татарская нация искони была бременем для высокой державы. Этот народ склонный к мятежу и зловещий»³⁰.

Пренебрежительное отношение *османлы* к татарам находило отражение и в европейских описаниях. Знаменитый автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» Ян Потоцкий, совершивший в 1784 г. путешествие в Турцию и Египет, пишет о своем пребывании в турецком Очакове: «Иногда мне встречаются крымские татары. Их легко узнать по внешнему виду. Турки глубоко их презирают. Достаточно сказать, что янычарам запрещено носить колпак, традиционный татарский головной убор»³¹.

Между прочим, это османское пренебрежение и недоверие по отношению к татарам коснулось даже членов правящей в Крыму ханской семьи. Саадет-Гирей в конце февраля 1528 г. написал в Киркоре письмо московскому великому князю (письмо, что особенно интересно, было написано по-русски и прислано не с крымским гонцом, а через московского дипломата Никиту Мясного, который уже в марте того года был в Москве). Хан не верит татарам и поэтому пишет по-русски: «А сю есми грамоту того деля по-русски написал, оприч бы тебя да меня иной никто не ведал, и коли будет тебе, брату нашему, такие слова надобе к нам писати, и ты б ко мне так же написав, прислал по-русски:

прочести такову грамоту у меня есть таков человек». Послание было вручено Мясному ханом наедине без «своих татар», как замечает источник. Вот что хан писал великому князю Василию Ивановичу: «И ты б татаром не верил их правде: татарове Бога ся не блюдут и правды в них нет. На правде не стоят, коли бы ся они Бога блюди да на правде стояли, яз сам Божию милостию на царстве стал, и ты то гораздо слышели, что они на меня трижды и четырежи (sic!) войско подымали... Божию милостию и хандыкеревым салтан Сюлюменевым здоровьем то перво есми стал на царстве на отца своего месте ново»³². Эта точка зрения не должна нас удивлять: Саадет-Гирей воспитывался в Стамбуле и был в очень сильной степени подвержен влиянию османской культуры (во всех почти областях — от умственного настроения до бытовых деталей — османизирован, как бы мы сейчас сказали), отсюда его османская спесь к соплеменникам (эта османская выучка хорошо видна в письме: хан благодарит Бога и затем *худавендигяра* — Сулеймана). Но вернемся к русским.

Видимо, очень старым и традиционным следует считать отождествление татарин — свинья. Это отождествление, безусловно, связано с запретом свинины в исламе. От русских детских дразнилок («...рожа — на татарина похожа, а татарин на свинью, хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю») до устойчивых представлений, адаптированных в государственном строительстве и идеологии (процессия народов Екатерины II, где татары едут на свиньях). Это представление, скорее всего, отличает отношение русских к мусульманам вообще (в империи — к татарам разного рода, за границей чаще всего — к туркам). А.С. Пушкин в 1829 г. записывает в своем «Путешествии в Арзрум» реплику казака. Поэт в сопровождении военных встречает по дороге казаков, поддерживавших товарища, раненого в перестрелке у Саган-лу под Карсом: «Много ли турков?» — спросил Семичев. — «Свиньем валит, ваше благородие», — отвечал один из них»³³. Между прочим, напрасно Г.С. Сабирзянов называл «отголосками лживой историографии, лженауки», реплику, например, деревенских ребятишек из «Мужиков и баб» Б.А. Можая: «Ты, татарин гололобый, не ходи чужой дорогой»³⁴. Боюсь, это не имеет к науке никакого отношения, а, скорее, является отголоском устойчивых представлений народов друг о друге (как бы пристрастны они при этом ни были). Это эпитет *гололобый* — вполне прозрачный с точки зрения своего происхождения: вероятно, от обычая мусульман брить голову, — неоднократно встречается даже в татарской публицистике конца позапрошлого века — начала прошлого как прозвище татарина среди русских, настолько устойчив был этот эпитет

(фельетон Габдуллы Тукая «Духовники возродились», впервые опубликованный в журнале «Ялт-юлт» № 43 за 1912 г.)³⁵.

Еще одно отождествление: татарин — князь. Я впервые столкнулся с ним, как не странно, у В.И. Ленина. Но, между прочим, если отвлечься от этого курьеза, представление отразилось и в русской художественной литературе. В «Очарованном страннике» Н.С. Лескова Иван Северьянович после «перепора» с Савакиреем прячется от полиции за спины татар: «Спасайте, князья: сами видели, все это было на честном бою...»³⁶. Сошлюсь еще раз на все тот же фельетон Тукая. Габдулла пародирует диалог жандарма с мусульманином: «Князь, иди молиться, мулла кричит. — Ни магу, таргавать надо. — Да иди же, гололобый»³⁷. А вот отрывок из разговора старого московского букиниста со старьевщиком-татаринном (дело происходит в дореволюционной Москве): «— Князь, — говорит он, — вы мне деньги верите?»³⁸.

Откуда это прозвище? Думаю, что достаточно логичным объяснением выглядит устойчивая связь (реальная, или мнимая, отраженная в дворянских родословных по принципу престижности) значительной части российского дворянства с джучидской аристократией³⁹.

Н.С. Лесков позволяет нам постепенно перейти к противоположному полюсу оценок. В том же произведении герой рассказывает о татарах: «У них всё если взрослый русский человек — так *Иван*, а женщина — *Наташа*, а мальчиков они *Кольками* кличут, так и моих жен, хоть они и татарки были, но по мне их все уже русскими числили и Наташками звали, а мальчишек Кольками. Однако все это, разумеется, только поверхностно, потому что они были без всех церковных таинств, и я их за своих детей не почитал.

Как же не почитали за своих? почему же это так?

Да что же их считать, когда они некрещенные — и миром не мазаны»⁴⁰.

В этом пассаже хорошо видно, насколько в обыденном сознании русского человека (в данном случае, первой половины XIX в.) религиозная принадлежность определяет этническую и, в конечном счете, влияет даже на родственные чувства. У лесковских же татар (это, скорее всего, казахи или туркмены) этническая принадлежность определяется даже не религией, а семейно-родовой принадлежностью: жена русского — русская.

В этом смысле интересно самоидентификация Ивана Северьяновича: «крестятся и водку пьют, — ну, значит, русские»⁴¹ (некая комбинация «этнических» признаков — религиозно-обрядового и пищевого). Религия доминирует: без того, чтобы разобрать, какой человек религии

«на степи страшно». У чуваша, встреченного главным героем, еще более концентрированный взгляд на этно-религиозную принадлежность, по его мнению: «это у татарина бока [т.е. Бога, — И.З.] нет, он кобылу ест, а у меня есть бок [.....] и солнце бок, и месяц бок, и звезды бок... все бок». Причем бог при этом и Иисус, и богородица и Николай Угодник тоже Бог⁴². Любопытно, что, по данным современных социологических опросов, этническая идентичность поволжских татар реализуется в основном через родной язык, во вторую очередь через знание культуры и истории, причастности ей. Религиозный момент в этнической самоидентификации не преобладает⁴³.

К началу XX в. в русской литературе появляются уже столь прочувствованные положительные образы татар, в том числе и крымских, что позволяет говорить о вполне устойчивой традиции (хотя эксцессы ксенофобии давали о себе знать в повседневной жизни и политике, достаточно вспомнить выступление в Государственной Думе В.М. Пуришкевича и гневный поэтический ответ на него Габдуллы Тукая). Вспомним А.И. Куприна, и его крымские рассказы (напр., описание крымских татар): «Это была настоящая живая выставка мужской красоты и молодости: прекрасные фигуры, матовая смуглость кожи, безукоризненно правильные очертания бровей, носов и губ, холеные черные усы и вьющиеся из-под сбитых набок шапок черные иссиня волосы, чудесные зубы, миндалевидные, темные, горячие южные глаза и гордые прямые шеи. Южный берег Крыма выслал сюда самые лучшие племенные образцы своей человеческой породы, происшедшей от необычайно счастливого смешения кровей: гетуэзской, греческой и татарской»⁴⁴. И конечно апофеозом этого русско-татарского синтеза стало движение евразийцев. Однако это уже выходит за рамки нашего экскурса.

Рассмотрим теперь образ русских в татарском фольклоре и литературе. Конечно, сразу оговорюсь, исчерпать тему совершенно невозможно. Поэтому мои наблюдения следует расценивать лишь как первое к ней приближение.

Интересно отметить, что у татар, как и у русских, встречались, конечно, в этнических определениях и дефиниции, составленные по внешним, антропологическим признакам. Так, крымские татары всех русских называли «сары Иван», т.е. рыжий Иван⁴⁵. Между прочим, это *сары* можно встретить очень часто в крымских средневековых (в смысле, времени ханства) документах (напр. в одном из *хюджетов*) по отношению к славянским рабам. Называние определенным личным именем социальной или этнической группы очень распространено в языках мира (ср. русское «Фриц» или «Ганс» по отношению к нем-

цам, «Иван» по отношению к русским, или турецкое «Мехметчик» — ласковое прозвище солдата). Московские конские барышники на Конной площади в районе Серпуховской заставы XIX в. в Москве, цыгане по преимуществу, в лексиконе которых было, однако, множество татарских слов и которые, вообще претерпели сильное культурное влияние татар (осторожней следовало бы сказать *тюрков*, вообще, т.к. это влияние было и ногайским), также использовали этот принцип: «Одно время они каждого мужика звали почему-то «Фролка»⁴⁶.

Рассмотрим отражение межнациональных стереотипов в крымской средневековой историографии. Хороший материал для этого дает крымская «История хана Ислам-Гирея III», автором которой был чиновник ханской канцелярии, а потом кади, ханский историограф Хаджи Мехмеда, известный под поэтическим псевдонимом Сенаи и носивший нисбу Кырымлы. Автор закончил труд, написанный по просьбе Сефер Гази аги, ханского везира, 1 августа 1651 г. (начат он был, вероятно, после 1648 г.). Текст, сохранившийся в копии (рукопись из собрания Британского музея под шифром Add. 7870), переписанной неким Мустафой б. Омером по прозвищу Кара Языджи (окончил переписку 1 сентября 1681 г. в Крыму в селении Хан-эли — в 10 км к северу от Бахчисарая на Альме), написан на староосманском языке⁴⁷. Сенаи по отношению к неверным употребляет термин «собака» (он вместо распространенных в турецком слов *ит* или *кёнек*, использует персидское по происхождению слово *сег*, *сеглер* во множественном числе, рифмуя его со словом *беглер*, т.е. князья, как он называет польскую шляхту⁴⁸), часто называет противников *кюффар*, т.е. просто неверные, гяуры, или *мелашин*, т.е. проклятые). Другие крымские (крымско-османские) и казанские сочинения периода независимости ханств также весьма активно используют эту лексику. Вообще по отношению к другим народам хронисты (да и не только хронисты) не стеснялись, рифмуя этнонимы с уничижительными эпитетами. Так, по отношению к казакам употреблялось слово «упрямый, строптивый» (*казак* — *акк*, *عق*), русским — «приносящий несчастье, гибельный» (*рус* — *менхус*, *منحوس*)⁴⁹, калмыкам — «зло сотворенным» (*калмук* — *бед махлюк*, *بد مخلوق*)⁵⁰.

Эпитет «собака» (который по отношению к татарам часто прилагался, например, в русских былинах) употребителен по отношению русским и в татарском фольклоре. В записках И.Г. Георги, посетившего в 70-х гг. XVIII в. Казань, сохранилось татарское предание об основании города. Хан послал своего сына с сотней ратников к устью р. Казанки искать лучшее место для нового города. Посланные должны были закопать на выбранном месте одного из их числа по жребью.

Жребий пал на сына хана, но, скрыв это от него, ратники закопали вместо него собаку. Хану открыли истину, он возрадовался, но при этом с грустью заметил: «Наш новый город и наше царство достанутся в руки врагов нашей правоверной мухамметанской веры, которых мы называем собаками».⁵¹

Посмотрим не поговорки. Среди пословиц и поговорок крымских тюрок (татар) Добруджи (Румыния) имеется несколько и о русских: *Urustan dost bolmaz domuzdan post* (tur. *Rustan dost olmaz domuzdan post*), т.е. «Из русского друг — все равно, что шуба (в смысле руно) из свины»; *Urusman dos bolsan baltañ katiñda bolsun* (tur. *Rusla dost olursan baltañ yanında olsun*), т.е. «Дружить с русским — быть на лезвии топора».⁵²

Весьма показательны такие крымско-татарские пословицы, как «Казакны зафтрасы битмес», т.е. «Русское завтра не кончается».

С другой стороны, мы видим и критичное отношение к собственному народу: «Татарынг акла сонунда келюр» («Татарский ум поздно приходит (в конце)»). Практически полное соответствие этой пословице есть и у русских: «Русский человек задним умом крепок».

Есть и другие, довольно критичные, пословицы татар о себе самих (например, *Tatar birä bulsa çabatasən türgä alər*)⁵³.

Совмещение двух полюсов: русские плохие, но среди татар есть и хуже. Например, последний крымский хан Шахин-Гирей остался в памяти татар персонажем отрицательным. Сохранилась крымско-татарская пословица «Камчы боюнда казакка хизмет идерим, Шагин Гирей ханга хизмет итмем», т.е. «Буду служить лучше русскому ростом с кнут, чем Шахин Гирей хану»⁵⁴.

У татар мы видим в традиционных оскорблениях русских те же моменты. «Татары ныне живут в большом согласии с Русскими, — пишет в первой половине XIX в. о Казани немец Карл Фукс⁵⁵, — и уже не слышно от Русских некоторых жестких, на счет Татар, слов, которые часто употреблялись, лет сорок тому назад. Однакож иногда кучера Русские по улицам бранят Татарина, называя его *собакой*, ежели он не скоро своротит с дороги, чтоб дать место проехать. Но Татарин, в таком случае, тихо бормочет себе под нос: *донгус*⁵⁶, а про себя думает: ты *алкафер*⁵⁷».

В татарской литературе существуют очень трогательные образы простых русских и татар, отмеченные глубоким пониманием национальных чувств представителей другого народа, — пишет А. Хабутдинов. «В современной татарской драматургии таковыми являются, пожалуй, герои пьесы Туфана Минуллина «Альмендер из Альдермышша»⁵⁸. Ее главный герой является воплощением духа татарского народа, эта-

ким татарским Кола Брюньоном. Со своим русским другом он разговаривает на русском языке, а его русский друг с ним — на татарском. Впрочем, в кульминационной части Альмендер выражает свои позиции на смеси языков: «Ажяль⁵⁹ пришел». В этом проявляется тот истинный интернационализм, который в реальной жизни пронизывает бытие жителей Татарстана.

Однако в другой пьесе того же автора «Ильгизар + Вера» обозначены границы, за которыми «татарско-русский диалог» перестает быть бесконфликтным. В одной деревне испокон века дружно жили русские и татары. Однако, смешанных браков не было. Двое молодых нарушили эту традицию. Пьеса содержит историю ссор и примирений и окончательного разрыва, когда Вера дает сыну от смешанного брака имя Иван. Впрочем, в пьесе деликатно обойден главный элемент конфликта, каковым является выбор — крещение или мусульманский обряд «исем кушу» (наречение имени).

У простых татар распространено поверье, что сочетание этих обрядов приводит к неизлечимой болезни ребенка. До сих пор добровольно крестившийся татарин среди татар считается предателем и называется словом *муртад* — вероотступник, с таким человеком стараются сохранять только чисто деловые контакты. Слова «тере» («крест») и «чукыган» («крещеный») в татарском языке являются ругательствами, что совершенно не несет в себе никакого негативного отношения к христианским народам. Однако крещеная часть татар — «кряшены» — считаются неполноценными татарами и у татар-мусульман наделяются устойчивыми негативными стереотипами⁶⁰.

Кратко сформулировать идеи, заложенные в пьесе, можно следующим образом. Настоящий татарин (татарка) хотя бы на словах должен признавать себя мусульманином и, по крайней мере, провести обряды «исем кушу», «никях» (мусульманский брак) и «дженаза» (похороны по мусульманскому обряду), а также стремиться избегать смешанных браков, дабы не иметь детей, которые, скорее всего, будут крещены. Крещение здесь рассматривается как предательство заветов предков, пошедших на жертвы во имя сохранения веры. Соблюдение этих немногих требований, по сути, является единственным обстоятельством, которое в глазах общества ограничивает русско-татарские отношения»⁶¹.

***

Есть в восприятии татар и русских в глазах других народов в эпоху средневековья весьма загадочные моменты. Так, например, Лутфи (герат-

ский тюркоязычный тимуридский поэт первой половины XV в.) в своем диване использует выражение *Tatar-ı müşğine* — т.е. «татарин, пахнущий мускусом»⁶². Эта идиома, вероятно в указанное время была достаточно распространена. Так, в турецком диване султана Джема (ум. в 1495 г.) встречается *näfe-i Tatar*⁶³.

Тот же Лутфи пишет о горе *Руса*, русского кагана, где встает солнце (...*big urus dagı hurşid-i häverî*)⁶⁴. Вероятно, владения этого русского падишаха мыслились лежащими далеко на востоке, в стране солнечного восхода. Мне не совсем понятен этот эпитет. Может быть, «солнцеловость» русского падишаха проистекала из формы его головного убора — короны с лучами, наподобие солнечных. Более вероятно, однако, что здесь мы сталкиваемся с неким устойчивым сочетанием, имеющим долгую традицию. Это можно сопоставить с письмом Надир-шаху падишаху Руси «Солнечному колпаку» (نامه که نادرشاه بخورشید کلاه بادشاه) (روس نوشته)⁶⁵.

¹ Имеются в виду слова, приписываемые Наполеону.

² См., например: *Шеремет В.И.* Русские и турки: развитие взаимных представлений // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII — 1878 г.). М., 1995. С.278—299, слегка измененный вариант этой же статьи см. *Шеремет В.И.* Взаимные представления русских и турок (XVIII — XIX вв.) // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995.

³ *Кузьмичевский П.* Турецкие анекдоты в украинской народной словесности // Киевская старина. Год пятый. Т. XIV. Киев. Февраль 1886.

⁴ *Гарькавый И.В.* «Измаильтяне» или «Нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4—6 февраля 1998 г. М., 1998. С.89.

⁵ *Лаушкин А.В.* Регулирование контактов христиан с нехристианами в Древней Руси (XI — XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003. С.38.

⁶ *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С.78.

⁷ *Рудаков В.Н.* Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4—6 февраля 1998 г. М., 1998. С.193. Между прочим, схожее представление мы обнаружим и в малороссийских думах XVI — XVII вв. Турки и татары, которые

отождествлялись в украинском фольклоре, — недруги Украины, они действуют заодно. Татары, по думам, — Божья кара за неуважение к родителям, к роду, односельчанам, «громаде», за несоблюдение постов и обрядов (см. *Ерофеев И.* Крым в малорусской народной поэзии XVI — XVII вв., преимущественно в думах (Памяти В.Б. Антоновича) // ИТУАК. № 42. Симферополь, 1908. С.77—78).

⁸ *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI вв. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). АКД. М., 1992. С.7—8.

⁹ *Солодкин Я.Г.* Татары в изображении автора «Казанской истории» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С.199; См. также *Keenan E.L.* The Paradoxes of the Kazanskaya Istorya // The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US. Vol. XXXI—XXXII. N-Y, 1967

¹⁰ *Солодкин Я.Г.* Указ. соч. М., 2001. С.206.

¹¹ *Амелькин А.О.* Указ. соч. С.9.

¹² *Сабирзянов Г.С.* Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий. Казань, 1993. С.21.

¹³ По мнению И. Ерофеева, еще в первой половине XV столетия в Крыму не наблюдалось враждебных отношений между русскими и татарами, но все изменилось после 1475 г. (см. *Ерофеев И.* Крым... С.85).

¹⁴ *Амелькин А.О.* Указ. соч. С.10.

¹⁵ См. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати П. Симоны. Вып. Первый. I—II. СПб., 1899. Далее при цитировании — скобках номера страниц этого издания.

¹⁶ Интересно сравнить эту пословицу с отзывами османского путешественника Эвлии Челеби при описании Ора (Перекопа); тамошняя буза, пишет Эвлия, славилась как будто бы более остальных: «К местным лакомствам относится крепкий напиток из проса, или же отменная татарская буза... Татары приезжают на конях к Ору даже из мест, отдаленных от него на пять дней пути, дабы напиться орской бузы, а выпив её чрезмерно, упиваются и поют песню «Калалай ве болалай». Последнее бессмысленное сочетание, возможно, искаженный реальный припев татарской песни (напр., *болалай* — возможно, «*болагай*», т.е. «озорной»).

¹⁷ Старинные сборники. С.127.

¹⁸ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.381—383.

¹⁹ См. Там же. С.409.

²⁰ *İbn-i Kemal Tevârih-i Âl-i Osman.* I. Defter. Ankara, 1991. S.27.

²¹ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С.408. Дословно: «вот и площадной пир». В.Д. Смирнов пользовался венской рукописью Фундуклулу (см. там I, 168v).

²² Фундуклулу I, 278v-279. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С.407—408.

²³ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С.408.

²⁴ Там же. С.410—411.

²⁵ РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, ед. хр. 8 (1533—1539 гг.), лл.319—319об., 320; см. также *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга III (Тома 5—6). М., 1960. С.413—414.

²⁶ РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л.4.

²⁷ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С.410.

²⁸ Перевод О. Сенковского сочинения Ахмеда б. Ибрахима (1700—1783 гг.) о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Сок достопримечательного. Записки Ресми-Ахмед-Эфендия, турецкого министра иностранных дел о сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокою Портою и Россией от 1182 по 1190 год хиджры (1769—1776) // *Собрание Сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса)*. Т. VI. Спб., 1859. С.325; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России (ЗООИД. Т.15). Одесса, 1889. С.304.

²⁹ Сок достопримечательного. С.240. В.Д. Смирнов, в отличие от О. Сенковского, переводил текст иначе: «Когда с течением времени татары, повадившись вместо толокна и бузы потягивать хашиш с опиумом, да чай с кофе, стали лентяями и пьяницами, их постигла слабость и апатия» (см. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство ... до начала XVIII века. С.409—410).

³⁰ Там же. С.410.

³¹ *Потоцкий Ян* Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году // *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 2. М., 1985. С.46.

³² РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, лл.166—166об.

³³ То, что это отношение явно связано с пищевыми запретами (наиболее заметными и бросающимися в глаза в повседневном общении) ясно видно и в отношении русских к евреям. Все у того же Александра Сергеевича («История села Горюхина»): «безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!...» (*Пушкин А.С.* Собрание сочинений в шести томах. Т.5. М., 1969. С.65).

³⁴ *Сабирзянов Г.С.* Указ. соч. С.36. (ср. еще с упреком М. Цветаевой! — Там же. С.35).

³⁵ *Тукай Г.* Избранное. М., 1975. С.112.

³⁶ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений Т.4. М., 1957. С.427.

³⁷ *Тукай Г.* Избранное. М., 1975. С.112.

³⁸ *Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1982. С.73. Кстати, отождествление татарина со старьевщиком также очень распространено. См. реплику А.Г. Бахтина: «Помню из детства, как ездили тряпичники, собирали сырье. Когда приезжал тряпичник, все кричали: «Татарин приехал!». Было неважно какой он национальности, но у нас он ассоциировался с татаринком, и мы не задумывались, почему. Просто в сознании сохранялось убеждение, что это татарин» (Присоединение Среднего Поволжья к Российской империи. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. М., 2003. С.21).

³⁹ В.И. Даль объяснял происхождение этого эпитета по отношению к татарам схожим образом. См. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II (И-О). М., 1955. С.126.

⁴⁰ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений Т.4. М., 1957. С.433.

⁴¹ Там же. С.447.

⁴² Там же. С.446. Обращение татар (и в целом, инородцев) в критических ситуациях к «русскому Богу» (т.е. к Николе, Николаю Мирликийскому), между прочим, зафиксировано во многих фольклорных памятниках и воспоминаниях. В одной быличке тонущий татарин зывает к Николе: «Русский Бог, Миколка, спаси нас!». «О, ваш Микула велик человек», — говорил татарин, спасшийся от медведя обещанием поставить свечу Николе. См. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С.119—122. Добавим к материалам Б.А. Успенского о фразеологизме «русский Бог» еще один пример. К. де Местр в своих «Кавказских пленниках» («Les Prisonniers du Caucase») говорит о пословице, которую употребляют русские солдаты в момент опасности — «Le Dieu des Russes est grand». См. *Œuvres choisies de Xavier de Maistre*. Paris, 1872. P.39. Идея о божественности Руси прощупывалась даже в советской литературе времен Великой Отечественной войны. Показательно в этом смысле стихотворение некоего А. Недогонова «Слово о русском воине Авдее — сыне ктитора»: «...верю, что, с богом пройду вперед, бог — это Русь, что во мне живет, а этого бога нету у немца!» (цит по: *Добренко Е.* Метафора власти: литература сталинской эпохи в историческом освещении. München, 1993. (Slavistische Beiträge, Bd. 302). S.301). Возникновение выражения «русский Бог» (в значении Николе) в инородческой (скорее всего, тюркской) среде и его бытование у татар интересно не только с точки зрения развития культа Николая Мирликийского на Руси, но и потому, что наглядно показывает тесное религиозное взаимодействие между христианами русскими и мусульманами татарами, своего рода религиозный русско-татарский синтез.

⁴³ *Хабенская Е.О.* Татары о татарском. М., 2002. С.196.

⁴⁴ *Курпин А.И.* Собрание сочинений в девяти томах. Т.5. М., 1964. С.139. («В Крыму (Меджид)»).

⁴⁵ *Олесницкий А.* Песни Крымских турок (Текст, перевод и музыка). М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков, вып. XXXII). С.60.

⁴⁶ *Богатырев П.И.* Московская старина: Серпуховская застава // *Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия*. М., 1989. С.127. Возможно, это как-то связано с тем, что Фрол и Лавр считались у русских покровителями скота, в т.ч. лошадей.

⁴⁷ *Hadży Mehmed Senai z Krymu* Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.

⁴⁸ *Ibid.* S.17.

⁴⁹ См. *Kurat A.N.* IV—XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972. S.376.

⁵⁰ *Hadzy Mehmed Senai z Krymu* Historia. S.62. Об анимализации врага см.: Батунский М.А. Россия и Ислам. Т. 1. М., 2003. С.203, прим. 71. (Там же, прим. 68 — о разных образе татар в русских былинах и балладах).

⁵¹ *Плюханова М.* Сюжеты и символы. С.162—163.

⁵² *Ülküsal M.* Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler. Ankara, 1970. (TDK Yayınları 306). S.93.

⁵³ Cumucica & Nogaica. G.J. Ramstedt's Kumyk materials edited and translated by E. Gürsoy-Naskali & G.J. Ramstedts nogajische Materialien bearbeitet und übersetzt von H. Halén. Helsinki, 1991. P.66

⁵⁴ Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные г.г. А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым (Под. ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева) // ИТУАК. Год 28-ой. №52. Симферополь, 1915. С.55 (№484)

⁵⁵ *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844, (репринт: Казань, 1991). С.143—144.

⁵⁶ Т.е. свинья.

⁵⁷ Т.е. *аль-кафир*, т.е. неверный.

⁵⁸ Название деревни в Заказанье.

⁵⁹ Ангел смерти.

⁶⁰ Здесь наглядно видна разница между этнической (языковой и антропологической) и религиозной принадлежностью и вместе с тем их глубокая связь. Кряшены в массе говорят на более чистом и неиспорченном арабизмами татарском языке (поскольку переводы Библии на татарский их сознательно избегали), нежели татары-мусульмане, т.е. с языковой точки зрения являются более «татарами», чем собственно татары-мусульмане.

⁶¹ *Хабутдинов А.* Русско-татарский диалог: повторение тысячелетней истории. На сайте Центра стратегических и политических исследований. См. http://icsps-project.arcon.ru/BULETEN5/5_.htm.

⁶² *Lutfi Divanı. Giriş-Metin-Dizin-Tıpkıbasım / Haz. G.Karaağaç.* Ankara, 1997. S.46 (420).

⁶³ *Cem Sultan'ın Türkçe Divanı'ı / Haz. İ.H.Ersoylu.* Ankara, 1989. S.127.

⁶⁴ *Lutfi Divanı.* S.214 (1968).

⁶⁵ Персидская рукопись «Инша» Мирзы Рахима Хаким-баши (содержит образцы переписки монархов разных периодов истории между собой; список 1826 г.) из собрания Кабинета Востока ГПИБ. С.36.

Развал Золотой Орды мало затронул Османскую империю. Единственным прямым территориальным приобретением османов (помимо земель, находящихся в вассальных отношениях разной степени — Молдавии и Крымского ханства) стала узкая прибрежная полоса южного Крыма. Довольствовавшись южным берегом полуострова, османы обеспечили себе полное господство на Черном море, ставшим «турецким озером», и таким образом стали единственными получателями выгод от торговли региона. Почти до самого конца XVI в. Османская империя никогда всерьез не интересовалась происходящим к северу от владений Крымского ханства. Османы по-настоящему не мешали Московскому государству приобретать новых мусульманских подданных, а потом обращаться с ними так, как это было ему нужно. В XVI в. Стамбул не смог противопоставить Московскому великому княжеству сколько-нибудь активную политику в отношении мусульман, находящихся под ее властью: его интересы ограничивались соблюдением равновесия сил в целях поддержания выгодной торговли. Раздел джучидского пирога Стамбул не интересовал. Выдумка XVIII в. — теория преемственности халифата от Аббасидов к османским султанам — никогда ранее не могла встать на пути расширения Московского государства за счет исламских земель. Духовный суверенитет султана как халифа всех мусульман был признан Россией при заключении Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 г., но уже через девять лет в 1783 г. это положение было отменено договором о присоединении Крыма к Российской империи¹. До второй половины XVIII в. термин халифат в его османском смысле был равен термину султанат², т.е. не имел специфической религиозной окраски. Таким образом, основной причиной мирных отношений двух стран в этот период был прагматизм османской политики на севере, бесперспективность войны в этом далеком для турок регионе, а также достаточно разумная дипломатия Москвы.

Вместе с тем, Крымское ханство после разрыва московско-крымского союза в начале XVI в. не упускало случая столкнуть Россию и Османскую империю: в Москве этим заявлениям не особенно верили, а в

Стамбуле, о них, вероятно, чаще всего не знали. За всеми стамбульскими инициативами в отношении Московского великого княжества, как правило, стояли крымские интересы. В конечном счете, много позже и сам Крым, постепенно утрачивавший влияние и силу, рухнул под натиском с севера, причем Стамбул и в этом случае остался если и не безучастным, то не особенно старался сохранять крымскую независимость. В споре между молотом и наковальной любым третьим силам суждено было погибнуть.

¹ Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI (Работы по истории ислама и арабского халифата). М., 1966. С.77-78.

² Тверитинова А.С. Фальсифицированная версия о турецком халифате // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 5. Сталинабад, 1954. С.167-180; Гордлевский В.А. Был ли турецкий султан халифом? (привесок к монографии В.В. Бартольда) // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 5. Сталинабад, 1954. С.17-27.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Али-эфенди, османский историограф — 191
 Абач-сеит — 112
 Абд ал-Керим (Аблекерим) — 103, 105, 115
 Абд-ал-Латыф (Абдул-Латиф), казанский хан — 19, 122, 123, 128
 Абдаллах II, правитель Бухары — 175, 176
 Абд ар-Рахман б. 'Абд ал-Керим, астраханский хан — 140, 172
 Абдула Бакшей — 166
 Абдулла («Обьдула») 109
 Абрахамович З. — 94
 Абу Бакр, праведный халиф — 134, 150
 Абу Ханифа — 177, 180
 Агиш — 111
 Агостон Д., историк, востоковед — 53
 Аега, кн. Ордынский — 99
 Азиз Ходжа — 71, 92
 «Азика». См.: Хаджике
 Айверди С. — 34
 Айдар (Хайдар) б. Хаджи-Гирей — 83, 88
 Айдар, зять Улут-Мухаммеда — 58, 65
 ал-Айни Бадр ал-Дин — 55, 62, 63
 Акбуга-бек Джамали — 50
 Ак-Мухаммед («Ахмагма») — 167
 Актав — 52
 Акундинов Тимофей — 146
 Ала-уд-даула, правитель Зулькадыра — 177
 Александр, литовский великий князь — 99, 102, 106-109, 117
 Александр (Александр) Альдеа, молдавский господарь — 56, 58
 Александр Македонский, см.: Искандер
 Алексеев Ю.Г., историк — 33
 Али, праведный халиф — 134, 150
 Али мирза — 163
 Али Шукуров сын (Али-Шахжул?) — 172
 Али б. Юсуф — 166
 Али-хаджи («Оталый-Гаджи») — 145, 157, 158,
 Алишев С.Х., историк — 12, 26, 27, 32, 122, 167
 Альбрехт — 132
 Амелькин А.О., историк — 189, 190
 Анна, кн. рязанская — 147
 Араслан, касимовский хан — 179
 Арбанасс М. — 57
 ал-Аскалани — 62
 д'Асколи Эмилио Дортелли — 165
 Атласи (Атласов) Х. — 20
 Ахмед-хан (Ахмат) 15, 18, 20, 25, 67-71, 76, 77, 83-86, 88-93, 97, 99, 101, 106, 109, 161
 Ахмед Гирей — сибирский хан, шиба-нид — 176
 «Ахметет», кафинский «князь» — 141
 «Ахметулан» — 118
 Ахметзянов М.И., историк — 170
 Багатырь — 103, 105, 115
 Багатырь-Гирей — 162
 Базилевич К.В., историк — 25, 72, 76, 77
 Баим — 139
 Байер Г.З., историк — 17
 Байкулу — 112
 Байсунгур — 167

- Баки-бий («Бака князь Асанов сын Темирев внук», «Баки») — 139, 140, 144, 145, 154, 155
 Барбашев А., историк — 64
 Баркук аз-Захир — 51
 Барсбай Ашраф Сейф-ад-Дин — 50, 55
 Бартольд В.В. — историк, востоковед 11, 21
 Бартошевич — 116
 Батрак — 165
 Бату (Батый) — 99, 188-190
 Бахметев Темеш — 165
 Бахтин А.Г., историк — 202
 Баязид (Баазит) Йылдырым — османский падишах — 51, 52
 Баязид II, османский падишах — 35, 72, 73, 93, 94, 101, 104, 106, 107, 114, 134, 181, 183
 Бекбулат — 175
 Беклемишев И.Н. — 115
 Бельский Д.Ф. — 131, 140, 147
 Бельский И.Ф. — 131, 140, 141, 143, 146, 147
 Бельский С.Ф. — 131-149, 155, 157, 158, 192
 Бельский Ф.И. — 147
 Бельский М. — 108
 Беннигсен А., историк, востоковед — 11, 35, 36, 38, 39, 40, 79
 Богатыр-султан б. Узбек — 120
 Болонский Людвиг — 85
 Бона — 157
 Бонаккорси Филипп (Каллимах) — 89
 Боротав П.Н., историк, фольклорист — 79
 Бранкович Георгий — 54, 55
 «Брунахо Багыр» — 89
 Бугдай К. — 164
 «Булатовы дети» — 166
 Булев Николай — 14
 Буляк-Гирей — 164, 167
 Бурдей Г.Д., историк — 28, 29
 Бурхан ад-Дин Ахмад Сивасский (Кадан Бурханеддин) — 51, 63
 Бушаков В., востоковед — 172
 Вайнштейн Ж., историк, востоковед — 48
 Ваповский Б., польский хронист — 108
 Василий II, московский великий князь — 12, 59
 Василий III, московский великий князь — 32, 94, 95, 110, 113, 119, 122, 123, 125, 126, 131, 147, 162, 194
 Васильев Т. — 141
 Васильчиков Г.Б., московский дипломат — 180
 Вашари И., историк, востоковед — 79, 93, 98
 Вельяминов-Зернов В., историк, востоковед — 11, 167
 Вещанензе Лаудивно — 77
 Вид Антоний — 131, 148
 Виженер Блез де — 108, 117
 Витовт, великий князь литовский — 56, 64
 Вишневецкий Дм. («Димитраш») — 34
 Владимир Ольгердович, кн. Киевский — 147
 Владислав (Ягелло), король польский — 53, 56
 дела Вольпе Джан Баттиста (Иван Фрязин) — 87, 88
 Воронцов — 131
 Воротынский И.М. — 131
 Вук I — 54
 Гази-Гирей I, крымский хан — 119
 Гази-Гирей II, крымский хан — 182
 Гаштольд — 132
 Гедемин — 147
 Гедик Ахмед-паша — 72
 Генниг — 57
 Генрих Валуа — 117
 Георги И.Г. — 197
 Герберштейн Сигизмунд — 107, 108, 117, 148
 де Геретц Николаус — 53, 54
 Герешни Миклош. См. де Геретц Николаус
 Гёкбилгин О., историк — 48, 156
 Гёллнер К., историк — 77
 Гирей, династия — 19, 35, 38, 72, 124, 156, 165, 171
 Гийом, принц Оранжский — 182
 Глинская Е. — 131, 141
 Глинский В. — 109
 Глинский М.Л. — 131, 147
 Голицын В. — 15
 Горностай Оникей — 144
 Горностай Иван — 144
 Горсей Джером, английский путешественник и купец — 176
 Горский А., историк — 84
 Грек Максим — 14, 25, 42, 126
 Греков И.Б., историк — 29, 84, 147, 148.
 Григорьев А.П., историк, востоковед — 11, 30, 69, 71, 72, 77, 79, 84, 85, 87, 92, 156, 164, 171
 Григорьев В.В., востоковед — 146,
 Грушевский М.С., историк — 21, 44, 82, 84
 Гумилев Л.Н., историк — 30, 121
 ал-Гури (аль-Гаури) Гансу (Кансух) Ашраф, египетский султан — 177
 Гюн-Доган-бек — 144
 Даль В.И. — 203
 Дана-князь (Данай) — 167
 Данил «Магметев сын» — 164, 167
 Данкофф Р. — 164
 Дантиско И. — 112
 Дара (Дарий) — 162, 170
 Девлет Бахты — 124
 Девлет-Гирей, крымский хан — 21, 39, 126, 127, 160, 162, 164, 168, 193
 Девлетьяр Мубаразетдин Девлетхан — 69, 71, 92
 Демир Кяхья — 82
 Дервиш-Али б. Шайх-Хайдар, астраханский хан — 140
 Джалал ад-Дин б. Тохтамыш — 53
 Джанай б. Ахмед — 102
 Джанай б. Узбек — 120
 Джанибек — 85, 86, 88-90, 93
 Джанибек-Гирей, крымский хан — 130
 Джем-султан — 35, 200
 Джемиль Т., историк — 80, 118
 Джисларди А. — 88
 Джучиды — 37, 51, 174
 «Димитраш». См. Вишневецкий Дм.
 Длугош, польский хронист — 21, 44, 84-86, 93
 Дмитрий Константинович, нижегородский великий князь — 186
 Довлетек — 102
 Дорота — 113
 «Ебага улан» — 101
 Едигер. См. Йадигар
 Екатерина II, русская императрица — 184, 194
 Елбердей, зять Улуг-Мухаммеда — 58
 Ермак, казачий атаман — 176
 Ермаков И.А., историк — 33
 Ерофеев И. — 201
 Жемчужников Алексей, поэт — 187
 Забелин И.Е., историк — 159, 160
 Заберезинский Ян — 108
 Заболотский А. — 103, 104
 Замбоцкий И. — 112
 Заморенок — 111
 Зана (Зоя) Маликшевна — 120
 Злобин С. — 125
 Ибак. См. Сайид Ибрахим
 Ибн ал-Фораг — 62
 Ибн Шохба ал-Асади — 62
 Ибрахим, казанский хан — 122
 Ибрахим-паша — 124, 150
 Ибрахим-паша, аталык Эмин-Гирей — 145, 157
 Ибрахим-паша, кафинский бейлер-бей — 130
 Иван III, московский великий князь — 15, 16, 18, 35, 76, 88-90, 93, 94, 97, 102, 103, 105, 106, 109, 115, 116, 124, 133, 147, 161, 183

Иван IV Грозный — московский великий князь 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 26, 34, 37, 41, 76, 121, 137, 146, 149, 161, 163-167, 175, 176, 180

Иван Фрязин. См. делла Вольпе Джан Баттиста

Иванов Вяч. Вс., лингвист, литературовед, историк — 184

«Ивашка Монивидович» — 57

Иеремия — 50, 54, 55

Измаил (библ.) — 188

«Изсен Кипчак» — 140, 154

Иисус — 134, 135, 196

Ильбарс-хан — 119

Ильхан, казанский хан — 183

Ильяс (мореец) — 94

Иналджик Х., историк — 34, 39, 40, 69

Имам А'зам. См. Абу Ханифа

Иоанн XXII, римский папа — 53

Иосаф, митрополит — 143, 146

Иса-бей — 54

Искандер (Александр Македонский) — 150, 162, 170,

Искандер, йеменский эмир

Искендер (Искандер, «Скиндер»), мангупский грек, османский посол — 14, 124, 125

Ислам-Гирей I, крымский хан — 137, 139, 140, 154, 192

Ислам-Гирей II («Дервиш»), крымский хан — 129

Исмаил, сефевидский шах — 174, 177

Исмаил мирза — 163

Исхак — 68, 71, 91, 92

Исхак-паша, великий визир (1470-1472) — 72

Исхаков Д.М., историк — 186

Иш-Султан — 119

Ишболдин Б., историк — 175

Йадигар (Едигер, Едигерь) — 174, 175, 176

Йезди Шараф ад-Дин — 52, 63

Йорга Н., историк — 63

Кавелин Л.А. См. Леонид

Каган М.Д., литературовед — 42

Кадыр-Али-бек, татарский хронист — 156, 167-169

Кадыш Петрович — 113

Казакова Н.А. — литературовед, историк 13, 14, 41, 42

Казимир IV — 83, 89, 92, 93, 96, 116

Казимирски Г., востоковед — 164

Кайсаров Иов — 143, 144

Калинин Н.Ф., историк — 29

Камал Феодорит («Кемал») — 123

Кантемир Д.К. — 16

Каппелер А., историк — 37

Кара («Карача») — 139, 154

«Каразейский Иван» — 146

Карамзин Н.М. — 17, 18, 57, 64, 147

Кара-Юлюк Ак-Коюнлу — 54

Карадж Бахадур — 70, 71, 92

Карл IV — 61

Карнович Е.П., историк — 20

Касим б. Махмуд — 90

Касим бек (б. Мухаммад) — 175

Касим-паша, кафинский бейлербей — 48

Квашнин Басалай Никифоров сын — 139, 140

Кемаль Паша-заде, османский историк — 192, 97

Кёппен П. — 171

Кидырниязов Д.С., историк — 30, 31

Кинан Э., историк — 36, 77, 161, 163

Китай «Кирей Менглишиков сын» — 101

Кичи-Мухаммед (Кючюк-Мухаммед) — 59, 66-68, 70, 83, 84

«Климнок» — 57

Ключевский В.О. — 18

Ковин В.Н., историк — 32, 33

Коджак б. Ахмед («Хозяк», «Казак Солтан», Назак или Kozak) — 99, 104-109, 115, 116, 118

Козодавлев О.П. — 57

Кола Брюньон — 198

Коланковский Л., историк — 139

Колли Л.П., историк — 82

Колычев И. — 125

Кононов А.Н. — 67, 70

Константин из Островицы — 85

Контарини А. — 89, 90

Конюховский «Костка» — 146

Копил — 115

«Корал» — 156

Кортпитер С.М., историк — 36, 37

Костомаров Н., историк — 19

Коулз П., историк — 38

Коцебу А. — 57, 59

Кошкины — 131

Кошум-мирза (Хаджи-Мухаммад б. Муса) — 139-141, 154

Крымский А.Е. историк, востоковед — 21, 44, 56, 63

Кубенский И. — 100, 101

Кудайгул-улан — 163

Кудинов Кадыш — 167, 168

Кудояр — 165

Кузнецов А.Б., историк — 33

Кулай-мирза б. Раст — 166

Кунцевич Г.З., историк — 14, 75

Кунцович Якуб — 148

Куприн А.И. — 196

Курат А.Н., историк — 11, 25, 35, 39, 40, 49, 59, 60, 67, 69-72, 74, 78, 91

Курбский Андрей кн. — 17, 146, 158

Куртоглу Ф., историк — 67, 70, 80

Кутлук б. Сайид Ибрахим — 175

Кучум (Кючюм), сибирский хан, шибанид — 175-177, 179, 180

Куюк — 100

Кючюк-бег — 162

Кючюк-Мухаммед — см. Кичи-Мухаммед

Кючюм — см. Кучум

Св. Лавр — 203

Лазарь, сербский деспот — 54

Ланце Людвик — 59

Лебедева О. — 20

Лемерсье-Кельеже Ш., историк, востоковед — 11, 35, 36, 38, 39, 40, 79

Ленин В.И. — 195

Леонид архимандрит (Л.А.Кавелин) — 76

Лесков Н.С. — 195

Лихачев Н.П. — 133

Лутфи, тимуридский поэт первой половины XV в. — 199, 200

Лызлов А.И. — 15, 16, 17, 42

Лэн-Пуль С. — 84

Лютфи, посол Менгли-Гирея — 104, 105

Лютфи-паша, османский дидактик и историк, везир — 126, 142, 185

Ляцкий И. — 131, 132, 146, 148

Магметкул (Магмет Кул, Маметкул). См. Мухаммад Кули султан

Мазовецкие — 56

ал-Макризи — 62

Максим Грек. См. Грек Максим

Максимов Л. — 26

Малипьеро Д. — 183

Малов С.Е. — 67

Мамай-мирза — 139

Мамай б. Полат-бик, казанский князь — 159-162, 166, 170

Мамаш («Мемеш»), ширинский мирза — 154, 162

Мамонов И. — 101, 102

Мамук-бек — 144

Марджани Ш. — историк 20

Мария, кн. Мангубская — 96

Махмуд, ордынский хан — 66, 67, 70, 78, 83 — 86, 88, 90, 92

Махмуд-паша — 50

Махмудек (Мамутяк), казанский хан — 58, 67

Мацурек И., историк — 25

Мачанов А.Е., историк — 22

Мейер М.С., историк — 122

Менгли-Гирей («Мендлiger»), крымский хан — 35, 69, 71-74, 80, 87, 88, 91, 93-95, 97-107, 109, 110, 115-117, 119, 122-124, 184

де Местр К., французский писатель — 203
Мехмед М., историк — 72
Мехмед II Фатих, османский падишах — 16, 20, 21, 25, 29, 30, 34, 66-72, 74, 75, 80, 82, 84-87, 90-92, 106
Мехмед (Мухаммед)-Гирей II Семиз («Жирный») — 129
Мехмед-бей Йешилдже — 153
Мехмед б. Баязид, «шахзаде», наместник Кафы — 73, 100, 114
Меховский Матвей (Маней); Меховиус — 106-108, 115, 117
Мишуллин Туфан — 198
Мирза Рхим Хаким-баши — 204
Мирча, валахский господарь — 58
Можаяв Б.А., писатель — 194
Моисеева Г.Н. — 17
Морозов И.С. — 11, 124, 125
Мурад I, османский падишах (1359-1389) — 151
Мурад II, османский падишах — 49-52, 54, 55, 58
Мурад III, османский падишах — 129
«Муралей». См. Нур-Али (Нургали)
Муртаза-бек — 162
Муртаза, ордынский хан — 93, 102
Мустафа б. Омер (Кара Языджи) — 197
Мухаммад, пророк 21, 49, 66, 68, 134, 135
Мухаммад, бек Искера, основатель государства сибирских Тайбутидов — 175
Мухаммад Кули султан (Магметкул, Магмет Кул, Маметкул), племянник сибирского хана Кучума — 176, 180
Мухаммед, азовский бей-кулу — 125
Мухаммед, кафинский санджак-бей — 62
Мухаммед (Мехмед)-Гирей, крымский хан — 74, 75, 110, 119, 124, 162
Мухаммед (Мехмед)-Гирей, крымский хан — 192
Мухаммед Абу-ль-Баракат Абу Нумейя — 151
Мухаммед Риза, крымский средневековый историк — 139, 164, 168
Мухаммед-Эмин («Махмет»), казанский хан — 162, 183
Мухаммед Шейбани, хан — 174
Мухаммед-бик. См. Ак-Мухаммед («Ахмагма»)
Мухаммеда Эзхер, историк — 62
Мухиддин — 104, 105
Мюнстер Себастьян — 131
Мясной Никита — 193, 194
Надир-шах — 200
Наполеон — 200
Наумов Ф. — 137
Наяхшин К., историк — 27
Неджати Эфенди, османский автор — 165
Недогонов А., поэт — 203
Некрасов А.М., историк — 11, 170
Нечкина М.В., историк — 26
Николай Мирликийский (Никола) — 196, 203
Никон, патриарх — 159
Нипшич Н. (М.) — 132, 149
Новосельский А.А., историк — 39
Ной (библ.) — 188
Нур-Али (Нургали; «Муралей»), казанский ширинский князь — 161, 163, 170
Нурдевет-Гирей — 69, 75, 88, 93
Нур-Султан, дочь Сахиб-Гирея — 155
Нур-Султан, жена ханов Ибрахима и Менгли-Гирея — 19, 122
Одинцов Б. — 99
Озъетгин А. Мелек, историк — 69, 70, 79, 80, 170
Ольбрахт (Альбрехт) Ян — 94, 100, 102, 106
Ольгерд — 147

Орешкова С.Ф., историк — 94, 122
Осман, силистрийский санджак-бей — 153
Остапчук В., историк, востоковед — 185
Ошерин И.И. — 105
Павел II, римский папа — 84
Павел, ливонский магистр — 57
Пайпс Р., историк — 37
Палеолог Андрей — 90
Панкратова А.М., историк — 27
Папай — 137
Пеленски Я., историк — 60, 160
Перетяткович Г., историк — 19
Петр I — 16
Петр, воевода Новгородецкский — 57
Пирлинг П., историк — 88
Подгородецкий Л., историк — 36
Покровский М.Н., историк — 21, 22, 23, 27
Полат-бик, казанский князь — 161
Полубенский В.А. — 132
Попов А.Н., собиратель, историк — Потоцкий Ян, польский писатель и путешественник — 193
Протасьев Гр., воевода Мценский — 57, 65
Пуришкевич В.М., политический деятель — 196
Пулятич Дм., воевода — 100, 106, 116
Пулятич Дм., посол — 116
Пушкин А.С., поэт — 194, 202
Радивилл Юрий — 132
Раду Красивый — 87
Ралево, московские послы, греки — 183
Рареш Петру — 34, 142
Рас — 166
Раст — 166
Растов Янбарс — 160, 163-167
Растов Бейбарс (Бибарс) — 166
Рахим А., историк — 168
Рахман-Кулу — 130, 178

Реммал-ходжа (Балр ад-дин Мухаммад б. Мухаммад Кайсуни-заде Нидаи-эфенди), османский историк — 142-144, 162
Ресми-эфенди Ахмед б. Ибрахим — 131, 147, 193
«Робай» — 166
Рогожин Н.М., историк — 174
Рот С. — 58
Рыбаков Б.А., историк — 148
Рывкин М., историк — 12
Саадет-Гирей («Сеадет») — 110-112, 119, 124-126, 191, 193, 194
Сабирзянов Г.С. — 190, 194
Саввантов П.И., собиратель — 13
Савицкий, историк — 47
Садык-челеби («Садык-Челебей») — 145, 157, 158
Сайдов М.С. — 72
Сайид-Ахмед, ногайский бий
Сайид Ахмед б. Бекбулат, сибирский тайбугид — 176
Сайид Ибрахим (Ибак русских источников) — 175, 176, 183
Сайид Мухаммед — 68, 71, 90, 92
Сафа-Гирей («Сафа-Кирей») — казанский хан 20, 32, 125, 159-162, 164, 167, 170, 172
Сафаргалиев М.Г., историк — 11, 29, 51, 54, 67, 71, 82-84
Сахиб-Гирей («Саип-Гирей», «Сагип Кирей»), казанский и крымский хан — 20, 21, 24, 32, 36, 121, 124-127, 133-135, 138-140, 142, 144, 145, 149, 153, 155-157, 162, 164, 168
Свидригайло — 57-59
Свиришовский Януш — 114
«Сеит», посол Шейх-Ахмеда — 114
Сейфи Челеби, османский дефтердар и космограф — 174-176, 178
Седельников А.Д., историк — 160
Сейид-Ахмед, ногайский бий — 140, 154, 165
Сейд-Ахмед б. Ахмед — 93

Сейид-Ахмед («Седахмет»), ордынский хан — 59, 83, 93, 109, 117
 Сейид-Махмуд (Сеит-Махмут) — 103, 115
 Селим Явуз («Грозный»), османский падишах — 13, 74, 122, 123, 134, 151, 174, 191
 Селим II, османский падишах — 16, 17, 21, 149
 Селим-Гирей, крымский хан — 192
 Семичев — 194
 Сенковский О., востоковед, писатель — 147, 202
 Серапион Владимирский, церковный писатель — 188
 Сефер Гази ага, ханский везир — 197
 Сигизмунд I Старый — 94, 95, 109-113, 118, 119, 121, 124-127, 133-135, 138-140, 142, 144, 145, 149, 153, 155-157, 162, 164, 168, 182
 Сигизмунд II Август — 169
 Сигизмунд (1368 — 1437), король венгерский, немецкий, богемский, германский кайзер — 50, 53-55, 64
 Сикст IV, римский папа — 18
 Симонов К., поэт — 22
 Синан-бей — 50
 Синицина Н.В., историк — 14
 Скиндер. См. Искендер
 Смирнов В.Д., историк, востоковед — 11, 20, 69, 86, 155-157, 202
 Смирнов И.И., историк — 23, 24, 125, 131, 145
 Смирнов Н.А., историк — 25, 26
 Соловьев С.В., историк — 133, 145, 157, 182, 185
 Соловьев С.М., историк — 18, 22, 131
 Солодкин Я.Г. историк — 189
 София, кн. — 88, 90
 Стефан, валашский воевода — 83, 87, 96, 103
 Стефан Лазаревич, сербский деспот — 54
 Стрыйковский М. — 108, 117
 Сулейман Кануни, османский падишах — 20, 21, 34, 38, 73, 75, 110, 111, 127, 133, 134, 136-138, 142, 144, 145, 151, 158, 161, 174, 182, 192, 194
 Султан-Ахмед мирза — 103, 105
 Султанов Т.И., историк, востоковед — 67, 70, 78
 Суюн-бике — 168
 Сююндюк — 141
 Сялкиш — 160, 167
 Тагир — 99
 Тагри Бирди — 51
 Тайбутиды — 174-176
 Тарди Л., историк — 53, 63
 Тарновский И. — 132, 149
 Татищев В.Н., историк — 17
 Тауберт И.К. — 17
 Телепнев-Оболенский И.Ф. — 131
 Темир, посол — 89
 Тёрёк Йоза — 53, 54
 Тимур (Тамерлан) — 51, 52, 63
 Тимур (Темир) б. Мансур мангытский беглербек — 89, 93, 116, 139, 154
 Тиниш, астраханский алчин — 116
 Тихомиров М.Н., историк — 159, 160
 Тревизан Дж.Б. — 88, 89, 97
 Трепавлов В.В., историк — 32, 64, 119, 159, 161, 170, 172
 Тоган Зеки Велиди, востоковед, историк — 119, 161
 Тохтамыш (Тактамыш), алчин — 106, 112, 116
 Тохтамыш-хан — 51, 52, 62, 63
 Тукай Габдулла — 195, 196
 Тунманн, историк — 165, 185
 Турсул Бег — 50
 Убайдулла, узбекский хан — 174
 Угдей (Угудай) — 156
 Узбек («Узубек», «Азубек») — 120
 Узун-Хасан — 85
 Узунчаршылы И.Х., историк — 38, 40, 64

Улуг-Мухаммед («Магомет», «Махмет»), хан — 12, 49-60, 65-67, 69, 78, 162
 Ульченко Н.Ю., историк — 122
 Умар, праведный халиф — 130, 134, 150, 178
 Урак (Урачко), казак великого князя — 159, 167
 Упин А. — 141
 Усман, праведный халиф — 134, 150
 Усманов М.А., востоковед, историк — 11, 32, 61, 122, 156, 168
 Успенский Б.А. — 203
 Утемиш-Гирей (Утямиш), казанский хан — 159, 161, 168
 Утемиш-Хаджи — 112, 119
 Фаизов С.Ф., востоковед, историк — 12, 181
 Фахретдин Р., историк — 20
 Федор Иванович, московский царь — 180
 Феридун-бей Ахмед, османский государственный деятель, историк — 69
 Фишер А.В., историк, востоковед — 12, 38
 Фишер С. — 35
 Фома Амореяский — 88, 126
 Фра Мауро — 84
 Св. Фрол — 203
 Фукс Карл, историк — 198
 Фундуклуду, османский историк — 192
 Хабутдинов А. — 198
 Хаджи-Гирей («Ази-Гирей») — крымский хан 20, 21, 29, 30, 35, 56, 72, 82-86, 93, 101, 103, 168, 169
 Хаджи-Гирей, кн. Ордынский — 99
 Хаджи Мехмед Сенаи, ханский историограф — 197
 Хаджи-Мухаммад б. Муса — см. Кошум-мирза
 Хаджи Эвренос-бей — 151
 Хаджике (Хаджи-Ахмед б. Дин-Суфи, «Азика») — 102, 114
 Хадым Али-паша, великий везир в 1501-1503 и 1506 — 1511 гг.
 Хайреддин б. Абдуллах, пушечник — 153
 Хакк Назар, казахский хан — 176
 Хакимзянов Ф., историк — 170
 Халаши-Кун Т. — 52, 66-68.
 Халек б. Ахмед — 106, 120
 Халиль-паша — 192
 Халиль кафинский санджак-бей («Халиль бег») — 135, 153
 Халкокондил Лаоник — 52, 63
 Хаммер-Пургшталь Й. фон — востоковед 11, 20, 38, 69
 Хасан б. Тимур («Асан») — 192
 Хаттенбах Г., историк — 39
 Ходкевич И. — 102
 Хосров (Хусрев) Ануширван — 134, 150
 Худяков М.Г., историк — 11, 22
 Хусейн («Всейн»), посол Коджака — 118
 Хюсейн — 61
 Цветаева М., поэт — 202
 Цицерон — 132
 Чалагозинь — 160, 162
 «Чиглик Алот» — 177
 Чиж Лев — 132
 Чингиз б. Узбек — 120
 Чингиз-хан — 156, 177
 Чингизиды — 106
 Чистякова Е.В., историк — 42
 Чолгазы — 162
 Чулков Д., московский воевода — 176
 Шами Низам ад-Дин — 52, 63
 Шах-Али б. Шейх-Аулиар См. Шигалей.
 Шах-Хусейн сейид («Шаусейн сени») — 125

- Шахин-Гирей, последний крымский хан — 198
- Швайгер С., австрийский посол в Стамбуле — 182
- Шейбаниды — 174-176
- Шейх-Ахмед, хан — 99-117, 119, 120
- Шейх-Хайдар — 193
- Шерифи — 127, 161, 166
- Шестаков — 22
- Шибаниды — 174, 175, 178
- Шигай хан — 176
- Шигалей (Шах-Али), касимовский и казанский хан — 124, 162, 166, 180
- Шильтбергер И. — 55
- Ших-Мамай — 163
- Шмидт С.О., историк — 28
- Шпулер Б., востоковед, историк — 11, 84
- Штромер фон Райхенбах — 54
- Шуйские 141, 145
- Шуйский Василий — 146
- Шуйский И.В. — 141, 158
- Эвлия Челеби, османский путешественник — 118, 156, 164, 165, 201
- Эйюби — 136
- Эмин-Гирей б. Сахиб-Гирей — 157
- Эминек — 74, 87
- Юнус б. Юсуф, ногайский мирза — 163, 166
- Юсуф, ногайский мирза — 20, 163-169
- Юшка — 158
- Ягайло — 56, 57
- Ягеллоны, династия — 34, 148, 169
- Ямгурчи («Ямгурчей»), астраханский хан 20
- Ямгурчи («Янгурчи») — 160, 162
- Ямгурчи князь — 112
- Янбарс. См. Растов Янбарс
- Янсуба «Бадраков племянник» — 165
- Янсубин Енгарай — 167, 168
- Ярлыгаш кн. — 20
- Chiglicke Alothé. См. Чиглик Алот
- Halasi Kun T. См. Халашаи-Кун Т.
- Hazak. См. Коджак
- Kozak. См. Коджак
- Nicolaus de Geretz — 53
- Scheachmet. См. Шейх-Ахмед
- Szerecsen Miklos (Nicolaus Sarachenus) — 53
- Török Josza (Iosa Turcus) — 53

Подписано в печать 15.05.04 г. Формат 60x84/16.
Объем 13,5 усл.печ.л. Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет выполнен ЗАО Издательство «Рудомино»
109189 Москва, ул. Николоямская, д. 1

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46